

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
(КарНЦ РАН)

На правах рукописи

Маташина Ирина Сергеевна

**Восприятие родины в шведоязычной литературе
Финляндии конца XIX – начала XXI века**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Специальность 5.9.2 – Литературы народов мира

Научный руководитель:

доктор филологических наук
Елена Григорьевна Сойни

Петрозаводск – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Исторический экскурс. Шведский язык в Финляндии.....	14
Глава I. Образ потерянной родины в творчестве К.А. Тавастшерны	28
1.1. К.А. Тавастшерна – классик шведской литературы Финляндии....	29
1.2. Раннее творчество К.А. Тавастшерны: космополитические мотивы в лирике и первый роман «Друзья детства».....	32
1.3. Роман «Тяжелые времена»: отказ от романтических идеалов и критика современной действительности.....	38
1.4. «Патриот без родины» – одиночество среди людей. Русский след в творчестве К.А. Тавастшерны.....	54
1.5. Возвращение к поэзии. Образ потерянной родины в поздней лирике К.А. Тавастшерны.....	65
Глава II. Образ Финляндии в творчестве Рунара Шильдта	72
2.1. Р. Шильдт как представитель течения «дагдриваре».....	72
2.2. Новеллы Р. Шильдта как срез современного общества: ирония и судьба «дагдриваре».....	81
2.3. Изображение гражданской войны и мотив одиночества в новеллах Р. Шильдта.....	91
2.4. Поздний период творчества. Драмы Р. Шильдта.....	100
Глава III. Чель Вестё как представитель современной литературы Финляндии на шведском языке	111
3.1. Образ родного города в романах Ч. Вестё.....	114
3.2. Образ родины в творчестве Ч. Вестё.....	140
Заключение	148
Список использованной литературы	154
Приложение	172

Введение

Финляндия – государство с богатой историей и самобытной культурой. Одной из его особенностей является наличие в стране нескольких национальных меньшинств. Уникальна история шведоязычного населения Финляндии, которое, составляя когда-то элиту общества, потеряло привилегированное положение с развитием национального самосознания финнов. Этот процесс повлиял на лингвистический баланс в стране: шведский отошел на второй план, став языком национального меньшинства, пусть и обладающего особым статусом (второго государственного языка, статус которого закреплён в Конституции страны). Такое соотношение актуально и поныне, при этом финляндские шведы сохраняют свою идентичность, культуру и язык, хотя большинство из них – билингвы. Своеобразие сложившейся ситуации уже долгое время поддерживает интерес к проблемам этой части населения Финляндии ученых: социологов, политологов, историков, филологов.

Шведоязычная литература занимает особое место в культуре Финляндии. Э.Г. Карху подчеркивает, что «шведоязычная литература Финляндии – это, разумеется, литература именно финляндских шведов и часть общепинляндской литературы со своими особыми проблемами, равно как и особым восприятием общемировых проблем»¹. Исследователи отмечают, что до 1809 года по-шведски говорили представители высшей, образованной части общества, тогда как финский язык использовался лишь для создания духовных текстов и законов². В Средние века в богослужении использовался латинский язык. В течение XIX века расцветает финское национальное самосознание, растет статус финского языка, это время изменений в культурной и общественно-политической сферах. После издания в 1863 году Александром II «Высочайшего постановления об уравнивании

---

¹ Карху Э.Г. История литературы Финляндии XX век. Ленинград: Наука, 1990. С. 34.

² af Hällström-Rejonen Ch. Finlandismer och språkvård från 1800-talet till i dag. Helsingfors: Nordica, Helsingfors universitet, 2012. S. 43.

в правах финского и шведского языков» наметившаяся тенденция закрепляется законодательно. Неудивительно, что дискуссии о будущем шведского языка и его носителей в Финляндии разворачивались как на страницах журналов, так и в художественной литературе – и финноязычное, и шведоязычное население переосмысливало свое положение в родной стране.

В диссертационном исследовании «Восприятие родины в шведоязычной литературе Финляндии конца XIX– начала XXI века» анализируется эволюция отношения представителей шведского населения Финляндии к своей стране, воплощенная в литературе. Шведская часть населения всегда составляла численное меньшинство по отношению к финноязычным гражданам, однако фактическое положение данной группы населения менялось на протяжении рассматриваемого исторического периода. Шведоязычное население Финляндии потеряло большую часть своих привилегий экономического, политического и культурного характера, став меньшинством в юридическом его понимании: «группа, численно уступающая остальному населению государства, находящаяся в недоминирующем положении, члены которой, являясь гражданами данного государства, имеют этнические, религиозные или языковые характеристики, отличающие ее от остального населения, и демонстрируют, пусть и не в явной форме, чувство солидарности, направленное на сохранение своей культуры, традиций, религии или языка»³. В настоящее время, по статистическим данным, по-шведски говорит лишь небольшая часть населения страны, примерно 290 000 человек⁴.

Актуальность исследования обусловлена современными общественными процессами, когда у народов, представляющих национальные меньшинства, возрастает интерес к поискам своего места в историческом и социокультурном пространстве. Эти поиски ярче всего проявляются

---

³ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. Санкт-Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. С. 175.

⁴ af Hällström-Rejonen Ch. Svenska talas också i Finland [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://si.se/sa-arbetar-vi/svenskan-i-varlden/artiklar-om-sprak/svenska-talas-ocksa-i-finland/#:~:text=Trots%20att%20det%20g%C3%A5tt%20%C3%B6ver,drygt%20fem%20procent%20av%20befolkningen> (дата обращения: 28.10.2023).

в литературе, посвященной образу родины. Особую актуальность восприятие родины приобретает в условиях глобализации. В связи с этим необходимо детально и всесторонне исследовать восприятие образа родины в шведоязычной литературе Финляндии.

Исследования в области шведоязычной литературы составляет неотъемлемую часть сферы научных интересов ученых, и поле существующих работ о ней достаточно обширно. Однако исследование изображения Финляндии представителями шведского национального и языкового меньшинства этой страны на протяжении длительного исторического периода еще не нашло своего отражения в трудах ученых. Изучение художественных произведений, созданных шведоязычными писателями Финляндии, открывает возможности для выявления новых, ранее не известных фактов как в литературе Финляндии, так и в ее взаимодействии с литературами других стран, в том числе литературой России. Научное сообщество заинтересовано в исследованиях взаимопроникновений и взаимовлияний в культуре носителей разных языков. Погружение в историю и современность шведско-финского взаимодействия на литературном материале является специфичным аспектом такого интереса, позволяющего провести параллели со многими народами России и мира.

Научная новизна работы: В отечественном литературоведении тема либо образ родины уже становились предметом для исследования: им посвящены диссертационные исследования Цзан Ю. «Образ Родины в поэзии русской эмиграции в Китае 1920–1940-х годов (интертекстуальный пласт)», Романова Ю.А. «Образ России в художественном творчестве Лу Андреас-Саломе», статьи Федотовой А.А. «Лики России в цикле А.Блока «Родины», Черновой А.Е. «Образ Родины в русской литературе (на примере поэзии Николая Рубцова)» и многие другие. В 2004 году вышел сборник

статей «Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России»⁵, в котором исследуется восприятие Финляндии и финского народа в России, Л.В. Никифорова обратилась к изучению образ Финляндии в русской романтической традиции⁶, Дымшиц В.А. рассматривал изображение Финляндии О. Манделъштамом и И. Бабелем⁷. О положении шведского языка в Финляндии писали такие отечественные ученые как О.С. Куцова, Д.Е. Колесников, А.М. Дементьева, Н.И. Бальчюнене

Тем не менее, на настоящий момент в отечественном литературоведении нет работ, посвященных проблеме восприятия родины в шведоязычной литературе Финляндии. Более того, на настоящий день подобного исследования нет и на шведском и английском языках.

Степень разработанности темы исследования. Финская литература в различных ее аспектах неоднократно становилась объектом исследования. Творчество каждого из авторов, представленных в нашей работе, становилось предметом изучения, однако в исследовательском поле преобладают либо работы энциклопедического характера, прослеживающие историческую динамику литературного процесса Финляндии, либо труды, посвященные биографии писателей.

Имеется ряд исследований, посвященных истории и социокультурным особенностям шведского населения Финляндии. Шведоязычная литература Финляндии также становилась материалом для исследования. Среди отечественных работ наиболее известен двухтомник Э.Г. Карху «История литературы Финляндии»⁸, в котором литература Финляндии на шведском языке выделена в особый раздел, но рассматривается в контексте литературы страны в целом. Э.Г. Карху уделяет внимание наиболее видным писателям

---

⁵ «Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России»⁵: Сб. статей / Под науч. ред. А.Н. Цамутали, О.П. Илюха, Г.М. Коваленко. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. – 404 с. (Серия "Научные доклады"; Вып. 1.).

⁶ Никифорова Л.В. Образ Финляндии в русской романтической традиции: к вопросу об историко-культурных корнях «северного модерна» // Общество. Среда. Развитие. – 2010, № 4. С. 107–110.

⁷ Дымшиц В.А. «Небо, улетающее как птица!» (Образ Финляндии в прозе Осипа Манделъштама и Исаака Бабеля) // Judaic-Slavic Journal. 2018. No. 1. С. 44–58.

⁸ Карху Э.Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. 510 с., Карху Э.Г. История литературы: XX век. Л.: Наука, 1990. 607 с.

и поэтам различных периодов истории финляндской литературы, в том числе Карлу Августу Тавастшерне и Рунару Шильдту.

Обширна библиография, посвященная истории шведской литературы Финляндии, выпущенная шведским обществом Финляндии. Наиболее полными являются сборники, выпущенные под редакторством Ю. Вреде и М. Экмана «История шведской литературы Финляндии» и «Шведская литература Финляндии 1900-2012» (*Finlands svenska litteraturhistoria* и *Finlands svenska litteratur 1900-2012*), в которых освещаются особенности творческого пути видных писателей, представляющих шведскую литературу Финляндии. Монография Томаса Варбуртона «80 лет шведской литературы Финляндии» (*80 år finlandssvensk litteratur*) также охватывает исторический период, в ней прослеживается эволюция тематики и художественных методов писателей.

Большое внимание исследователей привлекает позиция шведской литературы Финляндии благодаря ее уникальному статусу. Шведское население Финляндии, являясь в своей стране языковым и национальным меньшинством, имеет богатую историю и память о былом господствующем положении в обществе. В основу нашего исследования положены труды русских ученых: М.М. Бахтина, Э.Г. Карху, А.И. Мишина, Д.М. Шарыпкина, О.В. Пожидаевой, Н.Д. Александрова и других.

Статусу литературы и ее создателей посвящены статьи А.И. Мишина⁹, А.А. Мацевича¹⁰, О.Г. Абрамовой¹¹. О шведской литературе в контексте

---

⁹ Мишин А.И. Шведоязычная литература Финляндии начала XX века / А.И. Мишин // Шведоязычная литература Финляндии начала XX века // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1991. С. 108–130.

¹⁰ Мацевич А.А. Становление национальной самоидентификации в культуре и литературе скандинавских стран // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1, № 1–2. С. 171–191.

¹¹ Абрамова О.Г. О роли шведоязычной Финляндии в истории восприятия творчества В. Маяковского в Швеции / О.Г. Абрамова // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. - Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – С.75–80.

творчества отдельных писателей говорят Ю. Тидигс¹², Т. Петтерссон¹³, Б. Хаагенсен¹⁴, Э. Экелюнд¹⁵.

Существует большое количество работ, рассматривающих языковые и литературные особенности культурной жизни шведского национального меньшинства. Часто внимание уделяется вопросам мировосприятия, идентичности финских шведов, особенностям функционирования их языка. Литературоведы С. Линнер, Т. Варбуртон, С. Грёндаль выявляют особенности и отличия произведений финно- и шведоязычных писателей Финляндии. Диссертации и статьи К. Мальмио, М. Ливаль-Линдстём посвящены психологизму в женских романах. В трудах Ю. Тидигс, А. Линдхольм поставлена проблема многоязычности произведений отдельных крупных писателей (Э. Диктониуса, Р. Энкелля, А. Ядерлунда, Х. Руина, Я. Аренберга и др.) Теме родины уделял внимание финский ученый и критик М. Экман в исследованиях творчества Бертеля Грипенберга.

Объект исследования – шведоязычная литература Финляндии XIX–XXI веков (произведения, опубликованные в период с 1886 по 2017 годы).

Предметом исследования выступает художественное воплощение образа родины в творчестве шведоязычных писателей Финляндии Карла Августа Тавастшерны (1860–1898), Рунара Шильдта (1888–1925) и Челя Вестё (род. 1961) в контексте литературного процесса современной автору эпохи. Каждый из писателей в своем творчестве сумел изобразить ключевые моменты финской истории: смену лингвистической парадигмы,

---

¹² Tidigs J. Att skriva sig över språkgränserna. Flerspråkighet i Jac. Ahrenbergs och Elmer Diktonius prosa. 2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/39960904.pdf> (шв., «Писать, минуя языковые границы»)

¹³ Pettersson T. Det svårgripbara livet & Ett förbisett tema i dagdrivarlitteraturen // Från dagdrivare till feminister. Studier i finlandssvensk 1900-litteratur / red. av Sven Linner. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1986. S. 9–41. (шв., Неуловимая жизнь. Нераскрытая тема в литературе писателей-дагдриваре)

¹⁴ Haagensen B. Två tider – två miljöer – två romaner. Språkväxling i Kjell Westös Helsingforsskildringar // Språkmöten i skönlitteratur. Perspektiv på litterär flerspråkighet / red. Björklund S., Lönnroth H. Vasa: Vasa universitet, 2016. № 6. S. 75–90. (шв., Две эпохи – два места – два романа. Смена языков в описаниях Хельсинки у Ч. Вестё).

¹⁵ Ekelund E. Tavaststjerna och hans diktning / Skrifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland CCCXXXI. Svenska litteratursällskapet i Finland förlag, Helsingfors. 1950. Ejnar Munksgaard forlag, København [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://litteraturbanken.se/f%C3%B6rfattare/EkelundE/titlar/TavaststjernaOchHans/sida/321/faksimil> (дата обращения - 24.10.2022) (шв., Тавастшерна и его лирика).

становление Финляндии как самостоятельного государства, историю гражданской войны в Финляндии.

В нашей работе представлена эволюция образа родины в шведоязычной литературе Финляндии, выявлены особенности изображения родины как позитивные, так и негативные. Для этого мы обратились к творчеству писателей, наиболее ярко отразивших в своих книгах современную им картину родной страны. Основным **материалом** для исследования послужили: в первой главе диссертации – романы К.А. Тавастшерны «Друзья детства» (*Barndomsvänner*, 1886) «Трудные времена» (*Hårda tider*, 1891, «Патриот без родины» (*En patriot utan fosterland*, 1896), в которых прослеживается ощущение потери шведоязычным населением Финляндии своей родины в связи с подъемом финского национального самосознания. Во второй главе исследование переходит к началу XX века, анализируется творчество Рунара Шильдта, представителя группы писателей-«дагдриваре», рассуждавших о росте городов и их влиянии на человека, о противоречиях между финским и шведским языками и сферами их употребления, об ощущении человеком своей «чуждости» в обществе (сборники новелл «Все побеждающий Эрос» (*Den segrande Eros*, 1912), «Асмодей и тринадцать душ, а также еще три новеллы» (*Asmodeus och de tretton själarne samt tre noveller*, 1915), «Пердита и другие новеллы» (*Perdita och andra noveller*, 1918), «Возвращение домой» (*Hemkomsten och andra noveller*, 1919), «Ведьмин лес» (*Häxskogen*, 1920), драма «Рыцарь счастья: представление в пяти действиях» (*Luskoriddaren: skådespel i fem akter*, 1923) в сравнении с произведениями Туре Янсона. Третья глава посвящена теме родины в творчестве современного писателя Челя Вестё, художественно переосмысливающего историю Финляндии второй половины XX века (повесть «Мелба, Маллинен и я», *Melba, Mallinen och jag*, 1992, романы «Ланг, человек без запаха» *Lang*, 2002, «Там, где мы бродили однажды», *Där vi en gång gått*, 2006, «Мираж 38» *Hägring 38*, 2013, «Серно-желтое небо», *Den svavelgula himmelen*, 2017).

Цель работы – проследить эволюцию изображения Финляндии в художественных произведениях шведоязычных писателей Карла Августа Тавастшерны, Рунара Шильдта, Челя Вестё, выявить черты сходства и отличия в их подходе к формированию образа родины, проанализировать особенности, характеризующие этот образ в произведениях разных исторических периодов и разных жанров. Достижению указанной цели должно способствовать решение следующих **задач**:

- рассмотреть лирику и прозу К.А. Тавастшерны в контексте изображения им Финляндии как потерянной родины;
- выявить характерные черты, свойственные писателям «дагдриваре»;
- проанализировать особенности художественного отражения финской действительности в новеллах Р. Шильдта
- на материале произведений Ч. Вестё раскрыть литературное воплощение взглядов жителя современной Финляндии на ключевые исторические события в жизни страны.

Методы исследования

Принимая во внимание значимость особого положения шведоязычных писателей в литературе Финляндии, помимо собственно анализа художественного текста нельзя не обратить внимание на исторический и социологический контекст творчества каждого из представленных в исследовании авторов. Поэтому в диссертационном исследовании используется комплексный подход, объединяющий материалы не только по литературе, но и по истории и социологии. В связи с этим при решении поставленных задач в работы были использованы следующие методы: биографический, историко-литературный, сравнительный, типологический.

Положения, выносимые на защиту:

1. Творчество шведоязычных писателей Финляндии вписано в исторический контекст: в анализируемых произведениях К.А. Тавастшерна, Р. Шильдт, Ч. Вестё художественно переосмысливают историю родной страны в период подъема финского самосознания, гражданской войны

и на современном этапе соответственно.

2. Главным героем произведений трёх вышеуказанных писателей становится человек, который замечает происходящие в обществе изменения и испытывает беспокойство за будущее. Хотя он является носителем шведского, оба языка, и шведский, и финский, функционирующие в родной стране, ему в равной степени близки. В то же время он ощущает свою обособленность от основной части населения. При этом герой чувствует, что родина для него – Финляндия, даже если поначалу он этого не осознает и стремится покинуть страну в поисках лучшей жизни.

3. В романах К.А. Тавастшерны Финляндия XIX века описывается как «потерянная родина». Автор фиксирует переход шведской части общества от этнокультурного большинства к меньшинству, выразившийся в потере доминирующего положения в период расцвета финского самосознания.

На смену традиционным ценностям приходит новая мораль и новый жизненный уклад, который воплощается в образе железной дороги (роман «Трудные времена»). В поиске героем романа К.А. Тавастшерны «Патриот без родины» своей внутренней опоры прослеживается параллель с русской литературой.

4. Начало XX века – время поиска шведоязычным населением своего нового положения в финском обществе, отразившееся в философии движения дагдриваре и получившее яркое выражение в творчестве Рунара Шильдта. Основной характеристикой героев в произведениях дагдриваре является осознание ими своей ненужности. Поиск своего предназначения оказывается для них неудачным.

5. Цель Вестё концентрируется на изображении Финляндии через образ Хельсинки/Гельсингфорса, противопоставляя «шведский» и «финский» города, сосуществующие в одном географическом пространстве. История Финляндии XX века является неотъемлемой частью сюжета произведений Челя Вестё, исторические события оказывают непосредственное влияние на судьбу их героев. В отличие от К.А. Тавастшерны и Р. Шильдта Ч. Вестё

предлагает свое видение будущего и свой вариант преодоления существующих противоречий.

Теоретическая значимость работы заключается в следующем:

1. Выявлена связь литературного творчества финляндских шведов с социальными изменениями в финском обществе;
2. Введен в отечественный научный обиход термин «дагдриваре», характеризующий направление в шведской литературе Финляндии начала XX века;
3. Проанализированы особенности изображения Финляндии шведоязычными писателями трех исторических периодов на основе комплексного подхода к исследованию;

Научно-практическое значение работы состоит в том, что результаты исследования могут найти применение в дальнейшем изучении финской и шведской литературы Финляндии, проведении параллелей с русской литературой, разработке общих и специальных курсов по истории литературы народов мира в практике вузовского преподавания.

Апробация работы Основные результаты исследования отражены в докладах «Восприятие творчества Ф.М. Достоевского в шведоязычной литературе Финляндии XX века» («Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере», г. Петрозаводск 01.10.2015-02.10.2015.), «Роман К.А.Тавастшерны «Патриот без родины» (Финляндия) и его русский источник» (XLV Международная филологическая конференция, г. Санкт-Петербург, 14.03.2016-21.03.2016), «Особенности шведоязычной литературы Финляндии начала XX века» («Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур», г. Петрозаводск, 24.05.2016-27.05.2016), «Лермонтовские мотивы в романе Карла Августа Тавастшерны «Патриот без родины» (45 Международная филологическая конференция, г. Санкт-Петербург, 14.03.2016-21.03.2016), «Двойственность образа автора в романе К.А.Тавастшерны «Патриот без родины» («(Авто)биографический миф в литературе и искусстве»,

г. Москва, 26.04.2017-27.04.2017), «Особенности изображения Финляндии в творчестве Ч.Вестё» («Свое» и «чужое» в культуре: XI Международная научная конференция, г. Петрозаводск, 22.06.2017–24.06.2017), «Социокультурный контекст в творчестве Ч. Вестё» (Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе», г. Нижний Новгород, 26.10.2023-28.10.2023).

По теме диссертации опубликовано 19 статей и тезисов докладов.

Структура работы. Цель и задачи исследования определяют структуру работы. Она состоит из введения, исторической справки о шведском языке в Финляндии, трех глав, заключения и списка литературы. В приложении приведен перевод отрывка романа Челя Вестё «Мираж 38», выполненный автором диссертационного исследования.

Исторический экскурс. Шведский язык в Финляндии

В ходе исследования мы рассматриваем эволюцию изображения и восприятия Финляндии на специфическом литературном материале. Шведоязычные писатели Финляндии занимают в ее культурной жизни особое положение, поскольку связаны как с финской, так и со шведской культурой. По мнению В.В. Катерминой, «сущностные особенности языковой личности писателя можно выразить двумя положениями: во-первых, языковая личность писателя-творца индивидуализирована, во-вторых, она существует не в вакууме, а в рамках национальной картины мира и может реализовать индивидуальные черты только на общем концептуальном фоне»¹⁶. В связи с этим представляется необходимым осветить исторический аспект положения шведского языка в финском государстве, поскольку этот контекст так или иначе находит отражение в исследуемом литературном материале.

Вопрос о статусе шведского языка в Финляндии имеет долгую историю, и находит непосредственное отношение не только в социальной сфере, но и в культуре, и, в особенности, в литературе. Достаточно лишь отметить, что вплоть до 1910-х годов не существовало устоявшегося термина, обозначающего финляндский вариант шведского языка. Исследователь Й. Тюлин-Клаус отмечает, что в XIX веке использовался термин «den finländska svenskan», тогда как после дискуссии в газете «Studentbladet» появился термин «finlandssvenska», использующийся в научном и бытовом обиходе и поныне¹⁷.

Исследование истории шведского языка в Финляндии естественным образом интересует жителей самой Финляндии, Швеции, но также является объектом исследования для лингвистов и литературоведов иных стран.

---

¹⁶ Катермина В.В. Языковая личность автора в художественном тексте // Человек. Культура. Образование. 2016. №2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-avtora-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 26.03.2024).

¹⁷ Thylin-Klaus J. Svenskan i den unga republiken Finland // Svenskan i Finland. Helsingfors: Unigrafia, 2018. S. 10.

В отечественной науке, в частности, этому вопросу посвящены работы А.М. Дементьевой¹⁸, Е.А. Картушиной¹⁹, О.С. Куцова, Д.Е. Колесникова²⁰.

История шведского языка в Финляндии начинается со времен первых крестовых походов XII-XIII веков, в результате которых были основаны города Або (Турку), Борго (Порвоо) и Выборг, шведское влияние распространилось на территории, исторически занятые финно-угорскими племенами. Шведский язык становится языком административного управления новыми территориями, а также получает распространение в связи с притоком шведоязычного населения.

Первый толчок к изменению языковой ситуации на территории Финляндии происходит в XVI веке в ходе Реформации, связанной с деятельностью Микаэля Агриколы (1510-1557 гг.), выпускника Виттенбергского университета, ученика Мартина Лютера. Перу Агриколы принадлежит первая книга, напечатанная на финском языке, «Азбука» (ABCkirja, 1543 г.) и первый перевод «Нового Завета» на финский язык (1548 г.). После появления финской письменности, положение финского языка постепенно укрепляется в церковной сфере, богослужение переходит с латыни на финский. Финский язык остается языком повседневного общения на бытовом уровне. XVII век – пик шведского великодержавия, однако уже в начале XVIII века зарождается феннофильское культурное течение.

Кардинальные изменения произошли в XIX веке в связи с вхождением в 1809 году Финляндии в состав Российской империи, финский язык получил поддержку на государственном уровне и начал быстро сравнивать свои позиции со шведским языком. Вопрос о статусе шведского и финского языков породил ожесточенные споры, поскольку принадлежность к той или иной языковой группе была, да и в наше время остается важной частью

---

¹⁸ Дементьева А.М. Лексические особенности шведского языка в Финляндии. Дисс. канд. фил. н. М., 2018. 200 с.

¹⁹ Картушина Е. А. Три этапа формирования современной языковой ситуации в Финляндии // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2015. № 3. С. 19–36.

²⁰ Куцова О. С., Колесников Д. Е. Положение шведского языка в Финляндии (исторический аспект) // Россия в глобальном мире. 2021. № 21 (44). С. 81–91.

самоидентификации населения Финляндии. Своеобразное противостояние финского и шведского языков развивалось волнообразно, и первый пик разногласий пришелся на 1860-1880 годы, на то время, когда происходит подъем финского самосознания. Этому способствовала популяризация национального эпоса «Калевала», опубликованного в 1835 г., к образам которого обращались деятели литературы и искусства, также публикация в 1870 году первого романа на финском языке Алексиса Киви «Семеро братьев».

По словам историка Вильо Расила, языковой вопрос «стал водоразделом, выявляющим политические воззрения тех или иных групп»²¹. Противостояние финского и шведского языков нашло выражение в конфронтации финноманов и свекоманов. Таким образом, к концу XIX в. совокупность экстралингвистических факторов привела к существенному ограничению сфер употребления шведского языка в Финляндии, за это время выросло новое поколение, которое застало подъем и расцвет финского языка, появление прекрасных образчиков литературы. Не последнюю роль в этом сыграли такие факторы, как поддержка шведоязычными гражданами страны финского языка на начальном этапе (смена имен и выбор финноязычных школ для детей), браки между представителями финского и шведского населения, публикация эпоса «Калевала», ставшего символом величия финского народа. Быстрая индустриализация Финляндии, как подтверждает исследование профессора М. Чиараволо, привела к тому, что в области, традиционно бывшие шведоязычными, начался приток финноязычного населения²². К началу XX в. шведский язык в Финляндии подвергался двойному давлению, оказываемому как со стороны финского, так и со стороны русского языков.

В 1902 году было опубликовано постановление (шв. Språkförordning), официально уравнивающее в правах шведский и финский языки. В Великом

---

²¹ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2006. С. 91.

²² Ciaravolo M. Storstaden och flänören som finlandssvenskt problem. Runar Schildt, Arvid Mörne och Erik Grotenfelt Flänörens världsbild [Электронный ресурс]. S. 94. Режим доступа: https://flore.unifi.it/retrieve/handle/2158/900175/50139/Schildt_M%C3%B6rne_Grotenfelt.pdf (дата обращения: 26.09.2017).

княжестве Финляндском как одной из частей Российской империи осуществлялась политика унификации (введение преподавания в школах русского языка), что частично сгладило языковые противоречия, возникшие в связи с противопоставлением финского и шведского языков. 20 апреля (3 мая) 1906 г. было опубликовано «Высочайшее постановление относительно русского языка в делопроизводстве административных учреждений Финляндии», согласно которому шведский и финский языки в делопроизводстве получили равный статус. Проведенная в этом же году смена формы правления дала Финляндии возможность самостоятельно решать языковые вопросы (устаревший сословный сейм был заменен однопалатным парламентом Эдускунтой (фин. Eduskunta). Период рубежа веков стал временем активного обсуждения судьбы шведского языка в Финляндии. Одной из причин столь высокого напряжения в противостоянии фенноманов и свекоманов была связь между языковой принадлежностью финляндских шведов и их самоидентификацией.

Помимо собственно языковых споров, дискуссия о шведском и финском вариантах языка касалась принципиальной позиции, которой следовало придерживаться в межкультурных отношениях их носителей, способа устранения языкового конфликта. Проявления этих размышлений можно отметить в разных сферах культурной жизни шведской Финляндии, к примеру, на страницах журналов.

Одним из оплотов традиционных взглядов являлся в то время журнал «Финск тидскрифт» (Финский журнал, Finsk Tidskrift). Политика редакции была ориентирована на научный, академический подход к материалу. Литературовед Стефан Нюгорд даже называет журнал консервативным²³. Как правило, в «Финск Тидскрифт» авторы публикаций в решении языкового вопроса ориентировались на сохранение культурной связи со Швецией. К примеру, именно в этом журнале вышли в свет такие исследования,

---

²³ Nygård S. Det kosmopolitiska alternativet Tidskriften Euterpe och de intellektuellas transnationella strategier. S. 31.

как «Изучение основ шведского языка в Финляндии» (Studier på svensk språkbotten i Finland 1885 г.) Карла Линдстрёма (Karl Lindström, 1859–1892), «Еще несколько слов о заселении Финляндии шведами» (Ännu några ord om svenskarnas inflyttning till Finland, 1902 г.) Ральфа Саксена (Ralf Saxén, 1868–1932), большая часть работ Рейнольда Феликса фон Виллебранда (Reinhold Felix von Willebrand, 1858–1935).

В противовес этой позиции некоторые видные деятели культуры, видевшие будущее в выходе за пределы национализма, противостояния финского и шведского языков, объединились для издания нового журнала. Он увидел свет в 1902 году и получил название «Эвтерпа» («Euterpe»). Участвовавшие в публикациях авторы позиционировали себя как интеллектуалов вне академической среды и политики. В центре их внимания был общеевропейский культурный контекст, с которым они желали познакомить свою публику. Издатель Рольф Лагерборг (Rolf Herbert Hjalmar Lagerborg 1874-1959) выражал свое мнение так: «Эвтерпа» не хочет и не может конкурировать с более старыми литературными журналами. Но необходимо дать место молодым, – и пусть они состарятся здесь же, это сердечное желание издателей «Эвтерпы»! (Euterpe varken vill eller kan konkurrera med äldre litterära tidskriftsföretag. Med en plats för de unga begåfningarna måste vinnas, – å måtte de åldras på denna plats, det är Euterpes utgifvares hjärtliga önskan!)²⁴

Члены редакции «Эвтерпы» предлагали преодолевать затруднительное для финляндских шведов положение через осознание своей связи с иностранными интеллектуальными достижениями, в особенности это касалось Франции и Германии. Описывая деятельность «эвтерпистов», исследователь Стефан Нюгорд называет несколько ключевых слов: «Европа, прогресс, просвещение и космополитизм»²⁵.

---

²⁴ Till läsaren. // Euterpe. 1901. № 52. S. 3. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/693075?page=1> (дата обращения: 26.09.2017).

²⁵ Nygård S. Från Euterpe till Argus. Kulturkosmopolitism i det tidiga 1900-talets Finland // Ögonen upp!:Nya Argus första sekel. Helsingfors: Garantiföreningen för Nya Argus r.f., 2011. S. 31. URL: <http://www.kolumbus.fi/nya.argus/Historik/Argus%20historik%20-%20Nygard.pdf> (дата обращения: 26.09.2017).

Смена языковой парадигмы отразилась в творчестве писателей начала XX в. Общим для крупных писателей этого периода является описание важных изменений в положении финляндских шведов, мотив потерянной родины. Известный писатель Арвид Мёрне (Arvid Mörne, 1876-1946 гг.) выразил свою точку зрения в статье «Финнизация нашей шведской сельской местности» (Förfinskningen av vår svenska landsbygd, журнал «Finsk Tidskrift» от 1900 года). В ней Мёрне говорит о наличии проблем в области образования финляндских шведов, не только в плане обладания информацией о себе и своих корнях, но и в воспитании, сохранении чувств к своей родине. По его мнению, образованная верхушка финляндских шведов должна нести ответственность за сохранение языковой принадлежности всех членов шведоязычной среды: «Несмотря на работу по народному образованию, уровень образованности, в том числе политической, весьма низок» (Trots allt vårt folkbildningsarbete står ännu vårt folks bildning, och icke minst politiska bildning, jämförelsevis lågt)²⁶. По прошествии многих лет в подтверждение своей позиции Арвид Мёрне написал роман «Шведская земля» (Den svenska jorden, 1915 г.), в котором крестьянский сын, уехав в большой город и получив образование, возвращается к своим корням, в родные края, чтобы возделывать землю и, распространяя знания, противостоять разрушению шведской культуры.

Более пессимистичен в своем понимании будущего финляндских шведов и шведского языка известный поэт начала XX века – Бертель Грипенберг (Bertel Gripenberg, 1878-1947 гг.). Во многих стихотворениях он сетовал на невозвратно утерянный высокий идеал величия финляндских шведов. К примеру, отрывок из его стихотворения «Шведская песнь» (Svensk sång):

---

²⁶ Mörne A. Förfinskningen af vår svenska landsbygd och folkbildningsarbetet därstädes. S. 245.

<p>«Громко пой, наш родной шведский язык, в час гибели, Пусть высокие красные сторожевые костры пылают под ночными небесами! Если для нас наступит тот самый день, последний день германцев, На нашей могиле наша шведская песнь высечет руны о нашей чести».²⁷</p>	<p>Sjung högt, vårt svenska modersmål I undergångens timma, Låt höga, röda varningsbål Mot nattens himmel glimma! Och hinner oss den dag en gång, Som blir germanens sista, Skall på vår grav vår svenska sång Vår äras runor rista.</p>
--	--

Обретение в 1917 году Финляндией статуса независимого государства требовало нового осмысления некоторых вопросов политического, экономического, социального характера. Гражданская война 1918 года, разделившая общество по социально-экономическим и политическим взглядам, не выявила новых конфликтов по языковому вопросу. Шведская часть населения страны, в основном, поддерживала сторону «белых», но и среди «красных» были представители шведоязычного населения. В 1918 году штаб Красной гвардии Финляндии возглавлял Эдвард Гюллинг (1881-1938), будущий председатель Совета Народных комиссаров Карелии. В 1923 году в Карелию переехал финляндский швед Ивар Ласси (1889-1938), ставший наркомом просвещения и др. М. Бьёрк приводит в пример население провинции Остроботнии. Некоторые его жители, вернулись из США, где познакомились с идеями социализма, и даже получили название «Социалисты из Мунсала» (шв. «Munsalasocialisterna») по названию населенного пункта²⁸. Т. Варбуртон двойственно описывает 1920-е гг. С одной стороны, в это время в стране происходит экономический подъем, и у писателей появляется возможность непосредственно контактировать с культурной и литературной жизнью Европы. С другой стороны, победа «белых» в гражданской войне

²⁷ Здесь и далее перевод выполнен автором диссертационного исследования, кроме случаев, где указано имя переводчика. Sveriges national-litteratur V. 30. Essayister och vetenskapsmän. Finländska författare från 1900-talets början [Электронный ресурс] / F. Böök. Stockholm, 1922. S. 332–333. Режим доступа: <https://archive.org/details/sverigesnational30stoc/page/332/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 29.10.2023).

²⁸ Björk M. Vad är tvångssvenska – historia om svenskan i Finland. Yle. Vetamix. 2010. S. 14.

сделала однобоким идеологическое поле общества все зависимости от языковой принадлежности. Сомнительным признавалось любое мнение, которое хоть издали могло иметь «красное» содержание. Дискуссии о языке привели к расцвету националистических движений. Финско-шведские писатели в большинстве случаев дистанцировались от политических вопросов, погружаясь в изучение себя или истории²⁹.

Юхан Вреде отмечает, что разрыв между белыми и красными сохранялся на протяжении всего времени между мировыми войнами, это порождало тенденцию к культурной сегрегации. По мнению Ю. Вреде, в области культурной жизни к финляндским шведам относились как к «отдельной группе, ... в связи с чем возникла необходимость создания собственных организаций»³⁰. В целом, при описании гражданской войны были характерны либо апология войны, героев и их подвигов, либо как моральная и социальная драма финляндского общества.

После окончания гражданской войны власти Финляндии вернулись к решению насущных проблем страны, в том числе к определению статуса финского и шведского языков. В Финляндии, как и в Европе, в послевоенное время 1914-1920 гг. произошла перестройка взглядов на мировой порядок, на культуру в целом. Новое восприятие мирового порядка требовало новых средств его выражения, которое воплотилось в направлении экспрессионизма, получившего распространение прежде всего среди шведоязычных писателей Финляндии, связанных с журналом «Ультра» (Ultra): Эдит Сёдергран, Хагар Ульссон, Эльмер Диктониус.

В июле 1919 года был опубликован «Акт о форме правления» Финляндии (шв. «Regeringsform för Finland»), согласно которому Финляндия из монархии стала республикой. В контексте исследования языкового вопроса интерес представляет параграф 14 этого акта: «Финский и шведский языки являются национальными языкам Республики. Право финских граждан

---

²⁹ Warburton Th. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1984. S. 277–308.

³⁰ Wrede J. Inbördeskriget i litteratur Finlandssvenska litteraturhistoria. 2000. S. 63.

употреблять в судах и в отношениях с административными властями родной язык, финский или шведский, и получать соответствующие документы на этом языке обеспечивается законом, с тем чтобы права как финского, так и шведского населения страны охранялись на одинаковых началах. Государство содействует удовлетворению культурных и экономических потребностей финского и шведского населения на одинаковых началах»³¹. Другие языки, помимо финского и шведского, в данном документе не упоминаются. Вопрос о языках поднимался и на муниципальном уровне.

Противостояние сторонников финского и шведского языков сгладилось к концу Второй мировой войны. На государственном уровне этому способствовала деятельность Комитета по языковому примирению (шв. Språkfredskomitté), деятельность которого пришлась на 1941–1944 годы. В 1930-х и 1940-х наметилась новая тенденция в финско-шведской литературе. 1930-е годы в литературе характеризуются описанием царящей в стране нищеты, обусловленной безработицей. В это же время и шведских писателей с опозданием на два десятилетия затронуло литературное течение «карелианизм», известное нам по творческим поездкам писателей, пишущих по-фински. Писатели, художники, композиторы Эйно Лейно (Eino Leino, 1878-1926), Юхани Ахо (Juhani Aho, 1861-1921), Аксели Галлен-Каллела (Akseli Gallen-Kallela, 1865-1931), Ян Сибелиус (Jean Sibelius, 1865-1957) и др. совершали частые путешествия на Север, в финскую и русскую Карелию, в места, где были записаны руны «Калевалы». Е.Г. Сойни отмечает: «Путешественники любой ценой стремились припасть к истокам национальной культуры... Они получили здесь большое вдохновение, нашли образы для картин, симфоний, стихотворений на темы «Калевалы»³²

Шведские писатели Йоран Стениус (Göran Stenius, 1909-2000), Тито Коллиандер (Tito Colliander, 1904-1989) другие изучают

---

³¹ Regeringsform för Finland [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mlang.name/arkisto/regeringsform.html> (дата обращения: 29.10.2023).

³² Сойни Е.Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М.: ЯСК, 2017. С.119.

уже не северную, а южную, приграничную Карелию, православное культурное наследие. С опозданием на 10-20 лет из Европы в Финляндию пришли психологические течения, приобрел популярность психоанализ. В связи с этим появилась новая литературная техника: внутренний монолог или поток сознания. Эта тенденция и ранее проявлялась в финско-шведской литературе. Уже в произведениях К.А. Тавастшерны, Р. Шильдта и других писателей можно встретить психологизм, интерес к внутреннему миру личности, стремление к самонаблюдению. Прозаики 1930-40-х годов описывают свои душевные состояния: внутренний кризис, боль, страдание, чувство вины. В литературных произведениях эти ощущения предстают не только пережитыми, но и проанализированными. Чувство вина и страдание часто связаны с религиозными переживаниями, размышлениями о роли Бога в реальности³³.

Впечатления от Второй мировой войны не получили широкого отклика в финско-шведской литературе. Молодое поколение писателей не принимало непосредственного участия в военных действиях, поэтому в их произведениях отражен взгляд гражданского населения (Ральф Парланд – Ralf Parland, 1914-1955). Из непосредственных участников выделяются Лоренц фон Нумерс (Lorenz Torbjörn Gustaf Gunnar von Numers, 1913-1994), Вяйне Вильгельм Ярнер (Väinö Vilhelm Järner, 1910-1997). В послевоенные годы многие финско-шведские литераторы эмигрировали, кто-то пострадал или погиб на войне. Необходимы были новые силы и новые темы для того, чтобы заполнить образовавшуюся нишу. В этих условиях проявился талант Туве Янсон (Tove Janson, 1914-2001) и Бу Карпелана (Bo Carpelan, 1926-2011). Также в 1950-х возник интерес с одной стороны к описанию народной жизни, а с другой – к индустриализации и развитию технологий.

Большое влияние на статус шведского языка в Финляндии и отношение к нему финноязычного населения оказало проведение в 1970-х годах реформы

---

³³ Warburton Th. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1984. S. 309–310.

образовательной системы Финляндии, поскольку именно преподавание в школах касалось значительной части населения страны и имело важное социальное значение. Был введен обязательный экзамен по второму государственному языку для выпускников неполной средней школы. Часть населения страны была этим недовольна, появилось понятие «принудительный шведский» (шв. tvångssvenska). Исключение – Аландские острова, где шведское население составляет большинство, а финский язык изучается лишь как один из предметов по выбору. Неоднократно предпринимались попытки изменить порядок проведения экзаменов (экзамен на знание второго государственного языка перешел в разряд необязательных в 2004 году).

К началу 1960-х в литературу вернулись политические дискуссии, молодые писатели больше не хотели быть аполитичными. Это придало новый импульс творчеству Марианны Алопеус (Marianne Aloraeus, 1918-2014), Кристера Чильмана (Christer Alfred Kihlman, 1930-2021), Хенрика Тикканена (Georg Henrik Tikkanen, 1924-1984), объединявшихся вокруг журнала «ФБТ» («FBT», официальной расшифровки аббревиатура не получила, издавался в период 1965-1968 гг.) Целью журнала, по словам главного редактора Класа Андерссона (Claes-Johan Rudolf Andersson, 1937-2019), было «разрушение наших устоявшихся классовых границ и подчеркивание возможности и обязанности писателя литературы вмешиваться в общественные дебаты». В 1960-х происходит расцвет автобиографической прозы, причем она характеризовалась поиском новых форм и средств выразительности в смешивании сюжетных линий, позиций и даже шрифтов, (авторы отказываются от использования заглавных букв). Появляются новые писатели-«дагдриваре», герои которых так же, как и в начале XX века являются пассивными, ни на что не влияющими людьми, однако произведения, в которых ставились общественные вопросы, были гораздо популярнее. В произведениях Мэрты Тикканен (Märta Eleonora Tikkanen, род. 1935) и Класа Андерссона, типичных представителей этого десятилетия,

слышен «голос времени», непосредственное отражение находят актуальные социальные тенденции³⁴. Писатели создают новеллы, в которых описывают окружающую их действительность, будни и заботы простых людей.

Авторы становятся более откровенными, повествуя о своей «личной жизни», о которой ранее писать было не принято. В связи с этим они получили наименование «blottare» («экспозиционисты»). В целом, по мнению исследователей, литература 1970-х, по сравнению с предыдущим десятилетием, стала более «широкой» (в число авторов вошли женщины, рабочие, люди без основательного образования, сельские жители), но менее глубокой³⁵.

1970-е годы характеризуются особым вниманием к финляндскому варианту шведского языка. В 1976 г. был основан существующий и в настоящее время Институт языков Финляндии (шв. Istitutet för de inhemska språken, фин. Kotimaisten kielten keskus), который занимается как лингвистическими исследованиями, так и вопросами языкового планирования и нормирования. Также именно в 1970-х годах широко обсуждалась необходимость языкового нормирования шведского языка в Финляндии. Одним из предложений было отказаться от следования языковой норме шведского языка Швеции и дать возможность проявиться чертам шведского языка Финляндии. Однако это предложение было отвергнуто, чтобы воспрепятствовать влиянию финского языка на шведский³⁶. Действительно, в диссертации А.М. Дементьевой доказывается, что лексические финляндизмы в шведском языке Финляндии «кальки, прямые, гибридные и семантические заимствования»³⁷ появляются постоянно.

---

³⁴ Mattfolk L. Finlandssvenska åsikter om och attityder till modern språkpåverkan. Unigrafia. Helsingfors. 2011. S. 295.

³⁵ Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1984. S. 296–302.

³⁶ Mattfolk L. Finlandssvenska åsikter om och attityder till modern språkpåverkan. Unigrafia. Helsingfors. 2011. S. 15.

³⁷ Дементьева А.М. Лексические особенности шведского языка в Финляндии. Дисс...канд.фил.н. М., 2017. С.3.

В XX в. число шведоязычного населения в Финляндской Республике неуклонно снижалось. По данным Центра статистики Финляндии за 2021 год, если в 1900 г. его доля составляла 12,9%, то в 2019 году шведский язык являлся родным для 5,2%³⁸. В 1995 году в Финляндии началась работа по выработке новой конституции, которая была принята в 2000 году и действует по сегодняшний день. В ней провозглашаются равные условия для финского и шведского языков: § 17 Национальные языки Финляндии – финский и шведский. Право каждого при ведении своего дела в суде и другом органе власти пользоваться своим языком, финским или шведским, а также получать составленный на этом языке акт по делу гарантируется законом. Органы публичной власти обязаны обеспечивать финскому шведоязычному населению страны удовлетворение культурных и общественных потребностей на равных началах. Саамское население, как коренной народ, цыгане и другие группы населения имеют право сохранять и развивать свой язык и свою культуру. Право саамского населения пользоваться своим языком в органах власти устанавливается в законе. Права лиц, пользующихся языком жестов, а также лиц, нуждающихся по инвалидности в специальном объяснении или переводе, гарантируются законом³⁹.

Исследователь Пиа Ингстрём отмечает, что после 1989 г. в финско-шведской литературе несколько раз исполнилась давняя мечта о «Большом романе»: Пиркко Линдберг (Pirkko Anneli Lindberg, род. 1942), Агнета Ара (Agneta Ara, род. 1945), Улла-Лена Лундберг (Ulla-Lena Lundberg, род. 1945), Ларс Сунд (Lars Sund, род. 1953), Моника Фагерхольм (Monika Kristina Fagerholm, род. 1961), Чель Вестё (Kjell Westö, род. 1961). Пиа Ингстрём утверждает, что романы А. Ара и П. Линдберг разорвали традицию «разочарования» в финско-шведской литературе, поскольку

---

³⁸ Saarela J. Finlandssvenskarna 2021 – en statistisk rapport. Svenska Finlands folkting. S. 13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://folktinget.fi/Site/Data/1597/Files/Finlandssvenskarna%202021_statistisk%20rapport_Folktinget_KLAR.pdf (дата обращения: 29.10.2023).

³⁹ Конституция Финляндии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731_20111112.pdf (дата обращения: 29.10.2023).

переосмыслили жанр романа и создали выдуманные биографии и взаимоотношения в своих произведениях⁴⁰.

Финско-шведские прозаики, творившие в 1990-х, Улла-Лена Лундберг и Ларс Сунд, расширяют одноязычное измерение описанием исторических событий, мифами и байками. Поздний Кристер Чильман, Агнета Ара и Пиррко Линдберг используют фантастическое для того, чтобы взорвать традицию психологического реализма. Чель Вестё и Уве Векстрём (Owe Wikström, род. 1945) сталкивают двуязычие в лексике и синтаксисе, социальные различия., Моника Фагерхольм занимается тотальным обновлением жанров. Улла-Лена Лундберг и Фредрик Лонг (Fredrik Lång, род. 1947) включают в свою прозу дискурс антропологии, философии, чтобы создать многоголосье⁴¹. Как мы видим, тематика финско-шведской прозы в течение XX века значительно расширилась, появились новые мотивы и техники создания произведений.

А.М. Дементьева считает, что «одним из факторов длительного сохранения шведского языка на территории Финляндии, носители которого составляют лишь около 5% от всего населения, является то, что существенные структурные и типологические различия шведского и финского языков препятствуют чрезмерному финскому влиянию на финляндский вариант шведского языка»⁴². Соглашаясь с этим выводом, все-таки добавим, что фактором длительного сохранения шведского языка является и шведоязычная литература, которая не теряет своего значения и популярности для финляндских шведов и Финляндии в целом.

---

⁴⁰ Ingsström P. Den nyaste prosan / Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1984, S. 318–326.

⁴¹ Warburton Th. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1984. S. 326.

⁴² Дементьева А.М. Лексические особенности шведского языка в Финляндии. Дисс...канд.фил.н. М., 2017. С.3.

Глава I. Образ потерянной родины в творчестве К.А. Тавастшерны

Творчество финляндского писателя Карла Августа Тавастшерны (К.А. Tavaststjerna, 1860-1898), принадлежавшего старинному дворянскому роду, создававшего свои произведения на шведском языке, находится в русле реалистической литературы Финляндии. Расцвет реалистической эстетики в литературе приходится на конец XIX века. В это время в культурной жизни страны возникла целая плеяда выдающихся литераторов, открывших европейскому реализму дорогу в Финляндию. Нельзя не упомянуть вклад Юхани Ахо (Juhani Aho, 1861-1921), Минны Кант (Minna Canth, 1844-1897), Алексиса Киви (Aleksis Kivi, 1834-1872), Арвида Ярнефельта (Arvid Järnefelt, 1861-1932) в развитие прозы и поэзии. Кроме вышеперечисленных писателей исследователь Э. Г. Карху в своей монографии о финской литературе выделяет в разделе о 1880-1890-х годах Теуво Паккала (Teuvo Pakkala, 1862-1925), Юхани Хейкки Эркко (Juhana Heikki Erkko, 1849-1906) и Казимира Лейно (Kasimir Leino, 1866-1919)⁴³. К.А. Тавастшерна был одним из первых шведоязычных писателей Финляндии, попытавшихся описать проблемы, волновавшие финское общество на рубеже XIX-XX веков. Его творчество – пример отступления от романтических традиций и перехода к новому восприятию финляндскими шведами своей страны. В связи с изменениями в соотношении значимости финских и шведских групп во всех сферах жизни страны финляндские шведы впервые начинают осознавать себя национальным меньшинством. Несмотря на реалистическое содержание, произведения Тавастшерны не полностью отражают совокупность волновавших общество проблем. К примеру, он не рассматривает вопросы положения женщин, соотношения финского и шведского языков в обучении студентов. В своих романах он описывает разделение общества на части: правящая верхушка не понимает проблем крестьянского населения, а шведоязычные жители

---

⁴³ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 366.

становятся меньшинством, теряющим привилегированное положение. Смена языковой обстановки приводит к изменению привычного жизненного уклада. В результате носитель шведского языка оказывается вытесненным из привычной ему среды, что вызывает ощущение утраты идентичности, потери «своей» родины.

1.1. К.А. Тавастшерна – классик шведской литературы Финляндии

Карл Август Тавастшерна стал одним из писателей, выразивших свою тревогу о будущем Финляндии, ее граждан, путем ее художественного переосмысления. Путь его творческого становления начался во время учебы в Политехническом институте в Хельсинки с 1878 по 1883 гг., где будущий писатель изучал архитектуру. Именно в это время он начинает интересоваться литературой, в том числе читает Диккенса, Ибсена⁴⁴, Золя, Достоевского, Толстого и Тургенева⁴⁵.

Поскольку пик творческой деятельности К.А. Тавастшерны пришелся на время горячих споров о будущем Финляндии и о месте в нем шведского языка, этот вопрос был художественно осмыслен писателем. Он также является одним из первых реалистов в финской литературе, наряду с Минной Кант и Юхани Ахо. Отличительной чертой его творчества является отказ от романтизированного изображения финского простого народа, разрыв с традициями Ю.Л. Рунеберга и З. Топелиуса. Эти традиции подразумевали интерес к идеалистическому изображению патриархального мировоззрения, быта беднейшего крестьянства. Стихотворение Юхана Людвиг Рунеберга «Наш край» (*Vårt land*, 1830), воспевающее «бедную, угрюмую страну», стало гимном Финляндии, а крестьянин из идиллии «Пааво из Саариярви» (*Högt bland Saarijärvis moar*, 1830), отдающий урожай соседу в голодный год, долго

---

⁴⁴ Söderhjelm W., Tavaststjerna K.A. En lefnadsteckning [Электронный ресурс]. Helsingfors: Tidnings & tryckeri-aktiebolagets tryckeri, 1900. S. 14. Режим доступа: <http://runeberg.org/wskat/> (дата обращения: 29.09.2017).

⁴⁵ Finlands svenska litteraturhistoria. Första delen: Åren 1400–1900 / utgiven av Johan Wrede; [red.: R. Knapas]. Helsingfors: Svenska litteratur-sällskapet i Finland, 1999. S. 439.

олицетворял в литературе образ финна. Закрис Топелиус, автор стихотворения «Имя Финляндии» (Finlands namn, 1848), пишет в своем романтическом воззвании к молодежи, что Финляндия – это имя матери, которая дала им жизнь. Если это потребуется, свою жизнь нужно отдать за страну:

Храни же глубоко тот возглас:
«Наш край!» И выпей до дна эту
чашу!
Тот лозунг до смерти своей сохраняй,
Всю кровь, и всю жизнь, и все сердце
отдай
«За край наш! за родину нашу!»
Финляндия, юноша! – общая мать.
То имя да будет святыней!
И, жизнь получив, ты обязан отдать
Ей жизнь, если надо.
Клянись защищать
Честь матери вечно и ныне⁴⁶.

(пер. В. Брюсова)

В творчестве К. Тавастшерны как писателя-реалиста, подобные романтические призывы отсутствуют. По мнению Э.Г. Карху, появление нового направления в финской литературе имело предпосылки в общественной жизни (изменение экономического уклада, назревшие проблемы в социальной и политической сферах) и было продолжением естественного развития литературного процесса. Важную роль в формировании финского реализма сыграли снижение актуальности языкового вопроса и влияние зарубежных писателей (норвежских,

Välan, i ditt väsens djup det skrif
Till lefnadens afton sena!
Alltintill döden det trogen blif,
Och gif ditt hjerta, ditt blod, ditt lif
För Finland, Finland allena!

Din moders namn det, o yngling, är,
Det käraste bland de kära.
Hon gaf dig lifvet; hon det begär;
Se, dagen slocknar; — o yngling,
svär
Att skydda din moders ära!⁴⁷

⁴⁶ Сборник финляндской литературы / Под ред. В. Брюсова и М. Горького. Пг.: Парус, 1917. С. 106–108.

⁴⁷ Z. Topelius Ljungblommor [Электронный ресурс] / Svenska litteratursällskapet i Finland. Helsingfors Bokförlaget Atlantis. Stockholm 2010. S. 157. Режим доступа: <https://www.sls.fi/wp-content/uploads/mfiles/1929/1929.pdf> (дата обращения: 26.03.2024).

французских, русских). Популярность философии позитивизма стимулировала писателей отказаться от идеализированного изображения действительности⁴⁸.

Действительно, в поэтических, и в прозаических текстах К.А. Тавастшерны мы видим изображение современной автору жизни и широкий спектр затронутых тем: противостояние правящей верхушки и беднейшего крестьянства, поиск своего пути в новых условиях, проблема отцов и детей, потеря и поиск новой идентичности, размышление над собственной судьбой и жизнью своего отечества и т.д. Исследователь Юхан Вреде утверждает: «в его произведениях ... повествование берет начало в реальности, причинах и результатах. Природа, люди, их поступки и мысли, по сути, предстают predetermined обстоятельствами»⁴⁹.

Именно благодаря правдивому изображению жизни К.А. Тавастшерна стал проводником мыслей и чувств шведоязычного населения Финляндии, их отношения к окружающей действительности. Писатель являлся частью шведоязычного языкового меньшинства, недавно осознавшего себя таковым, поэтому в первую очередь уделял внимание именно этой части населения Финляндии. Его произведения вошли в фонд классической литературы Финляндии, но продолжают оставаться актуальными. К примеру, в 2014 году в Германии вышло новое издание романа К.А. Тавастшерны «Тяжелые времена».

Русскому читателю, как в XIX веке, так и сегодня, Карл Август Тавастшерна известен мало, в отличие от современных ему финноязычных писателей-реалистов. Однако он был признан не только в литературных кругах Финляндии: его произведения знали и читали в Скандинавии, Юхани Ахо перевел один из романов К.А. Тавастшерны на финский язык. Первая посвященная ему исследовательская работа вышла уже в 1900 г., через

---

⁴⁸ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 366.

⁴⁹ Wrede J. K.A. Tavaststjerna - den hårda verkligheten / Finlands svenska litteraturhistoria. Första delen: Åren 1400–1900 / utgiven av Johan Wrede; [red.: R. Knapas]. Helsingfors: Svenska litteratur-sällskapet i Finland, 1999. S. 437.

два года после смерти писателя. Ее создатель, литературовед и историк Вернер Сёдеръельм, составил биографию К.А. Тавастшерны на трехстах страницах. К творчеству К.А. Тавастшерны обращались лингвисты, поскольку его романы считались образцом правильного финляндского шведского, но даже в них находили так называемые «провинциализмы», которые становились предметом обсуждения и изучения.

В России были изданы два перевода произведений К. Тавастшерны: романы «Мать и сын. Роман из жизни финских крестьян» (Перевод В. Фирсова, г. Санкт-Петербург, 1897 г., шв. – Kvinnoregemente), а также «Смерть — лучший друг» (приложение к «Новому журналу иностранной литературы», г. Санкт-Петербург, 1901 г., шв. – I förbund med döden).

1.2. Раннее творчество К.А. Тавастшерны: космополитические мотивы в лирике и первый роман «Друзья детства»

Творческий путь К.А. Тавастшерны начался с исторической драмы «Юдифь и Олоферн» («Judith och Holofernes», 1880 г.), однако известность пришла к нему после выхода в свет сборника стихотворений «К утреннему ветерку» (För morgonbris», 1883 г.). Э.Г. Карху отмечал, что первая поэтическая книга К.А. Тавастшерны содержала отчасти еще романтические мотивы, но в ней отсутствовала традиционная для романтизма национально-патриотическая тема. Слова «родина» и «бог» даже не упоминались в сборнике, что было отмечено современной писателю критикой⁵⁰. Для К.А. Тавастшерны сугубо национальные вопросы становятся в этот период менее важными, чем интеркультурные. Финский историк литературы Вернер Сёдеръельм приводит отрывок из письма К.А. Тавастшерны от октября 1880 г.: «Я начинаю испытывать все большее отвращение к Финляндии с ее самодовольной молодостью, надеждами и ограниченным

---

⁵⁰ Карху Э.Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 483.

патриотизмом, и мелочными, всевластными языковыми конфликтами. После такого путешествия, в котором можно вдохнуть нечто иное, чем местечковые идеи, и ту ограниченность, что зовется патриотизмом, следует обладать более свободным взглядом на жизнь и более прочной основой мировоззрения, чем может иметь человек, зажатый в углу мира, и пропитанный пылью, сдуваемую только веяниями мировых идей» (Jag börjar få mer och mer afsmak för Finland med dess inbilska ungdom, landets hopp, och deras trångbröstad patriotism och småaktiga, alt beherskande språkstrider. Efter en sådan utflykt, under hvilken man varit i tillfälle att inandas annat än de knutidéer och den trånghet man här kallar patriotism, borde man väl äga en viss friare blick och säkrare grund för sin lifsåskådning än man någonsin, inkrupen i ett höm af världen och inpyrd i det dam de stora världsidéernas fläktar här blott uppväcka, skall kunna skaffa sig)⁵¹.

После первых стихотворных сборников К.А. Тавастшерна начинает создавать романы, и в них в реалистическом ключе изображает финскую действительность, что вполне находится в русле общескандинавских тенденций, поскольку в середине XIX века в шведской, датской, норвежской и финской литературе развивается реалистическое направление. К примеру, шведский писатель Карл Юнас Луве Альмквист (Karl Jonas Love Almqvist, 1793-1866) описал социальные проблемы общества в цикле «Книга шиповника» (Törnrosens Bok), создававшемся в 1830—40-х гг. Как отмечает В.П. Неустроев, «один из его главных героев Луве Карлссон предстает здесь как обобщенный образ «идеального крестьянина», оценивающего с патриархальных позиций события современной Швеции, вступившей на путь капиталистического развития»⁵².

К.А. Тавастшерна не отказывается от написания стихотворений, но и в них разрыв с романтической традицией становится все более очевидным. Примером этом служит книга «Стихи в ожидании» (Dikter

---

⁵¹ Söderhjelm W., Tavaststjerna K.A. En lefnadsteckning [Электронный ресурс]. Helsingfors: Tidnings & tryckeri-aktiebolagets tryckeri, 1900. S. 18. Режим доступа: <http://runeberg.org/wskat/> (дата обращения: 29.09.2017).

⁵² Неустроев В. П. Литература скандинавских стран (1870-1970). М.: Высшая школа, 1980. 279 с. Режим доступа: <https://www.norway-live.ru/library/literatura-skandinavskih-stran9.html> (дата обращения - 02.02.2022).

I väntan, 1890 г.), вышедшая в свет через семь лет после первого поэтического сборника. Первый раздел, «Моя страна», посвящен актуальным событиям и проблемам: «Проснись, Суоми!» (Suomi, vak upp! о независимости Финляндии), «Яльмар Нейглик» (Hjalmar Neiglick, на смерть финского критика и психолога, друга К. Тавастшерны). В этом сборнике прослеживается сквозная для творчества писателя тема: изображение необратимых исторических изменений в стране, автор делится с читателем ощущением потерянной родины. Противопоставляет традиционные ценности и индустриальное развитие, нарушающее первозданную красоту и культуру, которую так ценили романтики. Примером этому служат стихотворения «Утреннему певцу Финляндии» (Till Finlands morgonsångare), «Чествование» (En hyllning). Осознавая разницу между поколениями, К.А. Тавастшерна описывает изменение ценностей и традиций, но при этом подчеркивает важность исторического достояния Финляндии:

«Мы, молодые, созревшие	Vi unga, som vuxit mogna
во время лихорадочного развития,	i feberutvecklingens tid,
Не верны не тому,	vi synas måhända ej trogna
Во что верили наши отцы.	hvad fädren tryggt sig vid.
У каждого времени свое знание,	Hvar tid har sin egen lära,
вышедшее из былого,	framsprungen ur den, som gått,
и честь предков – наше благородное	och det är de gamles ära
наследство!»	hvad ädelt i arf vi fått!

(«Утреннему певцу Финляндии» / Till Finlands morgonsångare)⁵³.

По-прежнему важную роль играют в этом сборнике космополитические воззрения автора. К.А. Тавастшерна на протяжении всего творческого пути было свойственно стремление выйти за пределы одной страны, представить широкую картину действительности. Датский литературовед и критик Арне

---

⁵³ Tavaststjerna K. A. Dikter i väntan [Электронный ресурс]. Helsingfors: Finska litteratursällskapetets tryckeri, 1890. S. 6. Режим доступа: <http://runeberg.org/katdiv/> (дата обращения: 06.10.2017).

Тофтегаард Педерсен отмечает: «его взгляд обладал широтой космополита – национальные вопросы он считал менее важными и ура-патриотизм был ему неприятен»⁵⁴. Действительно, в сборнике отсутствуют национально-романтические мотивы. В стихотворении «Transitofart» (Скорость транзита), описывая финнов, эмигрирующих в Америку, поэт обращается к родной стране:

«Мой суровый край, пекущий	Du mitt karga land, som bakar stenhårdt
твердый как камень хлеб нужды,	mödans bröd,
не страдай о своей потерянной опоре!	sörj ej att du här går miste om ditt bästa
Раньше ты жертвовал своими	stöd!
сыновьями для нации, –	Du har offrat dina söner forr åt
пожертвуй ими еще хладнокровнее	nationaliteten, -
для человечества!»	offra dem med dubbelt jämnmod, när det
	sker åt mänskligheten!

(«Скорость транзита»/ Transitofart)⁵⁵

Поэты и ранее описывали, как нелегко живется финнам в своей стране, но при этом не забывали отметить: народ гордится Финляндией и с любовью переносит тяготы, которые преподносит им природа. Хрестоматийный пример тому – гимн Финляндии, написанный Ю.Л. Рунебергом, – «Наш край» (Vårt land, 1846 г.):

«Ступай, надменный чужевек,	Vårt land är fattigt, skall så bli
Ты звону злата рад!	För den, som guld begär,
Наш бедный край угрюм и сер,	En främling far oss stolt förbi;
Но нам узоры гор и шхер —	Men detta landet älska vi,
Отрада, слаще всех отрад,	För oss med moar, fjäll och skär
Неоценённый клад».	Ett guldland dock det är ¹ .

(перевод А. Блока)

⁵⁴ Toftegaard P.A. K.A. Tavaststjerna – vår man i Paris. 2005 [Электронный ресурс]. S. 16. Режим доступа: http://www2.sls.fi/media/kallan/Kallan1_05.pdf (дата обращения: 29.09.2017).

⁵⁵ Tavaststjerna K.A. Dikter i väntan. [Электронный ресурс]. Helsingfors: Finska litteratursällskapetets tryckeri, 1890. S. 29. Режим доступа: <http://runeberg.org/katdiv/> (дата обращения: 06.10.2017).

В стихотворениях К.А. Тавастшерны нет романтического восхищения Финляндией, он воплощает в лирике актуальные события и свое отношение к ним. Несмотря на то, что автор получил признание как финляндский новатор-реалист благодаря романам, этот путь начался еще с ранней лирики. В понимании К.А. Тавастшерна реалистическое изображение действительности предполагает нейтральную позицию писателя, что заметно и в его прозе, и в поэзии. К примеру, в конце XIX века финское общество было расколото на два лагеря, языковой вопрос занимал важное место в умах людей, но писатель сознательно не причисляет себя ни к одной, ни к другой группе. Он стремится быть объективным, но понимает, что описываемая им проблема актуальна для общества:

«Скоро дома, в Гельсингфорсе,	Snart skulle jag hemma i
Среди финно- и свекоманов	Helsingfors
Я буду нести свой литературный крест	bland fenno- och svekomaner
Молчать в разговоре, словно рыба,	få bära mitt lilla vittra kors
Говорить – только о планах»	och tiga i noten som en nors och umgås — bara med planer.

(«Домой» / Hemåt)⁵⁶

Для финляндского автора более важным оказывается описание своей страны в целом, и пример преодоления языковой вражды, описанный в стихотворении «Чествование» (En hyllning) достоин его внимания:

«Финские мотивы, песня Саво,	Finska toner, Savolaks sång, som födts
рожденная	där, vid gränsen, kampen var
Возле границы, где вражда была	hvardagsgästen,
частым гостем, продолжается	följas tätt af Eläköönrop, som mötts
криком: «Eläköön» ⁵⁷ , который еще	än i går af splittrande språkprotesten.

⁵⁶ Tavaststjerna K.A. Dikter i väntan. [Электронный ресурс]. Helsingfors: Finska litteratursällskapetets tryckeri, 1890. S. 49. Режим доступа: <http://runeberg.org/katdiv/> (дата обращения: 06.10.2017).

⁵⁷ Да здравствует! (фин.)

вчера встречали языковые протесты»⁵⁸

Общечеловеческое автор ставит выше национального, что идет вразрез с общим настроением в среде романтиков, воспевавших исключительность родных мест.

В Швеции общий тон комментариев к стихотворениям К.А. Тавастшерны был доброжелательным, но финская критика не сразу приняла его произведения. В статье, посвященной пьесе «Affärer» (Сделки, 1890 г.), критик С. Г. Эстландер дает ему такую оценку: «писатель известен как один из певцов действительности, извлекающих выгоду тем, что понимают в этой действительности как можно меньше»⁵⁹.

После двух сборников стихотворений (первый, уже упомянутый, 1880 г., второй – «Новые стихотворения», *Nya vers*, 1885 г.) К.А. Тавастшерна начинает писать прозу. Э. Г. Карху в краткой характеристике творческого пути писателя приводит отрывок из его письма, в котором К.А. Тавастшерна доказывает своим современникам, что проза для него «более верное средство служения писателя своему времени, чем стихи»⁶⁰.

В 1886 г. опубликован первый роман писателя «Друзья детства» (*Barndomsvänner*), который аккумулировал его представление о жизни шведоязычного населения Финляндии как о «тесной комнате». Термин «тесная комната» введен в научный обиход шведским исследователем М. Мацарелла. В ее монографии термин «тесная комната» становится постоянной характеристикой шведской литературы Финляндии: она исследует мотив «скрытости», отделенности шведоязычного городского жителя от остального населения страны и от всего мира⁶¹.

---

⁵⁸ Tavaststjerna K.A. *Dikter i väntan*. [Электронный ресурс]. Helsingfors: Finska litteratursällskapets tryckeri, 1890. S. 20. Режим доступа: <http://runeberg.org/katdiv/> (дата обращения: 06.10.2017).

⁵⁹ C.G. Estlander K.A. *Tavaststjernas nya skådespel* [Электронный ресурс]. S. 204 Режим доступа: <http://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/497471?page=38> (дата обращения: 29.10.2023).

⁶⁰ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 485.

⁶¹ Mazzarella M. *Det trånga rummet. En finlandssvensk romantradition*. Helsingfors: Söderström, 1989. S. 9.

В образе главного героя К.А. Тавастшерна характеризует современное ему поколение финляндских шведов, которые вынуждены искать место в жизни, поскольку традиционное распределение финнов и шведов как ведомых и ведущих членов общества более не актуально. Роман был подробно проанализирован в разделе «Друзья детства (1886): Аладдин становится меланхоликом» книги М. Мацарелла⁶², а также в статье «Смена власти в 1880-х. Темы изоляции и меньшинств в *Друзьях детства* К.А. Тавастшерны»⁶³(курсив автора статьи). Исследователь приходит к выводу, что главный герой романа – альтер-эго самого Тавастшерны, воплощает в себе поиск новой идентичности финляндских шведов. Концовка романа, в которой он теряет мечты и надежду на их исполнение, символизирует конец эпохи, «исчезновение культуры, с которой можно себя идентифицировать, традиции, в рамках которой говорить и писать»⁶⁴.

В 1891 году К. А. Тавастшерна уезжает из Финляндии, желая добиться признания в европейских литературных кругах. Несколько лет он проводит в Швеции, Дании, Швейцарии, Германии, Италии. Это время стало продуктивным творческим периодом, а произведения о родной стране обогащались идеями космополитизма.

1.3. Роман «Тяжелые времена»: отказ от романтических идеалов и критика современной действительности

За свою недолгую жизнь К.А. Тавастшерна создал несколько сборников стихотворений, писал новеллы, однако наибольшую известность ему принесли романы, в которых наиболее заметно размежевание с романтическим представлением о финском народе, а также сближение

---

⁶² Mazzarella M. Det trånga rummet. En finlandssvensk romantradition. Helsingfors: Söderström, 1989, S. 65–85.

⁶³ Nummi J. The power shift of the 1880-s. Themes of isolation and minority in K. A. Tavaststjerna's *Barndomsvänner* [Электронный ресурс] // Cahiers d'Etudes hongroises et finlandaises, 2011. № 17. S. 191–209. Режим доступа: http://epa.oszk.hu/02400/02413/00017/pdf/EPA02413_CahiersDetudesHongroises_17_2011_019-235.pdf (дата обращения: 15.01.2020).

⁶⁴ Nummi J. Op. cit., S. 206.

с реалистической литературной традицией. Литературовед Юхан Вреде дает такую оценку позиции писателя: «для него была характерна не вера в высшее предназначение, которой придерживались Рунеберг и Топелиус, а конкретный, естественнонаучный, психологический и социальный подход»⁶⁵.

В ряду прозаических произведений К.А. Тавастшерны выделяется роман «Hårda tider» (Тяжелые времена, 1891 г.), повествующий о голодных 1867-1868 годах в Финляндии. Для определения жанровой классификации мы пользуемся сведениями, отраженными в Краткой литературной энциклопедии: «Роман – эпическое произведение, в котором повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности, на процессе становления и развития ее характера и самосознания»⁶⁶.

Как отмечает Э.Г. Карху, «в картине минувших лет писателем поставлены такие социальные акценты, которые стали особенно актуальными именно в литературе 80 – 90-х годов. Идеино и эстетически роман направлен против рунеберговского идеализма и романтизма, против догм христианской морали. Важное место в романе занимает социальная критика»⁶⁷. Название произведения повторяет заглавие, выбранное в 1854 году Ч. Диккенсом. Следует оговорить, что в русской литературоведческой традиции встречается иной вариант перевода названия романа К.А. Тавастшерны: «Трудная година». Выбор варианта «Трудные времена» в данной диссертации обусловлен существующей параллелью с романом Ч. Диккенса «Hard times», перевод названия которого уже устоялся в отечественной науке. Социальный роман английского писателя, так же, как и произведение К. А. Тавастшерны, изображает влияние изменений в экономической сфере на души и судьбы людей, ведь главную роль теперь играют прибыль и личная выгода. Однако, несмотря на явную отсылку к творчеству английского писателя, роман

---

⁶⁵ Finlands svenska litteraturhistoria. Första delen: Åren 1400–1900 / utgiven av Johan Wrede; [red.: R. Knapas]. Helsingfors: Svenska litteratur-sällskapet i Finland, 1999. S. 437.

⁶⁶ Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1971. С. 350.

⁶⁷ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 487.

Тавастшерны соответствует не всем формальным признакам классического социального романа (Ч. Диккенса, У. Теккерея, Ч. Кингсли).

В.О. Возмилкина в статье «Английский социальный роман XIX века: истоки и эволюция»⁶⁸ перечисляет эти признаки, и одним из главных отличий романа Тавастшерны является отсутствие в нем тематики индустриального города. Безусловно, это является отражением отличий английской и финской действительности, ведь романы Диккенса и Тавастшерны написаны с разницей меньше чем в полвека (1854 и 1891 годы соответственно), но индустриализации в Англии началась намного раньше, чем в Финляндии. Этим же обусловлено своеобразие пространственно-временной организации романа Тавастшерны. Финский писатель переносит действие в сельскую местность, поэтому в конфликте с представителями высшего класса основную роль играют не рабочие, а крестьяне. Вместе с тем, рабочие также появляются в произведении Тавастшерны, но среди них автор не выделяет конкретных личностей, и для читателя их образ является скорее коллективным, обобщенным. Связанные с ними события лишь дополняют те изменения, которые характерны для финской деревни конца XIX века.

Тем не менее, содержание романа «Тяжелые времена» К.А. Тавастшерны вполне соответствует жанровому своеобразием социального романа, поскольку финский писатель подчеркивает изменения в сознании финского крестьянина в эпоху смены производственных отношений, появление новых моральных ценностей, которые вытесняют былые идеалы. Тавастшерна был свидетелем событий голодных лет, именно в это время его семья переехала в провинцию Тавастланд после увольнения отца. Семья Тавастшерны поселилась в имении матери – Суйвала (Suivala). Свое отражение в наиболее известном романе финляндского писателя нашла и смерть матери во время эпидемии.

---

⁶⁸ Возмилкина В.О. Английский социальный роман XIX века: истоки и эволюция [Электронный ресурс] // Движение времени и законы жанра: XVIII Всероссийская научно-практическая конференция словесников «Лейдермановские чтения», Екатеринбург, 4 апреля 2014 года / Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т филологии, культурологии и межкультур. коммуникации, каф. современ. рус. лит. Екатеринбург, 2014. С. 111–114. Режим доступа: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/1634/1/konf000197.pdf> (дата обращения: 25.05.2017).

Тематически к роману «Тяжелые времена» примыкает рассказ «Финское рождественское утро за хлебом из коры» (En julotta i barkbrödets Finland), включенный в книгу «Капитан Тернберг» (Kapten Tärnberg, 1894 г.), и другие рассказы писателя, в которых описываются трагические судьбы социально обездоленных людей⁶⁹. Сюжет романа частично повторяется в созданной в 1892 г. пьесе «Торп Урамо» (Uramo torp).

Действие романа «Тяжелые времена» происходит в провинции Тавастланд, автор представляет читателю сцены из крестьянской повседневной жизни: борьбы за урожай, отчаяния при виде заморозков, погубивших молодые всходы, болезней, и прочие лишения. Изображение деревни не изобилует бытовыми зарисовками, но в целом приближено к реальным событиям, которые могли бы произойти в то время. Рассказ о бедах и радостях крестьян экстраполируется на всю страну не только за счет панорамных описаний, но благодаря использованию образов конкретных людей (Калле Пиль, Калле Лехтимаа, Юханна, Анна Меллиля и др.). В повествовании задействованы и представители аристократического сословия. Дворянство представлено как конкретными персонажами первого и второго плана (капитан Торельд, семья фон Блюм, инженер Халльден и др.), так и условной общностью людей. Совокупный образ «аристократии», «чиновничества» характеризуется негативно и крестьянами, и владельцами провинциальных поместий. Чиновники находятся далеко от места основного действия романа, читатель по мере развития сюжета узнает об их реакции на происходящие в стране события.

Важная роль в повествовании отведена природному ландшафту. Крестьяне и владельцы имений проживают на вполне реальных, географически определенных территориях: в исторической провинции Тавастланд, возле озера Урамо. Традиционно пейзажные зарисовки создают фон для сюжета произведения. В романе «Тяжелые времена» природа

---

⁶⁹ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 487.

Финляндии становится активно действующей силой, ведь именно природный катаклизм лишает людей пропитания, поэтому им приходится бороться за свое существование, искать заработок. Автор всячески подчеркивает скудность, «серость», суровость природы Финляндии. Уже в первых строках романа перед читателем предстает следующая картина: «На вершине холма расположилась тавастландская деревня с ее серыми крестьянскими дворами, своим цветом напоминавшими хмурое небо, раскинувшееся позади, но расположенными теснее. Одиноким двухэтажным домом зажиточной семьи нарушал эту словно выписанную тушью монохромность углами и оконными рамами, когда-то выкрашенными в красный цвет, известь на печной трубе и замазка на окнах светились белизной» (*Uppå på backen en tavastländsk by med gråa bondgårdar, som stodo lika i färg med den mulna himmelen bakom, endast en smula kompaktare. Ett ensamt tvåvåningshus – bymagnatens – bröt av den entoniga tushlaveringen med knutar och fönsterposter, som engång varit röda, med skorstenarnas kalk och rutornas kitt, som lyste i vitt*)⁷⁰. К.А. Тавастшерна не романтизирует окружающую героев романа местность, однако, по мнению критиков, пейзажные зарисовки составляют большую ценность этого произведения: «Здесь его стиль становится сочным, а язык – красочным»⁷¹. Талант Тавастшерны к изображению природы раскрылся еще во время выхода его поэтических сборников. Музыковеды знают его как автора, чьи стихи были положены на музыку Сибелиуса⁷². Даже в реалистическом романе эта способность пропускать через себя красоту финской деревни, тонко чувствовать величие северной природы проявилась в наполненных эпитетами описаниях: «Крик коростели раздавался то посреди ржаного поля, то совсем рядом, то резко прекращался при звуке приближающихся шагов. От реки и из болота в лунном свете все поднимался и поднимался туман, призрачный и пугающий, все крепче заключал засеянные поля Коткаис в свои холодные

---

⁷⁰ Tavaststjerna K. A. *Hårda tider*. Helsingfors: Holger Schildts förlagsaktiebolag, 1925. S. 5.

⁷¹ Gråsten E. Tavaststjernas «Hårda tider» // *Finsk tidskrift* 1892 № 2. S. 154. Режим доступа: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/497571?page=44A> (дата обращения: 23.03.2024).

⁷² Горная И.Н. Финская камерно-вокальная музыка XX века. Петрозаводск: Карелия, 2005. С. 33–35.

объятья. Туман не клубился. Он беззвучно разливался по долинам и вспаханной земле, и только ветряная мельница да выкрашенный красной краской дом мельника высились на заросшем соснами холме, словно остров последи неподвижного моря» (Kornknarren skorrade, än långt inne i rågen, än alldeles tätt bredvid, och tystnade sedan plötsligt vid de annalkande stegen. Men dimman från ån och från träskmarken växte minut för minut, spöklik och hemsk i det vita månskenet, och tog Kotkais stora sädesfält allt säkrare i sin kalla omfamning. Icke en fläkt kom den att bäva. Ljudlöst flöt den fram i dälderna och nivellerade markerna, så att slutligen endast kvarnbacken med talldungarna, den stora väderkvarnen och mjölnarens röda stuga, stod som en ö ur det orörliga havet)⁷³.

Пейзажная зарисовка особенно интересно применяется автором в начале десятой главы. В ней используется прием одушевления природы, и перед читателем предстает картина утра во всей Финляндии, наглядно видны особенности жизни крестьян южных и северных провинций, строителей железной дороги и правящей верхушки. Все мы видим глазами «королевы утра»⁷⁴, объезжающей свои владения на колеснице, – так иносказательно названа заря. Крестьянин с северо-востока встречает утро в спокойствии, ведь заморозки не коснулись полей, а господам и представителям церкви не добраться до его дома. У тех, кто живет в долинах, ночной холод уничтожил скудный урожай, но эти люди смогут прокормить себя рыбалкой и охотой. В провинциях, которые расположены восточнее и южнее, заморозки означают голод. Поэтому именно в Тавастланде, Остроботнии, Исконной Финляндии и Нюланде крестьяне, живущие земледелием, в отчаянии после морозной ночи. На ногах уже и рабочие, строящие железную дорогу, к образу которой мы обратимся позже. В столице все еще спят в широких кроватях владельцы роскошных домов. Высшее сословие писатель подвергает критике на протяжении всего произведения.

---

⁷³ Tavaststjerna K.A. Hårda tider. Helsingfors: Holger Schildts förlagsaktiebolag, 1925. S 111.

⁷⁴ Ibid., S. 119.

Выбранный способ повествования позволяет дать краткое описание регионов страны, показать различия в достатке и образе жизни, это довольно яркая картина, поскольку в первой половине романа такой панорамы нет. Автор вводит в повествование географические маркеры, необходимые для ориентации читателей в пространстве, однако эти особенности также помогают раскрыть характер персонажей.

Э.Г. Карху, анализируя финский реалистический роман 1880-1890 гг., выявил особенности изображения финской деревни в рамках возникшего литературного направления. Кратко перечислим их:

- Крестьяне более не предстают в идеальном освещении, раскрываются личные, эгоистические мотивы, руководящие поведением героев, нарушение ими моральных норм.

- Цель писателя – изобразить обобщенные социальные типы людей, охарактеризовать их социальное окружение.

- Герои более не являются носителями, иллюстрациями идеи, из которых исходит автор. Именно поэтому более не актуальна историческая и фольклорная тематика.

- Реалисты прослеживают судьбу личности, неповторимого индивидуума, не стремясь к эпичности изображения народной жизни⁷⁵.

Рассмотрим эти особенности на материале романа «Тяжелые времена». В произведении представлен широкий срез проживающего в Финляндии населения. Созданы образы крестьян и знати, правительства и руководства железной дороги. Есть также работники, строящие ту самую железную дорогу, но их участь не легче крестьянской доли. Тавастшерна в романе упоминает несколько разных провинций, выходцы из которых существенно отличаются по характеру. В Карелии и Саволаксе люди настроены на романтический лад, там родина сказов (имеется в виду руны, которые позже войдут в «Калевалу»), а жители Остроботнии и Тавастланда известны практическим складом ума.

---

⁷⁵ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 487.

Главной особенностью изображения крестьян является противопоставление героев традиционному романтическому образу крестьянина, в котором ранее воплощался истинный дух финского народа. Обычно этот образ ассоциируется с героем известной идиллии Ю.Л. Рунеберга – Пааво из Саариярви (из сборника 1830 г.), олицетворявшим христианские ценности: доброту, трудолюбие, богобоязненность. Новые жизненные условия, воплотившиеся в образе строящейся железной дороги, приводят к изменениям нравов и жизненного уклада крестьян: «все оставшееся население паковало свои скудные пожитки и длинными, оборванными караванами мужчин, женщин и детей тянулось к железной дороге в поисках работы» (allt vad som fanns av lös befolkning packade samman sina få tillhörigheter och begav sig i långa trasiga karavaner, män, kvinnor och barn, att söka arbete vid järnväggsbyggaden)⁷⁶. На смену традиционным ценностям приходят другие мотивы поведения, которые позволяют выжить в голодное и трудное время. Время самоотверженных торпарей, подмешивающих в свой хлеб кору, чтобы поделиться урожаем с соседом, ушло. В такой момент вскрываются самые светлые и самые мрачные стороны души людей, и новая Финляндия богата и теми, и другими.

Сюжет романа разворачивается вокруг двух крестьян, обоих зовут Калле, оба родом из Остроботнии. Первый, Калле Лехтимаа, продает другому свои документы, а затем жалеет о содеянном: ведь благодаря этому второй Калле, Калле Пиль, женится на самой красивой девушке имения, в котором работает, а в качестве приданого получает богатый торп. Калле Пиль добивается многого благодаря своим положительным качествам: смелости, настойчивости, трудолюбию. Но вместе с тем писатель создает образ человека, далекого от идеала, к которому надо стремиться: Калле Пиль уже женат и, заключив брак, становится двоеженцем. Свою первую семью: жену Юханну с тремя детьми он оставляет на произвол судьбы. В начале романа Калле

---

⁷⁶ Tavaststjerna K.A. Hårda tider. Helsingfors: Holger Schildts förlagsaktiebolag, 1925. S. 125.

успокаивает себя тем, что избавляет их от лишнего голодного рта, а в конце – делает вид, что они вовсе не знакомы. Калле Пиль не боится отстаивать свое стремление к лучшей, богатой жизни. Он не боится прогнать жену и детей, прогнать Лехтимаа и даже дерзить хозяину земли – капитану Торельду. Однако его настигает расплата: поистине в духе Ф.М. Достоевского, доведенный до отчаяния тезка Калле, чьи документы и сделали подлог возможным, убивает топором и Калле Пиля, и его вторую жену. Он считает себя несправедливо обиженным, в мечтах он сам был хозяином торпа Урамо и мужем красавицы Анны. За свое преступление Калле Лехтимаа осужден на ссылку в Сибирь. Подобное развитие сюжета вполне соответствует тому образу крестьянства, который создавался в реалистических романах Финляндии этого времени. Возможно, эпизод с размышлениями Калле Лехтимаа об убийстве и последовавшее за этим наказание были созданы под влиянием творчества Ф.М. Достоевского. Сознание Раскольникова и Лехтимаа характеризуется разной степенью саморефлексии. Но и в романе К Тавастшерны молодая фрёкен Луиза фон Блюм верит в доброе сердце Лехтимаа и вручает заключенному букет белых роз. Конечно, нельзя говорить о прямом заимствовании К. А. Тавастшерной, но на момент написания романа «Тяжелые времена» уже существовали переводы произведений Ф.М. Достоевского на шведский язык, а сам писатель был весьма популярен в странах Северной Европы.

Вторая группа действующих лиц романа – аристократия, которая представлена и конкретными действующими лицами, и обобщенным образом правительства, сосредоточенного в столице. Владельцы имений в Тавастланде – господин и госпожа фон Блюм – люди старого поколения. Супруги вполне соответствуют характерам эпохи романтизма. Они просты, набожны, с состраданием относятся к ближним. Также среди действующих лиц выделяется капитан Торельд, в его образе виден переход к новому финну, инициативному и деловому. С одной стороны, по возрасту он ближе к «отцам», но своей семьи у него нет, и главным прожектом, способом

преодоления внутреннего кризиса становится его имя: «Его практическая хватка и предприимчивость, которые в казарме выражались лишь во всеми признанных способностях к карточным играм, теперь получили огромное непаханое поле для деятельности» (All hans praktiska duglighet och affärsklokhets som i kasernen tagit sig enda uttryck i hans erkända skicklighet att sköta korten, fick nu ett stort och obrukat fält)⁷⁷.

И супруги фон Блюм, и капитан Торельд, и другие непосредственные владельцы имений заботятся о крестьянах, работающих в имениях: дают работу, помогают деньгами. Именно они составляют петицию правительству, в которой требуют принять меры в условиях голодного времени. Однако все они бессильны перед природой: «капитан поехал дальше через свои поля ржи, которые выглядели совершенно обычно, мимо посадок картофеля, которые еще не почернели, к своему красивому дому и пытался во сне избежать тяжелых мыслей, захвативших и его, и всю страну этим сияющим, прекрасным морозным утром в первой половине августа» (...åkte kaptenen vidare genom sina rågfält, som sågo helt vanliga ut, förbi potatisland, som ännu icke svartnat, upp till sitt vackra hem och sökte i sömnen undfly alla de tunga tankar, som togo honom och hans land i besittning denna strålande vackra frostmorgon i förra hälften av augusti)⁷⁸.

На этом фоне К.А. Тавастшерна описывает верховную власть Финляндии. Ее представители живут в столице и не хотят вникать в дела простых людей: «Правительство! – Да, они думали лишь о языковой политике, да о строительстве железной дороги» (Regeringen! – Ja den hade sin språkpolitik och sin järnvägsbyggnad att tänka på)⁷⁹, – характеризует их повествователь. Главное – итоговый экономический баланс, поэтому никто не борется со спекулянтами, которые наживаются на голоде крестьян, а руководство железной дороги сокращает до минимума зарплаты работникам. Это еще одно

---

⁷⁷ Tavaststjerna K.A. Hårda tider. Helsingfors: Holger Schildts förlagsaktiebolag, 1925. S. 37.

⁷⁸ Ibid, S. 118.

⁷⁹ Ibid., S. 94.

отличие от романтической традиции: автор не избегает критики ненадлежащей, по его мнению, реакции на нужды людей. После получения петиции о неурожае от капитана Торельда, господина фон Блюма и других землевладельцев правительство перенаправило этот запрос в церковь и заказало молебен, к которому, по описанию Тавастшерны, прислушивались лишь сами крестьяне. Если Ю.Л. Рунеберг в произведениях отмечал богобоязненность финских крестьян как неотъемлемую черту их сущности, по мнению Тавастшерны, крестьяне идут в церковь потому, что надеяться им больше не на кого: «они выполняли свои ежедневные обязанности с бессознательной простотой, без спеси и стенаний...они без театральной жестикуляции и ажитации испускали свой грешный дух в темном углу избы. К ним не приходил прекрасный спаситель с нимбом, в белых одеждах, тот, что накормил тысячи людей тремя хлебами и пятью рыбами. Вместо этого могло случиться, что мать, сохранившая остатки сил, предлагала на краю дороги шестилетнему ребенку свою иссякающую грудь, чтобы умерить мучительную жажду от жара» (Men de lade sina kraftprov i dagen med det omedvetnas enkelhet, utan självkänsla och utan högljudd klagan... de själva utan stora åtbörder och teatraliska ställningar gåvo upp sin syndiga anda i en mörk stugvrå. Lika litet kom det någon vacker frälsare med strålgloria och vita kläder till dem, vilken med tre bjuggbröd och fem fiskar mättade tusenden. Men det kunde i stället hända att en moder, som ännu hade något av sina krafter i behåll, vid vägkanten bjöd sitt sexåriga stora barn den sinande barmen för att stilla en glödande febertörst)⁸⁰.

В романе «Тяжелые времена» К.А. Тавастшерна сосредоточился на изображении глобальных изменений в финском обществе: на переходе к новому, индустриальному типу отношений. Он накладывает отпечаток и на взаимодействие людей. Традиционная мораль, нравственные устои изживают себя, и им на смену приходят личные интересы человека. Прагматичное отношение к религии – еще одна отличительная черта творчества писателя.

---

⁸⁰ Tavaststjerna K.A. Hårda tider. Helsingfors: Holger Schildts förlagsaktiebolag, 1925. S. 184–185.

Взаимовыручка, взаимопомощь, даже в ущерб себе – вот девиз крестьянина Пааво. Герои Тавастшерны остаются со своей бедой один на один, что также не было характерно для романтической традиции. Воплощением этих изменений становится образ железной дороги, красной нитью проходящий через все повествование.

Образ железной дороги появляется не только в произведениях К.А. Тавастшерны. Событие масштаба всей страны отразилось, к примеру, в романе Юхани Ахо «Железная дорога» (Rautatie, 1884 г.), новелле Минны Кант «Бедные люди» (Köyhää kansaa, 1886 г.) о трудностях рабочих при строительстве железной дороги⁸¹. Сходство в тематике произведений обусловлено не только ее актуальностью. Известно, что К.А. Тавастшерна, Юхани Ахо и Минна Кант были знакомы друг с другом, вели переписку и даже вместе провели лето в Куопио в 1892 г. Автор заметки в газете «Kotka» от 02.06.1892 г. сообщает: «Ярнефельдт и Юхани Ахо вместе с супругой также собираются в русскую Карелию... Писатель К.А. Тавастшерна поселится в окрестностях Куопио» (Järnefelt tillsammans med Juhani Aho och hans fru ärna sig jämväl till ryska Karelen... Författaren K. A. Tavaststjerna skall bosätta sig i trakten av Kuopio)⁸². Ю. Ахо и К.А. Тавастшерна переводили произведения друг друга на финский и шведский языки (Ахо в 1892 г. перевел роман «Тяжелые времена» / «Kovina aikoina. Kertomus Suomen viimeisten nälkävuosien ajoilta», а Тавастшерна – рассказ «Когда отец купил лампу» / Då far köpte lampa / Siihen aikaan kun isä lampun osti, «Торговец» / En marknadskar / Muuan markkinamies», роман «Железная дорога» / Järnvägen / Rautatie), которые были опубликованы в одном сборнике в 1886 г.

Юхани Ахо в романе «Железная дорога» описывает двух стариков, возле дома которых построена железная дорога. Это меняет привычный уклад их размеренной и тихой жизни. Предпринятая ими поездка оборачивается

---

⁸¹ Ahokas J. A History of Finnish Literature. Bloomington: Indiana University Press. 1973. P. 119.

⁸² Kotka notis- och annonsblad № 22 02.06.1892 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/434304?page=3&term=Tavaststjerna> (дата обращения: 29.10.2023).

испытанием для обоих. Старикам и страшно, и интересно одновременно. Всё для них ново и неизвестно. Проехав свою станцию, они вынуждены возвращаться домой под проливным дождем. В романе Ахо образ железной дороги воплощает начало новой эпохи в жизни Финляндии, именно на нем основана вся сюжетная линия произведения. К.А. Тавастшерна, также используя тему железной дороги, встраивает ее в более широкую картину, она становится частью масштабного изображения изменений, происходящих во всех сферах жизни финнов.

В романе «Тяжелые времена» железная дорога предстает явлением противоречивым. Этот образ, осмысленный автором, получает символическое значение. С одной стороны, в строительстве железной дороги задействованы тысячи крестьян, которые меняют свой традиционный жизненный уклад и превращаются в рабочих. Для них это спасение в голодное время, ведь они обеспечены платой за свой труд. Однако деньги достаются нелегко, многие и многие приносят в жертву глобальному проекту свою жизнь. С другой стороны, владельцы железной дороги действуют отнюдь не в интересах людей. Их интересуют выгода и прибыль, поэтому в условиях безработицы они занижают плату за работу, ведь очередь из желающих огромна. Несмотря на просьбы правительства, зимой происходит дополнительное сокращение количества строителей. Однако символическое значение железной дороге придает не экономическая ситуация, а те мировоззренческие и культурные изменения, которые она в себе заключает. Это и связь с культурными центрами Европы, и возможность движения населения внутри страны, и гудок паровоза, прерывающий речь капитана Торельда во время прощальной речи над гробом госпожи фон Блюм: «В это же время в тишине громко и ясно прозвучал сигнал локомотива с новой железной дороги в четверти мили отсюда. Говорящий вновь собрался, будто звук отвлек его, а затем продолжил: – Вот вдалеке звучит свист пара, голос будущего! Мы построили для него дорогу ценой бедности нашего народа, поверх их тел. Пусть толпы этих

рабочих, павших в честной схватке с самой природой, принесут нам больше плодов, чем батальоны солдат в битвах с бандитами!

– Это звучит странно в надгробной речи, добавил он задумчиво, но та, чей прах мы сегодня осыпая цветами, станет для меня жертвой новой культуре в борьбе за то будущее, в котором мы, наконец, действительно возрадуемся спасителю» (I detsamma ljud genom tystnaden hög och klar en lokomotivsignal från den nya järnvägen en kvarts mil längre bort. Talaren samlade sig en sekund, likasom distraherad genom avbrottet, sedan fortsatte han:

— Nu ljuder den redan därborta ångsignalen, framtidens röst! Vi ha byggt vägen för den med vårt folks fattigdom, över deras stupade kroppar. Må dessa härskaror av arbetare, som stupat i ärlig strid mot den hårda naturen själv, bära oss bättre frukter än alla bataljoner, som fallit i fält mot legda mördare!

— Det är ett märkvärdigt tal på en grav, tillade han eftertänksamt, men hon, över vars stoft vi nu strö blommor, hon blir för mig också ett den nya kulturens offer, som fallit i kampen för den framtid, då vi äntligen få fira frälsarens fest verkligt)⁸³.

В конце XIX века языковое противостояние было весьма острым, но К.А. Тавастшерна в своем романе не проводит резкой границы между финноязычным и шведоязычным населением. Языковой вопрос описывается с точки зрения простых крестьян. Калле Пиля и других жителей глубинки не интересуют вопросы высокой политики, противостояние финского и шведского языков представляется им проблемой надуманной, ею интересуются только важные господа из столицы. Внимание писателя приковано к тем внутренним изменениям, что происходят в душе каждого жителя страны, вне зависимости от его языковой принадлежности.

Таким образом, задача автора состоит в описании реального положения дел в глубинке, истинного характера финляндского крестьянина, а не его романтизированного идеала. Финляндия запечатлена в непростое время перехода от аграрной страны к развитию индустриального общества. Автор

---

⁸³ Tavaststjerna K.A. Hårda tider. Helsingfors: Holger Schildts förlagsaktiebolag, 1925. S. 244.

выступает в роли беспристрастного, стремящегося к объективности наблюдателя, ведущего свое повествование «со стороны». Это относится и к изображению внешних обстоятельств, составляющих фон для основных событий, и к характеристике действующих лиц. Тем самым, роман «Тяжелые времена» находится в русле реалистического направления в литературе. На конкретных примерах К.А. Тавастшерна раскрывает судьбу нескольких типажей героев: хозяйственного, но в то же время бессердечного по отношению к первой семье Калле Пиля, ищущего справедливости, но совершающего убийство Калле Лехтимаа, первой жены Калле Пиля, которой нужен не муж, а средства к существованию. Противопоставленный крестьянам мир аристократического сословия также представлен разнообразно. Это и поколение «отцов», стремящихся защитить своих работников, а также обеспечить их существование, поколение «детей»: молодой инженер, который уезжает из Финляндии учиться, сын четы фон Блюм, который не поступил в университет, и теперь не может найти себе занятие в имении родителей. Весьма показательной в контексте исторического развития Финляндии является судьба госпожи фон Блюм, олицетворяющей романтическую эпоху. Во время бушующей в провинции эпидемии тифа она сама заболевает и умирает (этот эпизод имеет автобиографическую основу. Так погибла мать К. А. Тавастшерны). Источником распространения болезни становится железная дорога, что в символическом смысле означает пагубное воздействие старого и нового жизненных укладов.

Промежуточное положение в системе персонажей занимает капитан Торельд, который по возрасту скорее принадлежит поколению «отцов», охотно занимается своим имением, но готов встретить «новое время», о чем заявляет в речи на похоронах госпожи фон Блюм. Общегосударственная перспектива создается благодаря изображению разных провинций Финляндии, крестьян севера и юга. Одним живется легче, другим труднее, но все же их уровень жизни неизмеримо далек от столичного. Правителей не волнуют проблемы простых людей, они мыслят глобальными категориями,

стремятся к получению выгоды, и, по мнению повествователя, не хотят предпринимать никаких действенных мер для спасения голодающего населения. Выступая против традиции романтического взгляда на родную страну, К.А. Тавастшерна изображает символическую «смерть» уходящей эпохи. Та Финляндия уже потеряна, настает новое время. Такой разрозненной, разъединенной противоречиями разного характера и разной глубины предстает родина в романе «Тяжелые времена».

Новая картина Финляндии не всем пришлась по вкусу. К примеру, во втором номере журнала «Финск тидскрифт» (Finsk Tidskrift) 1892 г. вышла статья критика Эрика Гростена, в которой он писал: «монументальная задача предъявляет к писателю высокие требования. Один лишь талант не являет залогом успеха. Художественная добросовестность, пиетет перед предметом изображения также необходимы, а в этом отношении на совести Тавастшерны много грехов»⁸⁴. Критик также указывал на многие фактические неточности, допущенные автором при описании голодного времени, принятых правительством мер, судебного процесса над Калле Лехтимаа. По мнению Э. Гростена, К.А. Тавастшерне удалось описания природы, а изображение людей слишком надуманное, автор «лишь наполовину скрыт за ближайшей кулисой»⁸⁵. В статье отмечается еще некоторое количество недостатков романа, и Э. Гростен призывает писателя, который «обладает способностями подарить своей стране самое лучшее», не довольствоваться оценкой «сравнительно хороший» применительно к роману «Тяжелые времена»⁸⁶. Книга К.А. Тавастшерны также стала примером использования «финнизмов» в финском варианте шведского языка. В следующем же номере журнала К.А. Тавастшерна опубликовал развернутую статью в ответ на критику, в которой иронизировал: «пишите как Рунеберг, мальчики, тогда вы будете

---

⁸⁴ Gråsten E. // Finsk tidskrift 1892 № 2. S. 151. Режим доступа: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/497571?page=44A> (дата обращения: 23.03.2024).

⁸⁵ Ibid., S. 154.

⁸⁶ Ibid., S. 161.

писать хорошо»⁸⁷. Прежняя Финляндия потеряна вместе с прошлым укладом, что стремился подчеркнуть сам автор, утверждая: «я сознательно стремился избежать создания плохой копии Пааво, крестьянина из Саариярви»⁸⁸. Тем не менее, в целом книга получила положительные отзывы⁸⁹. Литературовед и публицист Георг Брандес был о ней весьма высокого мнения, а датский журналист и писатель Петер Нансен сделал много для распространения произведений К. А. Тавастшерны в Дании⁹⁰.

1.4. «Патриот без родины» – одиночество среди людей. Русский след в творчестве К.А. Тавастшерны

Некоторое время спустя после публикации романа «Тяжелые времена» К.А. Тавастшерна начал путешествие по Европе. Он довольно часто бывал за пределами Финляндии. Очевидно, это и способствовало осмыслению судьбы финского народа, всей страны в сравнении с Европой. После неудачной попытки проживания за границей и заработка писательством, Тавастшерна был вынужден вернуться в Финляндию в 1895 г. Эти события сильно повлияли на общий настрой писателя, и в сборнике стихотворений 1896 года мы можем найти немало произведений, отражающих скорбь лирического героя по потерянной родине, к которой уже нельзя вернуться, поскольку всё изменяется, наступают новые времена.

Теперь Тавастшерна избирает новую перспективу изображения Финляндии. Писатель вскрывает иной пласт проблематики – волнение за судьбу Финляндии как государства в целом и за развитие культурной и общественной жизни, в частности.

---

⁸⁷ Tavaststjerna K.A. Självförsvar [Электронный ресурс] 1892. S. 228. Режим доступа <http://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/497564/#?page=38> (дата обращения: 29.10.2023).

⁸⁸ Tavaststjerna K.A. Op. cit.. S. 228.

⁸⁹ Söderhjelm W., Tavaststjerna K.A. En lefnadsteckning [Электронный ресурс]. Helsingfors: Tidnings & tryckeri-aktiebolagets tryckeri, 1900. S. 199. Режим доступа: <http://runeberg.org/wskat/> (дата обращения: 29.09.2017).

⁹⁰ Torben N. Tavaststjerna på det danske bogmarked fra Peter Nansens arkiv 1954 [Электронный ресурс]. S. 113. Режим доступа: <https://tidsskrift.dk/index.php/fundogforskning/article/view/1889/3220> (дата обращения: 29.10.2023).

Размышления об этом читатель встречает, к примеру, на страницах романа «Туземец» (Inföding, 1887 г.), в котором главные герои: чиновник Хорд и редактор газеты Герман Валин олицетворяют противоположные взгляды на Финляндию и ее жителей. Хорд, побывав в Европе, критикует «вялость, некритичность, ограниченный патриотизм»⁹¹. Редактор газеты Герман Валин считает: «Нам в нашем углу не нужно становиться европейцами. У нас особое значение, и его нам нужно поддерживать» (Det är heller inte så nödigt att vi här i vår vrå utveckla oss till fullfjädrade europeer. Vi ha vår särskilda ställning för oss, och det är på den vi ska bygga...)»⁹². Оба эти характера – Валин и Хорд – каждый по-своему близки К.А. Тавастшерне. По мнению Э.Г. Карху, они отражают его собственные рассуждения о путях развития финского (и европейского) общества⁹³.

Множество произведений К. Тавастшерны, в том числе и поэтических, повествует о людях, эмигрировавших из России и Финляндии в европейские страны. Стесненность положения одаренной личности в финских условиях послужила причиной отъезда в Америку героя маленькой повести Тавастшерны «Обязательства» (включена в книгу с тем же названием «I förbindelser», 1888 г.).

Наиболее полно тема эмиграции раскрывается в романе «Патриот без родины» (En patrion utan fosterland, 1896 г.). «Патриот без родины» выстроен в виде дневниковых записей. Это история о человеке, который долгое время оставался одиноким. Повествователь, господин Т., путешествуя по Италии, знакомится с семьей шведов, проживающих поблизости от Сорренто. Рассказчик получает в свое распоряжение рукопись, мемуары господина фон Стевена, главного действующего лица произведения. Швед по национальности, русский по воспитанию, в жилах которого течет еще и татарская кровь, он семь лет жил в Финляндии, сблизился

---

⁹¹ Tavaststjerna K. A. Inföding. Borgå [Электронный ресурс]. Söderström, 1887. S. 6. Режим доступа: <http://runeberg.org/kateninfod/0010.html> (дата обращения: 05.02.2017).

⁹² Ibid, S. 13.

⁹³ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 489.

с прогрессивным финским студенчеством и даже был участником финских демонстраций. После этого он оказался в двусмысленном положении: студенты подозревали его в доносе, а начальство было недовольно связями с либеральной молодежью. От него отвернулись друзья и коллеги. Фон Стевену пришлось уехать из Хельсинки. В городке Тавастгус фон Стевен начинает преподавать русский и французский языки, но его не любят ученики, он не нравится коллегам. В то же время ему покровительствует губернатор, и фон Стевен чувствует себя в безопасности, когда разжигает неприязнь у мужчин, но привлекает женщин: «именно это наполняло мое существование, жизнь в маленьком городке, мне льстило быть объектом всеобщего внимания, я воплощал в жизнь знаменитые типы лермонтовских героев, которыми я восхищался» (Det var detta, som gaf nödigt i nnehåll och lif åt min vistelse i den lilla staden, jag kunde smickra mig med att vara den mest observerande personen därstädes, och jag omsatte i verkligheten Lermontoffs berömda romanhjältetyper, hvilka jag beundrade odeladt)⁹⁴. В этом же городе фон Стевен находит молодую девушку, Веру Тарасофф, они вместе сбегают в Швецию и женятся без согласия родителей невесты. Семейная жизнь также не спасает героя от одиночества, брак довольно скоро распадается, и Вера возвращается домой. Поворотным моментом в судьбе главного героя становится история с выкупом перстня, по-видимому, принадлежавшего отцу главного героя. В этот момент в романе появляется образ «Демона», хорошо знакомый по творчеству М.Ю. Лермонтова. Преодолев внутреннего «демона», фон Стевен внутренне преображается и начинает новую страницу в своей жизни. В итоге он обретает личное счастье, однако в Финляндию, за судьбу которое он искренне переживает, фон Стевен так больше и не вернется. Волею судьбы он оказывается в Италии, где и встречается с повествователем.

К.А. Тавастшерна уже переосмыслил изменения, произошедшие в связи с индустриализацией страны, приходом нового времени, и теперь обращается

---

⁹⁴ Tavaststjerna K. A. En patriot utan fosterland. Helsingfors: Söderström & C:o, 1896. S. 166.

к изображению неидеального героя из высшего круга, образованного человека. Образ Финляндии рисуется в романе опосредованно. Если в тексте «Тяжелых времен» автор явно присутствует в повествовании, то в «Патриоте без родины» К.А. Тавастшерна создает сложную цепь: все события произведения уже произошли, были записаны фон Стевенем в зрелом возрасте, а затем рукопись получает повествователь, господин Т., именно от его лица ведется рассказ в первой части романа.

В «Патриоте без родины» нет обширного среза народной жизни, читатель наблюдает за финляндским обществом глазами одного человека – главного героя. Сложность этого персонажа заключается в его мультикультурной принадлежности: русской, финской и шведской. Сердце его принадлежит Финляндии, однако название произведения, «Патриот без родины» говорит само за себя: в итоге ни одна из стран не дает герою пристанища, фон Стевен вынужден находиться за пределами страны, но по-прежнему думает о ее будущем.

Следует отметить разницу, которая прослеживается при сравнении первого романа Тавастшерны, «Друзья детства» и «Патриота без родины». Хотя исследователь Ю. Нумми и называет главного героя первого романа Тавастшерны, Бена Томена «a patriot without patria»⁹⁵ (патриот без родины), полное выражение тема «беспочвенности» героя выражается именно в более позднем произведении. Подтверждением этого становится поведение самих героев, а также их отношения с семьей и окружением. Оба молодых человека родом из обеспеченной семьи, и им обоим уготовано обеспеченное будущее: Бен Томен должен стать юристом, а фон Стевен – военным. Однако герой романа «Друзья детства» всеми силами пытается противостоять влиянию семьи, проложить собственный жизненный путь. Его отношения с отцом и финско-шведским окружением скорее похожи на бунт, который

---

⁹⁵ Nummi J. The power shift of the 1880-s. Themes of isolation and minority in K. A. Tavaststjerna's *Barndomsvänner* [Электронный ресурс] // *Cahiers d'Etudes hongroises et finlandaises*, 2011. № 17. S. 191–209. Режим доступа: http://epa.oszk.hu/02400/02413/00017/pdf/EPA02413_CahiersDetudesHongroises_17_2011_019-235.pdf (дата обращения: 15.01.2020).

заканчивается неудачно. В свою очередь, фон Стевен также оказывается за пределами традиционной судьбы, уготованной ему по происхождению. Разница в том, что он стремился стать частью этой системы взаимоотношений, исполнять свою роль на военной службе. Оказавшись оговоренным, он вынужден покинуть сначала Хельсинки, а потом и Финляндию. Стремление к публикации своих мемуаров – это попытка оправдать свое доброе имя перед соотечественниками. Тем самым, за несколько лет, прошедших с публикации первого романа, Тавастшерна переосмысливает одиночество финляндского шведа в своей стране, теперь уже не герой отвергает свое прошлое в попытках найти собственный жизненный путь, новое место в системе общественных отношений. Персонаж Тавастшерны остается преданным стране и разделяет идеалы своего окружения, но это не спасает его от отвержения и необходимости переосмысливать привычные алгоритмы поведения.

В романе «Патриот без родины» К. А. Тавастшерна наиболее полно выразил свои общественно-политические взгляды и симпатии. Как отмечает Э.Г. Карху, любовь к человечеству и братство народов писатель ставил выше ограниченной национальной идеи⁹⁶. По сравнению с романом «Тяжелые времена» в «Патриоте без родины» мало описаний природы Финляндии, бытовые подробности упоминаются вскользь. Хотя основное действие произведения разворачивается в Финляндии, в первой части перед читателем предстают зарисовки природы и быта Италии. Эти заметки сделаны повествователем, господином Т. Они контрастируют со второй частью романа, в которой внимание, в первую очередь, уделяется обществу, жизни людей.

Повествуя о высшем свете Хельсинки, о военных, о либеральной молодежи, К.А. Тавастшерна показывает еще одну грань образа родины – страны, до которой с опозданием доходят новые веяния, консервативной и недоверчивой по отношению к не похожим на других людям, но, тем

---

⁹⁶ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 489.

не менее, бесконечно любимой: «грандиозные идеи, волновавшие сердца современников в других странах, были и остаются в Финляндии политической контрабандой» (*De stora idéerna, som värmt samtidens hjärtan i andra länder, ha varit och äro politiskt kontraband i Finland*)⁹⁷. Главный герой не перестает размышлять о судьбе страны, даже находясь на другом конце земного шара, пережив отвержение тех, кто был когда-то ему дорог. Даже допуская иронию по отношению к современным политическим веяниям: «теперь мы создаем не великие души, а масло на экспорт» (*Numera producera vi bara smör till export, men inga stora andar*)⁹⁸, (он ожидает, что родная страна продолжит свое развитие в контакте с другими европейскими государствами: «барьеры между нациями падут, и мы образуем один свободный народ в свободной Европе» (*«skrankorna mellan nationerna fallit och vi utgöra ett fritt folk i ett fritt Europa*)⁹⁹, и станет в одном ряду с ними.

Как и в романе «Тяжелые времена», в сюжет «Патриота без родины» включены автобиографические элементы, хоть автор и попытался занять отстраненную позицию, «укрывшись» за образами сразу двух рассказчиков. Вернер Сёдергельм в биографии Тавастшерны свидетельствует о путешествии, предпринятом писателем после свадьбы в 1891 г.: «Сам он совершил 25-дневное путешествие по Италии: Милан, Генуя, Рим, Неаполь, Флоренция, Венеция, Комо и снова Лугано, из которого он в мае направился в Берлин, чтобы воссоединиться с супругой» (*Självföretog han en 25 dagars rundresa i Italien: Milano, Genua, Rom, Neapel, Florens, Venedig, Como och åter Lugano, därifrån han i maj styrde kosan till Berlin för att där sammanträffa med sin hustru*)¹⁰⁰. Впечатления от этой поездки легли в основу описаний итальянской природы, открывающих первую часть романа «Патриот без родины». Помимо этого, по сюжету произведения у главного героя есть покровительница,

---

⁹⁷ Tavaststjerna K.A. En patriot utan fosterland. Helsingfors: Söderström & C:o, 1896. S. 55.

⁹⁸ Ibid, S. 47

⁹⁹ Ibid, S. 56.

¹⁰⁰ Söderhjelm W., Söderhjelm W., Tavaststjerna K.A. En lefnadsteckning [Электронный ресурс]. Helsingfors: Tidnings & tryckeri- aktiebolagets tryckeri, 1900. S. 232. Режим доступа: <http://runeberg.org/wskat/> (дата обращения: 29.09.2017).

госпожа Р., которая дает ему советы и остается единственным другом, поверившим в невиновность фон Стевена. Между ними есть взаимная симпатия, однако никакого развития она не получает, оставаясь исключительно платонической. Тавастшерна был свидетелем подобного рода отношений между Юхани Ахо и Элисабет (Елизаветы) Ярнефельдт. Ее письма к Ахо зачастую начинались со слов «Дорогой, дорогой Юсси! (Rakas, rakas Jussi!)»¹⁰¹.

Как и в случае с романом «Тяжелые времена», в «Патриоте без родины» также присутствует связь с русской литературой, она даже более явственна. В романе «Патриот без родины» русский след и русская литература играют в нем особую роль, формируя метатекст произведения.

Новую жизнь в романе обретает творчество М.Ю. Лермонтова. Некоторые произведения русского гения к моменту написания «Патриота без родины» уже были переведены на шведский язык, хотя К.А. Тавастшерна мог прочитать их и в переводе на другие европейские языки. Как утверждает словарь «Svenskt översättarlexikon», «Герой нашего времени» был опубликован в переводе на шведский язык, выполненном О. Мёрманом, в 1844 году, а поэма «Демон» вышла в свет 1893 году в переводе А. Йенсена¹⁰².

В особенностях композиционного построения романа «Патриот без родины» отмечается параллель с «Героем нашего времени»¹⁰³. Форма дневника, мемуаров погружает читателя не только в сюжет повествования, но и во внутренний мир героя. В рамках повествования читатель сталкивается с саморефлексией, ретроспективной этапов жизни господина фон Стевена.

Семья фон Стевена жила в Петербурге, а родовое гнездо, где они недолго бывали летом, находилось под Выборгом. Таким образом, очевидна тесная связь с Россией, через которую значительно расширяется

---

¹⁰¹ Elisabeth Järnefeltin kirjettä 1881-1929. 1996. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 1996. S. 43, S. 51. Письма от 26.01.1885 г. и от 01.01.1886 г.

¹⁰² Svenskt översättarlexikon [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.oversattarlexikon.se/listor/avupphovsman/Default.aspx?a=Lermontov%2C+Michail+Jur%CA%B9evic%CC%8C> (дата обращения: 29.10.2023), Zilliacus L. Lermontov och Novisen, 2003 S. 126.

¹⁰³ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 489.

как географический, так и бытийный план текста. О близости героя к русской культуре свидетельствуют его собственные слова, адресованные господину Т.: «Я сам был близок к тому, чтобы обрусеть» (*Jag har själf varit nära att förryskas*)¹⁰⁴, а манеры выдавали происхождение: «Это была та самая русская сердечность, та самая доброжелательность во взгляде, та самая суетливость движений» (*Det var den ryska hjärtligheten, den ryska välviljan i blicken, det ryska fjäsket i deras sätt att vara*)¹⁰⁵. Впервые прибывая в Хельсинки, тогда еще молодой человек чувствует себя чужим, наблюдая значительный контраст в образе мыслей и жизни финнов: «Странный город, этот Хельсинки! Я прибыл с большой земли и Петербурга с лучшими рекомендациями, и я наношу визиты, меня представляют, я обаятелен, делаю комплименты, я делаю все, что пристало благовоспитанному молодому человеку, но, тем не менее, я будто бы невидимым барьером отделен от общества этого провинциального города» (*En underlig stad, detta Helsingfors! Jag kommer från stora världen och Petersburg med de bästa rekommendationer, och jag gör visiter och blir presenterad, jag är charmant och säger komplimanger, jag gör allt hvad en gentil ung man bör göra, men jag är dock likasom genom en osynlig barrier isolerad från denna provinsstads societé*)¹⁰⁶.

Разъяснение жизненных обстоятельств фон Стевена закладывает логическую базу для развития сюжета романа и появления в нем интертекстуальных отсылок к творчеству М.Ю. Лермонтова. Именно после визита в Санкт-Петербург к больному отцу главный герой оказывается негласно обвиненным в шпионаже в пользу российских властей. По мнению окружающих, именно из-за него из Финляндии был выслан Нильс Адольф Эрик Норденшёльд, шведский географ и геолог, исследователь Арктики. После этого жизнь молодого человека претерпевает кардинальные изменения.

---

¹⁰⁴ Tavaststjerna K.A. *En patriot utan fosterland*. Helsingfors: Söderström & C:o, 1896. S. 18.

¹⁰⁵ *Ibid.* S. 16.

¹⁰⁶ *Ibid.* S. 69.

Не случайно глава, повествующая об этом, носит название «Отрезанный» (Kringskuren).

Связь с творчеством М.Ю. Лермонтова в романе актуализируется в тот момент, когда по сюжету произведения фон Стевен расходится с женой и остается без средств к существованию. В витрине магазина он видит перстень, такой же, как был у его усопшего отца. Фон Стевен, который долгое время находился вдали от дома и от родных, чувствует непреодолимое желание выкупить перстень и тем самым восстановить связь со своей семьей. Неожиданно, по протекции он получает от издательства заказ на перевод. Свой выбор фон Стевен останавливает на прозе М.Ю. Лермонтова. По мнению Э.Г. Карху, в данном случае имеется в виду роман «Герой нашего времени»¹⁰⁷, хотя в тексте финского автора нет на это прямого указания: «Недолго думая, я выбрал ... прозаические произведения Лермонтова и работал над ними денно и нощно» (Jag utvalde utan mycket grubbel Lermontoffs prosaarbeten... och jag skref på dem natt och dag)¹⁰⁸. Литературная работа становится вехой на пути взросления и самосовершенствования фон Стевена, обретения им душевного равновесия.

В повествовательную ткань романа К.А. Тавастшерны вплетается и один из самых ярких образов поэзии русского гения. Одержимый идеей выкупа перстня, возможно принадлежавшего его отцу, фон Стевен в процессе работы над переводами ощущает присутствие в своей жизни мятежной силы, воплотившейся в образе оставленной жены: «...она приняла форму...лермонтовского демона» («Hon tog ... formen af Lermontoffs ... dämön»)¹⁰⁹. Этот период становится временем метафизической борьбы с необъяснимым: «Меня...могло увести от работы мановением духа, который перечеркивал мои ясные мысли, смешивал мои выразительные слова. Напрасно я пытался собраться после прикосновения этой руки, я заставлял

---

¹⁰⁷ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. С. 489.

¹⁰⁸ Tavaststjerna К.А. En patriot utan fosterland. Helsingfors: Söderström & C:o, 1896. S. 233.

¹⁰⁹ Ibid. S. 233.

себя, я бил себя, рвал свои волосы, чтобы восстановить ход мыслей, – но не мог побороть незримого демона» (Jag kunde ... för långa timmar dragas ur mitt arbete af en andehand, hvilken strök öfver mina klara tankar, och blandade bort mina uttrycksfulla ord. Jag sökte fåfängt hämta mig efter beröringen af denna hand, jag tvingade mig, jag slog mig, jag drog mig i håret för att återfinna tankarnas tråd, — det var mig omöjligt att betvinga den osynliga dämonen»)¹¹⁰. В этом противостоянии осуществляется расширение рамок основного произведения. Культурный фон, глубина смысла, стоящего за воплощением личностного кризиса героя в образе из русской словесности, позволяет читателю прочувствовать накал страстей, бушующих во внутреннем мире фон Стевена. Победа над лермонтовским «демоном» излечивает героя от душевного недуга и помогает ему вновь вернуться из мира бесплотных переживаний к жизни, обрести веру в себя и смысл существования. Именно с этого момента заканчивается время бездумного прожигания жизни. Переживший отвержение друзей и общества, неудачный брак, растративший свое имущество, господин фон Стевен начинает новый отрезок жизненного пути. Последним препятствием становится дуэль из-за женщины. Э.Г. Карху усматривает в этой сцене еще одну параллель с «Героем нашего времени»¹¹¹. Хотя, в отличие от произведения М.Ю. Лермонтова, в любовной линии романа К.А. Тавастшерны нет места трагедии, даже обретя личное счастье, господин фон Стевен не перестает размышлять о судьбах отвергнувшей его Финляндии.

На протяжении всего произведения герой пытается найти свое место в мире, преодолеть экзистенциальное одиночество, повторяя знакомую русским читателям судьбу «лишнего человека» – Печорина. Появляющийся в романе мотив одиночества станет занимать все больше места в дальнейшем творчестве писателя.

Жизнь уводит фон Стевена все дальше от когда-то дорогих сердцу мест и людей. Поборов «демона», он не в силах преодолеть лермонтовское

---

¹¹⁰ Tavaststjerna K.A. En patriot utan fosterland. Helsingfors: Söderström & C:o, 1896. S. 233–234.

¹¹¹ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 489.

одинокость: «Где же моя страна, моя мать? Неужели только я сирота всех стран, или все страны одинаково родны мне?» (Hvar har jag då mitt land och min mor? Är jag den ende moderlöse i alla land, eller äro alla land i lika grad min moder?)¹¹². Ни Россия, ни Финляндия, ни Швеция не стали для героя настоящим Отечеством. В этот момент перед читателем открывается еще одна перспектива изображения родины в творчестве К.А. Тавастшерны. Для финского писателя родина неотъемлемая часть жизни человека, но его героям, как и самому автору, зачастую приходится искать лучших условий за ее пределами, они обречены на одиночество. Прожив долгое время и в России, и в Финляндии, и в Швеции, герой не находит себе места ни в одной из стран. Последней попыткой откровенного разговора, исповеди «патриота без родины» становятся представленные читателю мемуары.

Находясь в русле реалистического направления, К. А. Тавастшерна на протяжении своего творческого пути продолжает размышлять о значении родины в жизни человека. Глазами фон Стевена читатель видит многие страны, а их сравнение приводит к размышлению над вопросами о жизни в Финляндии, о ее будущем. В отличие от романа «Трудные времена», в «Патриоте без родины» повествование сосредоточено вокруг судьбы человека из высшего круга общества. Автор, скрытый под двойной маской фон Стевена и повествователя, раскрывает свое представление о родине. Современная герою Финляндия характеризуется как страна провинциальная, даже ее столица – город небольшой, в нем нет блеска и размаха европейских столиц. Фон Стевен мечтает о сближении страны с Европой, проникновению в нее новых мыслей и веяний. Финляндия предстает перед нами в срезках различных кругов, в которых живет фон Стевен: глубинка и центр, простой народ и высший свет, военные и студенты. Охват различных социальных слоев позволяет создать панораму Финляндии, проявляющуюся в различных произведениях, словно детали одного грандиозного полотна. Эти изображения

---

¹¹² Tavaststjerna K.A. En patriot utan fosterland. Helsingfors: Söderström & C:o, 1896. S. 278.

не оставляют читателя равнодушным, позволяя проникнуть в переживание автора о судьбе родной страны в условиях нового времени. Так или иначе, главный герой, рассказчик переживают ощущение утраты чего-то ценного, дорогого. В итоге фон Стевен духовно воссоединяется с семьей, обретает личное счастье и таким образом освобождается от владевшего им чувства одиночества. Восстановление связи между отцом и сыном становится литературным воплощением тех мыслей, которые Тавастшерна выразил в письме: «Вряд ли можно представить себе что-то более бесполезное и занудное, чем эти препирания о том, кто заложил краеугольный камень у Андерссонов на Николайгата, а кто – у Хайкариненов возле Эспланады, звали его Руохолайнен или Гресбек, говорил он по-шведски или по-фински»¹¹³. Тавастшерна выступал против разделяющих финский народ так называемых «языковых войн» и любых других разъединяющих факторов. Еще не воплотившаяся мечта господина фон Стевена состоит в реабилитации своего доброго имени перед соотечественниками, тем самым – в возвращении себе потерянной родины. Важно отметить, что мотив потерянной родины характерен не только для прозы, но и для поздней лирики Тавастшерны.

1.5. Возвращение к поэзии. Образ потерянной родины в поздней лирике К.А. Тавастшерны

Мотив потерянной родины появлялся и в поздней лирике К. А. Тавастшерны. В 1896 году был опубликован сборник «Стихи» (Dikter), а в 1897 – «Увенчанный» (Laureatus). Э.Г. Карху при анализе этих сборников выделяет раздел сборника «Стихи» «Песни свободного мореплавателя» (Friseglarens sånger), в котором лирический герой чувствует себя скорее

---

¹¹³ Цит. по Söderhjelm W., Söderhjelm W., Tavaststjerna K.A. En lefnadsteckning [Электронный ресурс]. Helsingfors: Tidnings & tryckeri- aktiebolagets tryckeri, 1900. S. 273–275. Режим доступа: <http://runeberg.org/wskat/> (дата обращения: 29.09.2017).

не свободным человеком, а изгнанником, а также известное стихотворение «Домой в осенний дождь» (Hemåt i höstregn):¹¹⁴

«Домой в осенний дождь, домой в Hemåt i höstregn, hemåt i natten,
ночь, hem öfver svarta svallande vatten,
Домой по волнующейся черной воде, hemåt mot vinden, hemåt mot
Домой к ветрам, домой к порогам strömmen
Веду я свое судно, но будто во сне, styr jag min farkost, men såsom i
Волны не будят меня»¹¹⁵ drömmen,
vågorna väcka mig icke ur den.

По возвращении из Европы на родину писатель ощущает барьер, существующий между ним и его окружением. Вокруг него есть близкие люди, но лирический герой внутренне готов к забвению:

«Я пройду дорогой покаяния, Botgörarfärden har jag att vandra,
Побираясь у друзей и tiggas hos vänner och fränder och andra,
единомышленников, hvilka likt böljorna höja och sänka mig
Вздымающих и опускающих меня, såsom sin lekboll, innan de dränka mig
словно игрушку в волнах, djupt uti glömskans signade sjö.
Прежде чем утопить в озере
забвения»¹¹⁶

Возвращение в Финляндию стало основой для многих стихотворения из сборника «Стихи», но этот путь лирическим героем воспринимается не просто путешествием изгнанника. Он возвращается к своим корням, в свой дом. Два стихотворения, расположенных подряд, рисуют картину изменений в «родовом гнезде»:

¹¹⁴ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. С. 489–490.

¹¹⁵ Tavaststjerna К. А. Dikter. [Электронный ресурс]. С. 39. Режим доступа: <http://runeberg.org/katdikter/> (дата обращения: 06.10.2017).

¹¹⁶ Tavaststjerna К.А. Dikter. Helsingfors: Wentzel Hagelstams förlag, 1896. С. 40.

«Финн из Финнбакка, мой строгий
отчим,
Я никогда не стану работником на
твоем дворе!
Я был первенцем в твоём доме,
Мой отец был шведом, был
достойным:
Моя мать получила в наследство весь
двор в придачу со мной,
Когда я был мальчонкой.
...
Будущее дома и женский взгляд
Сделали тебя, финн, моим отчимом!
Ты дал мне братьев и сестер, но я,
старший,
Стал чужим в своём доме»

Finnbacka Finne, min styffar sträng,
aldrig blir på din gård jag dräng!
Förstfödd är jag i din husbondstuga,
far min var svensk och hette duga:
mor min tog gården med mig i arf,
medan jag än var en liten slarf.
...
gårdens framtid och kvinnans sinne
gjorde dig sen till min styffar, Finne!
Syskon du gaf mig, men äldst bland
dem
blef jag en främling i eget hem.

(«Finnbacka Finne» / Финн из Финнбакка)¹¹⁷

На первый взгляд, довольно прозрачно в этом стихотворении противопоставление финно – и шведоязычного населения, вся история изменения языкового баланса в стране передана посредством истории одной семьи. По мнению наследника шведского отца, он по моральным качествам превосходит своего финского отчима. Однако в сопоставлении с биографией автора можно предположить наличие еще одного смыслового уровня: противопоставления К.А. Тавастшерной себя остальному населению Финляндии, в которой он все больше чувствует себя лишним.

Вновь К.А. Тавастшерна пишет об одиночестве человека, безрадостном возвращении в стихотворении «Блудный сын». К. А. Тавастшерна играет с традиционным содержанием притчи о блудном сыне. Поначалу действие

---

¹¹⁷ Tavaststjerna K.A. Dikter. [Электронный ресурс]. S. 53–54. Режим доступа: <http://runeberg.org/katdikter/> (дата обращения: 06.10.2017).

развивается в соответствии с библейским текстом, но счастливого воссоединения семьи не происходит:

«Мой путь далек от берегов жизни,	Min väg går bort ifrån lifvets stränder,
Ты спокоен в кругу своих друзей;	du sitter lugn i din krets af fränder;
Отец мой, наши пути	min fader: stigarna, som vi vandra,
Далеки, далеки друг от друга.	gå fjärran, fjärran ifrån hvarandra.
Твое приветливое жилище больше не	Ditt öppna hus är ej mer mitt hem.
мой дом.	Säg mor och syskon jag hälsar dem!
Передай привет матери, братьям и	
сестрам!	

(«Блудный сын» / Den förlorade sonen)¹¹⁸

Два стихотворения, размещенных в сборнике подряд, пронизаны общим настроением отчужденности от своего дома – своей родины. Лирический герой более не ощущает общности со своими соотечественниками.

Эти же чувства переживает лирический герой сборника «Увенчанный»: «я рожден быть безумцем... я хочу прокладывать прямой курс без помощников»¹¹⁹. Последние произведения писателя проникнуты минорным настроением, ощущение одиночества усиливала прогрессирующая глухота.

Образ Финляндии занимает центральное место в творчестве К.А. Тавастшерны и с течением времени приобретает все большее значение. В ранних стихотворениях писатель старается избегать употребления самого слова «родина», а впоследствии оно появляется в заголовке одного из романов. Особенности, отличавшими творчество К.А. Тавастшерны от других писателей эпохи конца XIX века, стало художественное изображение Финляндии как «потерянной родины», а также создание текстов в русле

¹¹⁸ Tavaststjerna K.A. Dikter. [Электронный ресурс]. S. 59. Режим доступа: <http://runeberg.org/katdikter/> (дата обращения: 06.10.2017).

¹¹⁹ Tavaststjerna K. A. Laureatus: Eropé i tretton sånger, jämte en samling efterlämnade lyriska dikter [Электронный ресурс]. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1897. S. 57. Режим доступа: <http://runeberg.org/katlaur/0053.html> (дата обращения: 29.09.2017).

реалистического направления. «Потерянная родина» в творчестве К.А. Тавастшерны – это Финляндия, в которой финляндские шведы стали национальным меньшинством, утратили безусловно привилегированное положение в обществе. На основе анализа вышеуказанных произведений К.А. Тавастшерны отметим особенности изображения Финляндии, характерные для его творчества:

Писатель открывает для финской литературы новый путь развития, отмежевываясь от романтической традиции. В прозаических и стихотворных произведениях он отражает прошлое, а также современную ему действительность, выборочно – злободневные вопросы. Раннее творчество характеризуется космополитическими мотивами. Отказ от воспевания национальной романтики уже является новаторством. К.А. Тавастшерна продолжает развивать сравнение Финляндии и Европы, освещать проблемы, назревшие в обществе.

Следуя примеру английского писателя-реалиста Ч. Диккенса, Тавастшерна выбирает для своего наиболее известного произведения жанр социального романа, однако видоизменяет его, переносит действие из города в сельскую местность, а в качестве главных героев выбирает крестьян и помещиков. Неизменной остается внутренняя сущность социального романа, поскольку автор обращается к проблеме утраты традиционных ценностей и появлению новой общественной морали. В романе «Тяжелые времена» К.А. Тавастшерна представил широкую панораму своих наблюдений, и это принесло ему известность на родине и за ее пределами. Конец века – время изменений социального характера, воздействующих на финское общество. Конфликты на почве сокращения сферы употребления шведского языка вместе с подъемом финского самосознания лишают некогда влиятельную часть общества неоспоримого преимущества. Зарождается новое поколение людей, носителей иного самосознания. С их появлением уходит привычный и знакомый жизненный уклад доиндустриальной Финляндии, его символическая «смерть» неразрывно связана с образом железной дороги,

представляющей будущее. Образ этот противоречив и содержит обещания грядущих положительных изменений для страны, но достигнуто это ценой огромных жертв. Внешние изменения, которые писатель чутко уловил и отразил в своих произведениях, соотносились и с его собственным мировоззрением и личными переживаниями.

Роман «Патриот без родины» – история об одиночестве финляндского шведа, ощущении изолированности от других людей. Благодаря литературной работе происходит духовное воссоединение фон Стевена со своими корнями, с семьей. В молодости фон Стевен сознательно уподоблял себя героям произведений М.Ю. Лермонтова, придавая своему одиночеству романтический оттенок, однако с возрастом желание бравировать «инаковостью» пропадает. Остается лишь попытка вернуть доброе имя и уважение соотечественников. В течение всех лет, проведенные на чужбине, фон Стевен остается верен своей идентичности и своей родине – Финляндии.

Большую художественную ценность в творчестве К. Тавастшерны содержат пейзажные зарисовки, которые точно и тонко характеризуют суровый нрав финского ландшафта. В романе «Тяжелые времена» природа олицетворяется и приобретает черты то враждебного, то равнодушного к жизни и проблемам людей персонажа. Тем самым делается акцент на положении финского провинциала: никому нет до него дела, никто не может и не хочет помочь ему. В «Патриоте без родины» пейзаж становится контрастным обрамлением: роскошь итальянской природы оттеняет тоску фон Стевена по Финляндии. Пейзажные зарисовки в поэтических сборниках Тавастшерны имеют особую функцию: подчеркивают одиночество и тревогу лирического героя.

Одиночество становится постоянной характеристикой персонажей К. Тавастшерны. Они не успевают за изменениями в жизни общества и становятся в нем ненужными. Поэтому в изоляции пребывают супруги фон Блум, господин фон Стевен и многие лирические герои

его стихотворений. Им нет места в Финляндии, поскольку в них еще живы романтические идеалы, ставшие ненужными.

Важное место в формировании общей картины потерянной для персонажей поэзии и прозы Тавастшерны занимает позиция самого автора. Несмотря на то, что в романах он попытался занять позицию бесстрастного наблюдателя, его личное отношение к социальным изменениям в обществе, так же, как и автобиографические события, занимают важное место в сюжете созданных им произведений. Мотив одиночества усиливается в поздних произведениях, которые, хоть и иносказательно, носят автобиографический характер. Для него самого Финляндия становится потерянной родиной, вдали от которой он находился во время долгих заграничных путешествий и которую он описал в стихах и прозе. Именно Финляндия и происходящие в ней события ложились в основу созданных им сюжетов, несмотря на их общий минорный лад.

Тем самым, мотив потерянной родины воплощается в творчестве К.А. Тавастшерны в различных аспектах: от появления дистанции с нею до осознания необратимых изменений, разительно меняющий когда-то знакомый облик Финляндии и обрекающих людей, хранящих в памяти ее прошлое, на одиночество.

Глава II. Образ Финляндии в творчестве Рунара Шильдта

2.1. Рунар Шильдт как представитель течения «дагдриваре»

XX век стал временем новых идей и тем в литературе Финляндии, как и в европейской литературе в целом. И.Ю. Вераксих среди основных тем в литературе первой половины XX века отмечает «тему войн и социально-политических катастроф; трагедию личности, стремящейся к свободной самореализации и подвергаемой насилию, ищущей справедливости и теряющей душевную гармонию; проблему веры и безверия; соотношение личного и коллективного, нравственности и политики, духовного и этического»¹²⁰.

Вторая глава диссертационного исследования посвящена восприятию образа родины в шведоязычной прозе начала XX века. История лирики, в том числе возникновение в литературе Финляндии модернизма, уже было ранее изучено многими исследователями: Э.Г. Карху, Е.Г. Сойни, А.И. Мишиным, Е.А. Дорофеевой, Ш. Мостер, Л. Каунонен и др. А.А. Мацевич, обращаясь к изучению скандинавской литературы начала XX века, выделяет двух писателей: Я. Сёдерберга и Б.Бергмана, которые тяготели к «строгому рационализму и социальному критицизму «восьмидесятников» и были певцами большого современного города, Стокгольма... В то же время они восприняли настроения пессимизма и скепсиса европейского *fin-de siècle*».¹²¹

Материалом для исследования шведоязычной прозы Финляндии начала XX века послужило творчество Рунара Шильдта. Особенность его творческого пути состоит в том, что Шильдт стал одним из наиболее признанных представителей направления «дагдриваре», но в то же время сумел выйти за его рамки, когда тематика разочарованной жизнью шведоязычной молодежи

---

¹²⁰ Зарубежная литература. XX век: курс лекций / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина"; [автор-составитель И. Ю. Вераксих]. Мозырь, 2010. 252 с. Библиография: с. 251—252 (14 назв.). Режим доступа: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/veraksich-hh-vek-kurs-lekcij/lekciya-1.htm> (дата обращения 14.04.2024).

¹²¹ Мацевич А.А. Шведская литература от 1880-х годов до конца XX века: Словарь-справочник. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 61.

себя исчерпала. В его творчестве нашлось место и для изображения трагических для страны событий: гражданской войны и связанных с этим изменения в общественной жизни страны.

Непосредственное исследование образа родины в творчестве Р. Шильдта представляется целесообразным предварить анализом специфики эстетики писателей-дагдриваре, как представителей своеобразного литературного направления.

Оригинальное шведское название появилось после выхода в свет одноименного романа Торстена Хельсингиуса (Torsten Gustaf Jakob Lorenz Helsingius, 1888-1967) «Dagdrivare» (1914 г.), хотя произведения других писателей, причисляемых к этой группе, публиковались и раньше. К ним относятся такие авторы, как Туре Янсон (Ture Janson, 1888-1954), Ричард Мальмберг (Richard Malmberg, известный под псевдонимом Густав Альм, 1877-1944), Хенрик Хильден (Henrik Hildén, 1884-1932), Хеннинг Сёдерхельм (Lars Henning Söderhjelm, 1885-1967) и другие. В шведоязычных источниках за ними закрепилось название «dagdrivare» («праздношатающиеся»), в англоязычных – «men about town»¹²². В отечественном литературоведении предпринимались попытки перевести это название на русский язык. В частности, в статье В. Таркиайнена «Очерк истории финляндской литературы XIX и XX вв.» (пер. О. Вальстрем) представители этого направления названы «праздношатающимися» или «фланёрами». Следует отметить, что это определение показалось автору статьи недостаточным, поэтому он счел необходимым добавить следующее: «В общем, это люди усталые или то, что называется blasées¹²³»¹²⁴. Э.Г. Карху также объединяет этих писателей названием «фланёры»¹²⁵. Однако употребление приведенных переводов кажется нам недостаточно точным. Вариант на английском языке «men about town» (употребляет К. Лайтинен) содержит себе новый оттенок

---

¹²² Ahokas J. A History of Finnish Literature. Bloomington: Indiana University Press. 1973. P. 398.

¹²³ Пресыщенные (фр.).

¹²⁴ Таркиайнен В. Очерк истории финляндской литературы XIX и XX вв. (пер. О. Вальстрем) // Сборник финляндской литературы 1917 г. под ред. В. Брюсова, М. Горького. Петроград: изд-во «Парус», 1917. С. 88.

¹²⁵ Карху Э. Г. История литературы Финляндии XX век. Л.: Наука, 1990. С. 32.

смысла, подчеркивает принадлежность таких людей к городской среде. В шведско-русском словаре Д.Э. Милановой для слова «dagdrivare» приведено значение «бездельник»¹²⁶. Этот перевод содержит негативную коннотацию и поэтому также не подходит для определения понятия. На наш взгляд, наиболее нейтральным по окраске является вариант «праздношатающиеся», которым мы и будем употреблять для перевода шведского «dagdrivare». Помимо перевода, сложность этого явления заключается в специфике смысловой наполненности, которой ее наделяли сами авторы и зарубежные критики.

Необходимо разделить понятия «дагдриваре» и «фланёр». Обратимся к определению второго явления: «фланёр – это человек, совершающий беспорядочные по схемам передвижения променады, моционы и прогулки в городском (или любом другом) пространстве с целью созерцания и наблюдения за тем, что или кто привлекает внимание, кажется интересным и занимательным»¹²⁷; «человек, гуляющий без дела, праздношатающийся»¹²⁸. Таким образом, нельзя не заметить сходства в европейской и финской реалиях, однако между ними есть принципиальное отличие.

Дагдриваре объединял мотив беспочвенничества, потери своей родины и места в своем окружении. В произведениях «праздношатающихся» персонажи осознают собственную ненужность в новых, изменившихся условиях, при том, что помнят, какое положение в обществе совсем недавно занимали их предшественники. Герои, созданные финляндскими авторами, испытывают тоску по активной, деятельной жизни, но не могут найти себе достойного применения. Поэтому сочетание мировоззрения фланёров и ощущения потери корней, родины в творчестве «дагдриваре» является специфическим явлением, оформившимся в уникальных социальных условиях Финляндии. Таким образом, у данной группы писателей позиция

---

¹²⁶ Миланова Д. Э. Большой шведско-русский словарь. М.: Живой язык, 2006. С. 95.

¹²⁷ Симбирцева Н. А. Фланер как интерпретатор текста культуры [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6959> (дата обращения: 30.08.2016).

¹²⁸ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Пресс, 2005. С. 1103.

пассивного сопротивления является характерной общей чертой, а сходства в мировоззрении определяют близость сюжетов и образов героев.

Всех их, по словам исследователя Массимо Чиараволо, объединяли «прозаическая форма, урбанистические мотивы и способ их толкования, а также глобальный взгляд на жизнь»¹²⁹. Торстен Петтерсон выделяет также следующие особенности: «главные герои – мужчины (за редким исключением), обычно 20-30 лет; буржуазия по происхождению, обладают светским взглядом на жизнь, выпустились из гимназии, возвращаются в так называемых образованных кругах, горожане. Действие часто происходит в городе, в основном в общественных местах, на улице, в театре, трактире и других увеселительных заведениях, даже если окружение деревенское, оно передано глазами городского жителя. Повествование, как правило, ведется в третьем лице; рассказчик скупко комментирует повествование и отказывается от пространных авторитетных оценок. Стиль ясный и сжатый»¹³⁰.

Современник писателей-дагдриваре, литературовед Вильо Таркиайнен, дает им весьма резкую характеристику: «Они – дети реакции. Они видели, как на их глазах гибли идеалы, рушились политические и культурные иллюзии, росла жажда наслаждений и равнодушие к общественной жизни. Таким образом, из них вышли праздные созерцатели, взирающие сквозь призму иронии и скептицизма, довольствуясь только интересами текущего дня и мелкими наслаждениями, предлагаемыми жизнью. Все они – дети столицы. Они ищут себе сюжетов охотнее всего на улицах Гельсингфорса, в кафе и ресторанах, а также в тех случайных путешествиях, которые совершают в благоустроенные барские имения средней Финляндии, в нюландские шхеры или иногда в Париж. И они рассказывают о своих впечатлениях и наблюдениях в небольших, полных импрессионизма стихотворениях,

---

¹²⁹ Ciaravolo M. Dagdrivare och Runar Schildt // Finlands svenska litteraturhistoria. D. 2, 1900-talet / red. av Michel Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2000. S. 47.

¹³⁰ Pettersson Torsten Det svårtgripbara livet & Ett förbisett tema i dagdrivarlitteraturen // Från dagdrivare till feminister. Studier i finlandssvensk 1900-litteratur / red. av Sven Linner. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1986. S. 9.

в новеллах, которые порой растягиваются в порядочный роман, где вылощенная форма прикрывает собой довольно слабое содержание»¹³¹. Тем не менее, даже он признает, что в этой среде творили несколько талантливых писателей, произведения которых все же обладают художественной ценностью: Т. Хельсингиус, Г. Альм, Р. Шильдт, Г. Хильден, Т. Янсон.

Финский исследователь Кай Лайтинен отмечает, что творческий путь писателей-дагдриваре наглядно демонстрирует разницу между шведской и финской литературой того времени. Их «элегантная и устало-циничная городская проза» развивалась параллельно с тем, как в литературе на финском языке наметился отход от «неоромантизма, окрашенного символизмом, в сторону нового вида самокритичного реализма»¹³².

Как уже отмечалось выше, к числу дагдриваре причисляли довольно большое количество авторов разной степени творческой одаренности, однако признанным классиком, наиболее совершенно раскрывшим духовные искания финско-шведской молодежи начала XX века, был именно Рунар Шильдт (Runar Schildt, 1888-1925). В то же время достоинством новеллистики Р. Шильдта признается «полифонизм», поскольку «мы слышим много голосов и встречаем разные точки зрения, в отличие от типичного романа этого направления, где молодой герой или антигерой постоянно занят поиском самого себя»¹³³. Таким образом, талант Рунара Шильдта, заслуживший признание читателей, критиков и литературоведов становится основанием выбора именно этого писателя для среди представителей направления «дагдриваре», а также среди прозаиков начала XX века для описания особенностей его восприятия Финляндии. Обратимся к началу его творческого пути. Образование Р. Шильдт получил в Хельсингском университете

---

¹³¹ Таркийнен В. Таркийнен В. Очерк истории финляндской литературы XIX и XX вв. (пер. О. Вальстрем) // Сборник финляндской литературы 1917 г. под ред. В. Брюсова, М. Горького. Петроград: изд-во «Парус», 1917. С. 88.

¹³² Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki: Otava. 1981. S. 331

¹³³ Ciaravolo M. Dagdrivare och Runar Schildt // Finlands svenska litteraturhistoria. D. 2, 1900-talet / red. av Michel Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2000. S. 102.

и работал в университетской библиотеке, режиссером в Шведском театре, в издательстве «Хольгер Шидльдтс» (Holger Schildts förlag). Таким образом, деятельность его была весьма разнообразной, но в то же время неразрывно связанной со словом. В своем творчестве Р. Шильдт неоднократно предпринимал попытки изобразить окружающую его действительность. На восприятие писателем своей родины оказали влияние и объективные события, имевшие место в Финляндии, и художественно переосмысленный опыт самого автора. Новеллистика Р. Шильдта отличается стремлением правдиво изобразить движения души создаваемых им персонажей. Внутреннее состояние каждого из его героев отражает атмосферу и дух времени, и изучение эволюции их ценностей и идеалов позволяет составить картину рецепции Финляндии самим Р. Шильдтом. В ранних его произведениях читатель узнает поколение молодых финляндских шведов начала XX века.

Дебютный сборник из шести новелл «Все побеждающий Эрос» (Den segrande Eros) вышел в свет в 1912 г., в нем нашли отражение пессимистические сюжеты, типичные для писателей-дагдриваре. В каждой из новелл Р. Шильдт представляет читателям образы современных ему молодых людей. В заключительной новелле сборника – «К сумеркам» (Mot skymningen) – отчетливее всего изображены сожаления о необратимых изменениях в жизни финляндских шведов. Перед двоюродными братьями, представителями молодого поколения, простираются два возможных жизненных пути. Главный герой – Биргер Вейдел – оказывается перед непростым выбором, поскольку в день своего совершеннолетия узнает: его родовое поместье Нумлакс находится в бедственном положении. Молодой человек, привыкший к путешествиям и развлечениям, будет вынужден отказаться от привычного времяпрепровождения и жить в весьма стесненных обстоятельствах, чтобы сохранить имение. В противном случае его придется продать. Двоюродный брат Биргера, Микаэль, изображен типичным представителем «праздношатающихся», однако напускная веселость

и бравада не заполняют внутреннюю пустоту, от которой он пытается сбежать, заявляя: «Я не могу дышать! Сам воздух здесь тяжел от воспоминаний. Завтра я уезжаю, я хочу услышать родную песню: стук поршней и грохот вагонов»¹³⁴ (Jag kan inte andas, själfva luften är tung af minnen. I morgon reser jag, jag längtar at få höra min fosterländska sång: pistongernas dunk och vaggongernas rassel). Кажется, что и Биргер изберет похожую судьбу. Тем более неожиданным оказывается его решение: несмотря ни на что сохранить свое родовое гнездо, отказавшись от перспектив свободы и обеспеченности. Именно этот выбор дает главному герою возможность преодолеть ощущение бессмысленности жизни: «Пролог окончен, занавес поднят для большой пьесы, но он сам больше не будет сидящим равнодушным зрителем, он смешает свой род с другими, будет так же страдать, радоваться, сражаться за цель, может быть, безнадежно, но всё же!» (Nu var prologen förbi, ridån gick upp för det stora skådespelet, men han själf skulle icke längre sitta som likgiltig åskådare, han skulle blanda sin stämman med de andras, lida som de, jubla som de, kämpa för ett mål – hopplöst måhända, men ändå!)¹³⁵ Ценность новеллы заключается в разностороннем освещении проблемы утраты финскими шведами бывшего положения.

Помимо молодых героев и их видения ситуации Р. Шильдт вводит в сюжет второстепенных героев старшего поколения, которые лучше помнят былое и острее ощущают перемены. Приехавший в поместье гость, граф фон Клаас, в разговоре со своей ровесницей сетует: «Все было довольно хорошо... И скоро все закончится» (Det var ganska godt... Och snart är alltsamman förbi)¹³⁶. Разница между отцами и детьми в новелле показана не только через действующие лица. Пессимизм и пассивность молодежи оттеняет рассказ-отступление автора о славном прошлом их предков, получивших в свое распоряжение поместье за деяния на военном поприще. Их история полна

---

¹³⁴ Schildt R. Schildt R. Den segrande Eros och andra berättelser [Электронный ресурс]. Helsingfors: Söderström & S:o Förlagsaktiebolag, 1912. S. 290. Режим доступа: <http://runeberg.org/sreeros/> (дата обращения: 05.02.2017).

¹³⁵ Ibid., S. 292.

¹³⁶ Ibid., S. 289.

славных дел, которые так любил представлять себе молодой Биргер. Тем ярче на этом фоне ощущается ненужность молодежи. Дядя, граф Вейдел выговаривает Микаэлю: «Ты явно считаешь, что твой отец сделал достаточно для двух поколений» (Du anser påtagligen, att din far har gjort nog för två generationer)¹³⁷.

Масштаб происходящих изменений Р. Шильдт иллюстрирует не только в основной сюжетной линии новеллы, но и в, казалось бы, совершенно невинном описании светского разговора, в который неожиданно вклинивается реплика о последнем шведском дворе во всем приходе. Воплощением образа новых хозяев Финляндии становится неуклюжий и несуразный домашний учитель – господин Янхунен.

Рассматривая сюжет и мотивы данной новеллы, нельзя не провести параллель с пьесой А.П. Чехова «Вишневый сад». Родовое гнездо Любви Андреевны Раневской и ее брата, являясь в пьесе символом дворянской России, попадает в руки к Лопахину, представляющему иное поколение людей. Так и финское поместье Нумлакс, которое дорого его настоящим владельцам как наследие их славного рода, для потенциальных покупателей представляет интерес как показатель уровня их состоятельности. Сходство заметно и в выборе действующих лиц. В обоих произведениях читатель встречает образ старого слуги: Фирса, забытого в поместье после отъезда господ, и Эстмана, доверенного лица Вейделов, которого не слушают и не ценят ни гости имения, ни молодые работники. Исследование наличия влияния прозы А.П. Чехова на Р. Шильдта находится за пределами тематики данной диссертации, однако можно говорить о типологическом родстве произведений, в которых дана картина смены поколений в общем историческом контексте.

В новелле «К сумеркам» Рунар Шильдт, следуя традициям писателей-«дагдриваре», заострил свое внимание на проблеме ощущения ненужности

---

¹³⁷ Schildt R. Den segrande Eros och andra berättelser [Электронный ресурс]. Helsingfors: Söderström & S:o Förlagsaktiebolag, 1912. S.242 Режим доступа: <http://runeberg.org/sreros/> (дата обращения: 05.02.2017).

финских шведов в финноязычной среде. Старшее поколение пытается жить в рамках привычного уклада, а их дети ищут себя и новое место на своей родине. Удастся это лишь Биргеру, который, задумавшись о будущем, обретает вектор развития в грядущей тяжелой работе по спасению наследия предков.

Подобные коллизии читатель встречает на страницах других новелл сборника: «Все побеждающий Эрос» (Den segrande Eros), «Божество прекрасного мгновения» (Det gynnsamma ögonblickets gud), «Ахиллесова пята» (Akilleshälen), «Новая жизнь» (Ett nytt lif), «Ракета» (Raketten). В каждой из них перед читателем разворачивается галерея образов людей, по-разному растрачивающих мгновения жизни. Молодые люди, находящие смысл бытия в любви, теряют его, разочаровываясь в предметах своей страсти. Так, герои первых двух новелл, вдохновившись вспыхнувшими чувствами, видят себя на пути к счастью, однако в скором времени остаются в одиночестве перед лицом «изменчивой жизни»¹³⁸. В новеллах «Ахиллесова пята» и «Ракета» внимание автора сосредоточено на женских образах, которых он наделяет большей душевной силой, чем персонажей-мужчин. Спутники героинь представляют собой типичных «праздношатающихся», тогда как девушки находят в себе внутреннюю силу, чтобы преодолеть встречающиеся на их пути препятствия. В сборнике присутствуют персонажи, появляющиеся в нескольких новеллах. Два их них – Биргер и Микаэль Вейдел – станут ключевыми фигурами в заключительном произведении сборника, а еще один – Оке Хольм – выступает примером того, как появившееся было желание изменить свою судьбу так ни к чему и не приводит (новелла «Новая жизнь»). После долгих и эмоциональных рассуждений о грядущих переменах молодой человек отправляется домой «старой, обычной дорогой» (Så gick han den gamla, vanliga vägen hem)¹³⁹.

---

¹³⁸ Schildt R. Den segrande Eros och andra berättelser [Электронный ресурс]. Helsingfors: Söderström & C:o Förlagsaktiebolag, 1912. S. 141. Режим доступа: <http://runeberg.org/sreras/> (дата обращения: 05.02.2017).

¹³⁹ Ibid. S. 206.

Особенностью творчества Рунара Шильдта, выделяющей его среди других писателей, стала пластичность и чуткость к смене общественного настроения. Как отмечает Массимо Чиараволо, к 1915 г. образ «дагдриваре» появился в произведениях многочисленных эпигонов, превратившись в клише, и Р. Шильдт обратился к новым мотивам. По словам исследователя, интерес писателя шире многих границ: «между высшим и низшим классом, городом и деревней, шведским и финским, между гендерами»¹⁴⁰. При этом современники отмечали психологизм Шильдта, высокий художественный уровень произведений и мастерство владения языком, в то время как изображенных героев называли «однообразными, скучными и пассивными»¹⁴¹. После того, как образ финского «праздношатающегося» стал неактуальным, писатель продолжил творческий поиск.

2.2. Новеллы Р. Шильдта как срез современного общества: ирония и судьба «дагдриваре»

Как мы отметили ранее, помимо Р. Шильдта, к тематике «дагдриваре» обращались и другие финские писатели начала XX века. В данном параграфе проведем параллель произведений Р. Шильдта с еще одним представителем шведоязычных писателей Финляндии начала XX века, что позволит полнее раскрыть особенности художественного осмысления образа родины в указанный период. Туре Янсон (Ture Janson, 1886-1954), писатель и журналист, начал свой творческий путь в Финляндии, а впоследствии переехал в Швецию. Связь со Швецией была в его случае более чем тесной: отец был родом с Аландских островов, а мать – из Швеции. Вследствие этого он особенно остро ощущал необходимость защищать шведский язык в Финляндии.

---

¹⁴⁰ Ciaravolo M. Dagdrivare och Runar Schildt // Finlands svenska litteraturhistoria. D. 2, 1900-talet / red. av Michel Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2000. S. 102.

¹⁴¹ Holmström R. Traditionalister och modernister – linjer i finlandssvensk litteratur-kritik på tio- och tjugotalet / R. Holmström // Från dagdrivare till feminister. Studier i finlandssvensk 1900-litteratur / red. av Sven Linner. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1986. S. 127.

Т. Янсон дебютировал практически в одно время с Р. Шильдтом. В 1911 году вышел его роман «Не близкие» (*Inga medmänniskor*), сам автор определил его жанр в подзаголовке «Отрывочное повествование». Следуя тенденциям урбанистической прозы, характерной для дагдриваре, Т. Янсон выбирает местом действия Хельсинки, и строит повествование вокруг фигуры главного героя – представителя шведской части финского общества. Само название произведения является программным и мысль о «чуждости», «инаковости» становится лейтмотивом сюжета.

О «чуждости» главного героя читатель узнает уже с первых страниц произведения, когда подросток Гуннар Хольминг впервые приходит в новую школу. Как и писатель, он переехал в столицу Финляндии из Або, и в новой школе он «вступит в общество чужих» (*träda in in en krets af främmande*)¹⁴².

Одиночество, которое испытывает мальчик, впервые попавший в новую школу и оставшийся без товарищей, зеркально отображается на протяжении всего романа. Обратимся к этому позже.

Отличительная черта, характерная для Т. Янсона – внимание к сохранению шведского языка и шведской культуры. Впервые о важности самоопределения себя как финна читатель узнает во время описания одного из уроков, когда учитель, застав ученика за чтением Ф. Ницше и Г. Фрёдинга, восклицает «если и читать что-то, то читать нужно Рунеберга» (*ska du läsa något, så ska du läsa Runeberg*)¹⁴³. Школьный товарищ предупреждает Гуннара об опасности школы, в которой родной язык изучается по остаточному принципу, всего пару часов в неделю. Автобиографично и стремление главного героя произведения к поездкам в Швецию. Сам Т. Янсон переехал в Стокгольм спустя много лет после публикации романа, в 1929 году. Главный герой делится своими впечатлениями: «Стокгольм манил, как сказка» (*Stockholm lockade som en saga*)¹⁴⁴. Но Гуннар чувствует себя в Швеции

---

¹⁴² Janson T. *Inga medmänniskor*. Åbo: Åbo tryckeri och tidnings aktiebolag. 1911. S. 7.

¹⁴³ *Ibid.*, S. 17.

¹⁴⁴ *Ibid.*, S. 73.

туристом, «несмотря на все умозрительное противопоставление, в глубинах сердца просыпалось тихое стремление к родине, стремление к родной стране, узкому побережью вокруг Финляндии» (*trots allt teoretiserande motstånd vaknade i hjärtats gömmor en stilla fosterlandslängtan, det smala kustbandet kring Finland*)¹⁴⁵. Тем самым, Т. Янсон вновь подчеркивает важность пребывания именно у себя на родине, причем родина для его героя – это не вся страна в целом, а та малая часть, откуда он родом, где говорят на том же языке. Однако и в принадлежности к шведской части населения кроется трагедия героя. Несмотря на имеющийся у него обширный круг общения, Гуннар ощущает свою чуждость в родной стране, о чем беседует со своим товарищем, который собирается эмигрировать из Финляндии во Францию: «Что за несчастье было внутри, почему они не могли здесь, дома, чувствовать себя как дома?» (*Hvilken var då olyckan innerst, och hvarför kunde de icke känna sig hemma är hemma?*)¹⁴⁶ Об этом же читаем и далее: «...они были чужими в стране; выезжая за пределы столицы хоть немного в сторону сельской местности, они чувствовали, словно приехали в чужую страну, даже если знали язык, и так же их воспринимали со стороны» (*färdades de bort från hufvudstaden, ett stycke in i bygderna kände de sig som resande i främmande land, om de också kunde språket, och som sådana betraktades de*)¹⁴⁷. Таким образом, ощущение чуждости в пределах родины рождается в том числе и вследствие языковых различий.

Т. Янсон, как и Р. Шильдт, рассуждает об одиночестве молодого финна, ищущего применения своим силам, но если Р. Шильдт в своих новеллах обратился к противопоставлению поколений, то Т. Янсон изобразил трагедию молодых финляндских шведов на примере жизненного пути одного человека. Автор прослеживает путь развития своего героя от его школьных лет до зрелости, как и сам Т. Янсон, Гуннар становится журналистом. Начало его взросления – время больших надежд на изменения в стране, именно для того,

---

¹⁴⁵ Janson T. Inga medmänniskor. Åbo: Åbo tryckeri och tidnings aktiebolag. 1911. S. 73.

¹⁴⁶ Ibid., S. 110.

¹⁴⁷ Ibid., S.110.

чтобы привнести в жизнь общества новые идеи, чтобы принести соотечественникам пользу, он вступает в кружок социалистов, но и в нем оказывается в меньшинстве.

Гуннар читает европейскую литературу об устройстве и переустройстве государства, о необходимости реформ, и размышляет о том, как переложить прочитанное на финскую почву. В поисках аудитории он обращается к своему школьному другу, который организовал журнал под названием «Шлараффенланд»¹⁴⁸ (Schlaraffenland). Наивысшим пунктом политической карьеры Гуннара становится статья, в которой он размышляет о необходимости объединения шведоязычных рабочих для защиты своих прав, в том числе и в языковом вопросе. Поначалу молодой человек воодушевлен успехом своей работы, но со временем понимает, что несмотря на большое количество публикаций, никаких действий по реализации декларируемых идей не предпринимается: «У него была потребность реализовывать себя, идти дальше, использовать новые методы, более подходящие к современным условиям, привносить новые предложения после всего негативного. Он находил смешным, что многие молодые люди из «Шлараффенланд» постоянно, неделя за неделей развлекались этой критикой, которая превращалась в спорт и более не содержала требования справедливости» (Han hade nu ett behof att utveckla sig och gå vidare, att använda nya, efter förhållandena mer anpassade metoder, att göra positiva, klara förslag efter allt nedrivvand. Han fann det löjligt att några unga herrar i Schlaraffenland alltjämt, vecka ut och vecka in, skulle förströ sig med denna kritik, som efterhand gick öfver i sport och förlorade rättfärdighetskrafvet ur sikte)¹⁴⁹.

Поиск единомышленников продолжился, однако все большее разочарование настигает Гуннара. Чем старше он становится, тем яснее понимает, что у него не получится повлиять на умы соотечественников. Главным препятствием к проведению реформ он видит разобщенность

---

¹⁴⁸ Вымышленная страна изобилия и праздности

¹⁴⁹ Janson T. Inga medmänniskor. Åbo: Åbo tryckeri och tidnings aktiebolag. 1911. S. 83.

шведского населения Финляндии. Слишком велик разрыв между господами, живущими в Хельсинки, и крестьянами, населяющими острова и побережье. Услышанными хотят быть и одни, и другие, но голос их затихает, не обретая стройности: «никакого взаимодействия, никакой борьбы, никаких дебатов, никаких попыток к достижению взаимодействия между кликами. Только смерть, все побеждающее равнодушие в мыслях. Черная масса финнов наступала, грозила отбросить последних шведских земледельцев в море, в шхеры, в города или в Америку... Время весеннего пробуждения Топелиуса и Рунеберга и шведской Финляндии забыто, мужественное начало Тавастшерны и Нейглика никто не продолжил. Все шведские голоса в стране молчали» (Ingen samverkan, ingen strid, intet försök till förståelse utöfver kottierna. Det var döden, den allt besegrande tankeliktigheten. Och finnarnas svarta massa trängde på och hotade kasta de sista jordbrukande svenskarna i hafvet, längre ut på skären, till städer eller Amerika... Topelius' och Runebergs vackra vårbrytningstid i svenska Finland var glömd och Tvaststjernas och Neiglicks manliga början var det ingen som fortsatte. Alla svenska stämmor tego i landet)¹⁵⁰.

Отметим, что в ходе размышлений о судьбе финляндских шведов Т. Янсон не случайно упоминает Соединенные Штаты Америки. Рассуждения о потере своего места в пределах страны подкрепляются историческими фактами, поскольку именно на 1870-1920 годы пришелся пик миграции из стран Северной Европы, в том числе и Финляндии, в Америку в поисках лучшей жизни¹⁵¹.

Т. Янсон не приводит читателя к счастливому финалу. Ни один из героев романа не находит счастья в жизни. Кто-то эмигрирует в Европу, кто-то прожигает жизнь, не задумываясь о реализации идей юности, а сам главный герой избирает профессию журналиста, который пишет о несущественных бытовых происшествиях. Дело его жизни – будить умы соотечественников –

---

¹⁵⁰ Janson T. Inga medmänniskor. Åbo: Åbo tryckeri och tidnings aktiebolag. 1911. S.111–112.

¹⁵¹ См. Морозова И.В. Финно-американская идентичность и стратегии ее определения в современной финно-американской литературе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. №4. С. 642-653.

кончается плачевно: «Теперь, когда он чувствовал себя взрослым, собрав опыт и имея способность мыслить, он стоял с пустыми руками, без применения для своей энергии и своего желания. Для него не было никакого задания, нечего было предпринять, не к чему было присоединиться: ни к левым, ни к правым» (och nu, när han började känna sig vuxen, med samlade erfarenheter och pröfvad tankeförmåga, nu stod han med toma händer utan användning för sin energi och sin längtan. Det fanns ingen uppgift för honom, där var ingenting att företa, ingen anslutning att göra, vare sig till vänster eller höger)¹⁵². Типичное для течения дагдриваре ощущение собственной ненужности в полной мере раскрывается в произведении Т. Янсона, как и в новеллах Р. Шильдта. Несомненные параллели в творчестве обоих писателей говорят о воплощении общего мироощущения на разном художественном материале. Т. Янсон в своем творчестве более чем серьезен, тогда как Р. Шильдт повествует о недостатках в родной стране в том числе и сатирически.

В 1915 году Р. Шильдт выпустил сборник «Асмодей и тринадцать душ, а также еще три новеллы» (Asmodeus och de tretton själar samt tre noveller). Особенный интерес представляет первая новелла, давшая название сборнику. В ней Шильдт, проявляя свое чувство юмора, рисует карикатуру на современное ему общество. Главный персонаж этой новеллы – один из демонов, занимающий в аду весьма почетный пост. Он заключает пари: Асмодей утверждает, будто работа по сбору душ в Финляндии ведется плохо и в подтверждение этого заявляет, что сможет за три дня заполучить тринадцать душ. Играя на слабостях людей, он действительно выполняет условия спора. Перед нами предстает галерея портретов современников Шильдта: от кухарки до придворного советника. К каждому Асмодей находит свой подход, у каждого есть слабость, за исполнение желания люди готовы расплатиться бессмертной душой, заключив с демоном контракт. Все созданные Шильдтом персонажи мнят себя людьми исключительными.

---

¹⁵² Janson T. Inga medmänniskor. Åbo: Åbo tryckeri och tidnings aktiebolag. 1911. S. 120.

Сами себе они кажутся исполненными всяческих добродетелей, но на деле ни один из них не получает авторского снисхождения. На страницах новеллы читатель встречает и продажного адвоката, накопившего крупные долги, и священника, который не верит в дьявола, и политических деятелей, которые на самом деле лишь интригуют и шпионят друг за другом, строят мелкие козни. Даже молодая девушка, которую Асмодей соблазняет, охарактеризована следующим образом: «Ее чувства представляли собой цитату» (Hennes känslor voro citat)¹⁵³.

На протяжении всей новеллы Шильдт последовательно развенчивает традиционные представления о финнах как о богобоязненной нации. Друг Асмодея, Азиэль, при заключении пари утверждает, что попытки заполучить души людей сталкиваются с препятствиями: «широкое распространение лютеранского суеверия, неприязнительность населения и его малочисленность в городах» (den luterska vidskepelsens stora utbredning, landtbefolkningens enkla lefnadsvanor och den totala frånvaron af storstäder)¹⁵⁴. Однако Асмодею не пришлось обходить эти трудности. В Финляндии почти никто не верит в дьявола, каждый старается показать себя человеком современным, свободным от предрассудков и суеверий. Именно поэтому никто не боится подписывать контракт с Асмодеем. Восприятие финнами самих себя как добропорядочных христиан развенчивается. По утверждению самого Асмодея «в сущности, всех вас можно купить, различается лишь сумма и способ приобретения» (I grund och botten är ni alla till salu, det är bara summan och sättet som behövde varieras)¹⁵⁵. Таким образом, в очередной раз мы наблюдаем изменение восприятия финского народа шведоязычным писателем: никакой романтизации, только критика.

Особый интерес представляет формирование Р. Шильдтом своего мира Хельсинки, ведь в его новеллах о молодых дагдриваре система персонажей

---

¹⁵³ Schildt R. Asmodeus och de tretton själar samt tre noveller [Электронный ресурс]. 1915. S. 92. Режим доступа: <http://runeberg.org/srasmodeus/> (дата обращения: 05.02.2017).

¹⁵⁴ Ibid., S. 17.

¹⁵⁵ Ibid., S. 68.

является сквозной. В новелле «Асмодей и тринадцать душ» эти герои встречаются вновь. В частности, адвокату Густаву Эйтцингу была посвящена новелла «Ахиллесова пята» (Akilleshälen, сборник «Все побеждающий Эрос»), а также упоминается Микаэль Вейдел (новелла «К сумеркам»). Населяя свой Хельсинки системой связанных друг с другом героев, автор действует в традиции финско-шведских романистов, для которых было характерно ощущение изолированности от остальной части общества и остального мира.

Усиливая юмористический характер новеллы, Шильдт часто отсылает читателя к другим литературным произведениям. В частности, он упоминает Шиллера, Шекспира, а также Гоголя и его Чичикова, с которым Асмодей себя сравнивает. Также Шильдт свободно пересказывает сюжет из книги Товита об Асмодее и Сарре. Даже это повествование в новелле приобретает смеховое значение, поскольку рассказано с позиции Асмодее. В новелле часто подчеркивается сходство ада и земной жизни: тот же распорядок жизни, те же бюрократические процедуры, те же взаимоотношения. Под маской иронии и смеха Шильдт критикует современное общество, не создавая героя, который смог бы противостоять искушению демона. Лишь Асмодей имеет в своей деятельности четкую цель и последовательно добивается ее исполнения. Герои из мира людей заняты повседневными хлопотами и не стремятся изменять свой образ жизни. Тем самым, образы людей из новеллы «Асмодей и тринадцать душ» внешне схожи с созданными ранее образами молодых «праздношатающихся»: цели в жизни у них нет, однако дагдриваре тяготятся этим, а герои вышеуказанной новеллы – нет. Важно отметить, что новелла «Асмодей и тринадцать душ» не соответствует тематике «дагдриваре», но ее содержание является отражением жизни в Финляндии в осмыслении Р. Шильдта.

В дальнейшем творчестве писатель отказывается от тематики «дагдриваре». В этом смысле показательной является новелла «Под камнем» (Under stenen) из сборника «Пердита и другие новеллы» (Perdita och andra noveller), 1918 г. В этом произведении в центре внимания автор в некотором

смысле прощается с закончившимся этапом в своем творчестве, поскольку читатель узнает о судьбе повзрослевшего «праздношатающегося», который в молодости был известным прожигателем жизни, страстным путешественником. Годы странствий истощили его финансовые запасы, и ему пришлось вернуться в Финляндию. Рассказчик с удивлением обнаруживает главного героя, Карла Хенрика, на железнодорожной станции, где он смешивается с толпой прибывающих и отправляющихся, с аппетитом обедает, увлеченно беседует с людьми, быстро забегает в поезд и сходит с него. Дело в том, что Карл Хенрик никуда не едет. Он каждый день приходит на станцию, чтобы вновь почувствовать дух странствий. Рассказчик сравнивает бывшего путешественника с травой, растущей под камнем, которая даже под огромной тяжестью «продолжала выпускать ростки, жить и расти сообразно своей природе» (det fortfar att sjuta blad, att lefva och verka efter sin art)¹⁵⁶. Разница с ранними новеллами Шильдта в том, что молодые люди из новелл сборника «Все побеждающий Эрос» – заложники ситуации, в которой оказались, но у них впереди вся жизнь, и как сложится их судьба – неизвестно. Повествователь, раскрывая перед читателями жизнь Оке Хольма, Биргера Вейдела, Микаэля Вейдела, показывает их настоящее, в котором они должны выбрать свой путь. Карл Хенрик – человек взрослый, и теперь мы видим, к чему приводит бесцельное существование. Погоня за новыми впечатлениями и удовольствиями не может продолжаться вечно, и в итоге Карл Хенрик становится забавным чудаком. Рассказчик же, понимая грусть своего знакомого, возвращается к себе домой, где у него есть дело, которым он наполняет свою жизнь: «...пытаюсь выстроить свою жизнь, сообразуясь со стремлениями моего существа, насколько мне это позволяют мои слабые руки» (söker forma mitt lif efter mitt väsen bud så långt mina svaga händer förmå)¹⁵⁷.

---

¹⁵⁶ Schildt R. *Perdita och andra noveller* [Электронный ресурс]. Helsingfors: Holger Schildts Förlag, 1918. S. 156. Режим доступа: <http://runeberg.org/srperdita/> (дата обращения: 05.02.2017).

¹⁵⁷ Ibid. S. 156.

В этой новелле, как и во многих произведениях Шильдта, ведущая роль отведена мотиву одиночества. Позврослев, знакомый повествователя так и не нашел своего места в жизни. Герой пытается закрыть брешь в душе, подпитывая иллюзию о былом времени. Тем не менее, человеческая природа, как и трава под камнем, не погибает даже под весом тяжелых обстоятельств. Тяга к единственному источнику счастья слишком велика. Поэтому Карл Хенрик и продолжает свои ежедневные чудачества, ведь это способ преодолеть внутреннюю пустоту, вновь почувствовать единение с такими же, как он, путешественниками. В остальное время он находится в одиночестве. Это состояние характерно не только для героя новеллы, но и для самого повествователя: «Скорый поезд увез меня в город, где я тихо живу среди тысяч других людей» (*tog mig med sig till staden, där jag lefver i stillhet bland hundratusen andra*)¹⁵⁸. Мотив одиночества в этой новелле впервые охватывает не только героя, но и самого повествователя, расширяя границы анализируемых им явлений.

Рунар Шильдт, как и другие представители течения «дагдриваре», создает образы людей, оказавшихся в одиночестве по разным причинам. В новеллах из ранних сборников молодые люди ищут ответ на вопрос о смысле жизни и о месте в этом мире, который стал для них чужим. Еще их отцы, являясь частью шведоговорящей элиты общества, находят себе применение в пределах своей страны, чувствуют, что могут быть для нее полезны. Младшее поколение, о судьбе которого размышляет Рунар Шильдт, сталкивается с новыми обстоятельствами и часто ищет утешения в развлечениях или путешествиях, но настоящего смысла в жизни не находят.

Однако анализ особенностей изображения Шильдтом Финляндии был бы неполным без упоминания еще об одном периоде его творчества. Особое место в новеллистике автора занимает изображение гражданской войны.

---

¹⁵⁸ Schildt R. *Perdita och andra noveller* [Электронный ресурс]. Helsingfors: Holger Schildts Förlag, 1918. S. 156. Режим доступа: <http://runeberg.org/srperdita/> (дата обращения: 05.02.2017).

2.3. Изображение гражданской войны и мотив одиночества в новеллах Р. Шильдта

Р. Шильдт был в числе первых финских писателей, откликнувшихся на драматические события в истории страны. В частности, помимо него свои произведения по данной тематике публиковали Арвид Мёрне (1918 г., сборник «Поражения и победы Финляндии в годы борьбы» / *Offer och segrar från Finlands kampår*), Юхани Ахо (1918-1919, дневниковые записи, которые получили название «Отрывочные размышления за недели восстания» / *Hajamietteitä karinaviikoilta*), Франс Эмиль Силланпяя (1919 г., роман «Праведная бедность» / *Hurskas kurjuus*), Сигрид Бакман (1919 г., роман «Аландская дева» / *Ålandsjungfrun*) и т.д. События 1918 г., несомненно, сыграли важную роль в жизни страны, однако их восприятие у разных категорий населения имело отличия. Это выразилось в том числе и в тех обозначениях, которыми характеризуют эту войну финны. Историки О. Юссила, С. Хентия и Ю. Невакиви приводят следующие варианты: освободительная война, революция, классовая война, мятеж, гражданская война, междоусобная война. Они отмечают, что термин «гражданская война» имел наибольшее распространение в 1960-х, однако наиболее нейтральным, по их мнению, является обозначение «междоусобная война»¹⁵⁹. В данном исследовании мы будем придерживаться традиции, сложившейся в отечественной историографии и литературоведении, и события 1918 г. будем обозначать как «гражданскую войну»¹⁶⁰.

Рунар Шильдт не принимал активного участия в военных действиях (27 января — 16 мая 1918 г.). Однако он жил в занятом «красными» Хельсинки

---

¹⁵⁹ Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009 / Предисл. Ю. С. Дерябина. М.: Изд-во «Весь мир», 2010. С. 140–143.

¹⁶⁰ См., напр., Лобанова Д. Р. Особенности современного изучения гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы № 17-2, 2016, с. 139–146, Мусаев В. И. «В чужом пиру похмелье»: гражданская война, послевоенный террор в Финляндии и русское население в 1918 г. // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX вв. Материалы международного коллоквиума 2014 г., с. 485–497, Ответственный редактор: МИХАЙЛОВ Н.В., ПЛАМПЕР Я. Санкт-Петербургский институт истории РАН 572 с., Мостер Ш. Финская литература сегодня // Иностранная литература 2009, № 9 и др.

(январь – 13 апреля 1918 г.) и, по утверждению исследователя Томаса Варбуртона, «то, что он видел и слышал с красной и белой сторон, глубоко волновало его и подавляло еще долгое время спустя»¹⁶¹. Попыткой переработать и осмыслить произошедшее стал сборник «Возвращение домой» (Hemkomsten och andra noveller, 1919). Он состоит из четырех новелл, в каждой из которых тема гражданской войны приобретает новое звучание. Именно в этом сборнике акцент в изображении Финляндии смещается. От противопоставления поколения отцов и детей, от изображения противоречий между финским и шведским населением Финляндии Р. Шильдт переходит к темам, имеющим общенациональное значение.

Каждая из четырех новелл сборника концентрирует внимание на отдельных личностях. Гражданская война в изображении Шильдта – это история конкретной личности, в его персонажах нет героических, сверхчеловеческих черт. Фокус внимания смещается с внешних обстоятельств на внутренние. Шильдт пытается описать движения души своих героев, их внутреннее состояние и изменения, происходящие в сознании. Новеллы следуют друг за другом хронологическом порядке: первая повествует о предпосылках наступления, подготовке и начале противостояния, вторая – о Хельсинки во власти «красных», третья – об освобожденном Хельсинки, последняя – о послевоенных событиях.

Первая новелла – «Аапо», названа в честь своего главного героя. Автор пытается проникнуть в психологию сторонника «красных». Аапо изображен человеком недалеким, но исполненным жестокости и ненависти. Эти качества помогают ему добиться успеха в военных действиях, но его жизненный путь заканчивается в плену, и в последние минуты перед расстрелом «он был молчалив и спокоен, но глубоко засунул руки в карманы, из-под опущенного козырька и взлохмаченной челки его маленькие серые глаза в последний раз светились невысказанной яростью» (Han var stum och lung, men händerna

---

¹⁶¹ Warburton Th. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1984. S. 128.

borrhade han djupt ner i byxfickorna, och under den toviga pannluggen lyste hans små grå ögon in i det sista av att outsägligt hat)¹⁶².

В этой новелле, как и во всем сборнике, довольно очевидно прослеживается позиция автора: его симпатия всецело на стороне «белых». Сторонники «красных» изображены людьми недалекими, как Аапо, или запутавшимися и введенными в заблуждение, как герой новеллы «Возвращение домой». Физическая сила, численное превосходство «красных» противопоставлены духовной силе «белых». В рамках новеллы «Аапо» мы видим трансформацию «слабого» человека, объекта постоянных насмешек, в «сильного», получившего в руки оружие и власть над жизнью и смертью. Аапо мнит себя «богом», вершащим судьбы людей. Однако симпатия автора и читателя скорее на стороне расстрелянного хозяина поместья, который и перед лицом смерти способен сохранить самообладание. Противостояние силы и слабости – излюбленная тема Шильдта. Одна из новелл сборника 1918 г. (Пердита и другие новеллы) носит название «Слабый» (Den svagare).

Не случайно героиня новеллы «Слабый» вновь появляется в сборнике 1919 года в новелле «Мясорубка» (Köttkvarnen). Но это новелла не только о противостоянии силы и слабости. Взгляд Шильдта на военные события отражен в самом названии новеллы. Во-первых, это тайное обозначение пулемета, который необходим силам белого сопротивления, а во-вторых – характеристика тех обстоятельств, в которых оказались героини новеллы. Война перемалывает их судьбы, и это касается всех жителей города. Героиня Маня, проходя по улицам Хельсинки, чувствует то же, что и другие люди: «Над ее головой высились дома с черными фасадами, все ставни были закрыты. Люди внутри сами нуждались, ждали, надеялись, отчаивались. Из темных стен словно проступал концентрированный страх» (Högt över hennes huvud reste sig husen med svarta fasader, var ruta täckt. Människorna där inne voro själva i nöd,

---

¹⁶² Schildt R. Hemkomsten och andra noveller [Электронный ресурс]. Helsingfors: Holger Schildts Förlagsaktiebolag, 1919. S. 61. Режим доступа: <http://runeberg.org/srhemkomst/> (дата обращения: 05.02.2017).

väntade, hoppades, förtvivlade. Det steg som en förtätad ångest ur de mörka murarna)¹⁶³. Тема страха характерна для описания захваченного Хельсинки. Прекрасное утро, когда героиня прогуливается со своим возлюбленным, характеризуется следующим образом: «Люди в городе просыпались для новых страхов и новых надежд» (Nu vaknade människorna där inne i staden till ny ångest och nya förhoppningar)¹⁶⁴.

Мотив страха, отчаяния получает свое продолжение в новелле «Лошадь Карамзиной»¹⁶⁵ (Karamsinska hästen). От изображения событий военного периода Шильдт переходит к описанию мирного времени и тех последствий, что вызвала война. В новелле «Лошадь Карамзиной» рассказывается о послевоенном Хельсинки. Это история потери – умирает жена главного героя, и все повествование строится вокруг чувства страха и всепоглощающего одиночества, которое овладевает стариком. Ночью он бродит по городу и снова возвращается к своему дому. В этот момент в его памяти всплывают события войны: «Разбитые выстрелами окна давно заменили, но следы от пуль на фасаде все еще остались. Тайное послание, которое все читали каждый день, которое толковали по-разному» (De sönderskjutna fönstren voro längesen ersatta, men kullhålen i fasaden sutto kvar. En hemlighetsfull skrift, som dagligen lästes av alla, som tyddes på många handa olika vis») ¹⁶⁶. Дом, в котором живет старик Вилениус, напоминает о сражениях, которые шли здесь, так же и люди не могут стереть из мыслей увиденное и пережитое. Вилениус попадает в компанию одиноких людей: трех проституток и странного гостя, который приходит к ним, чтобы всю ночь просидеть за столом с зажженной лампой, глядя в никуда. Для таинственного посетителя этого дома время тоже остановилось. Он выглядит как «юноша,

---

¹⁶³ Schildt R. Hemkomsten och andra noveller [Электронный ресурс]. Helsingfors: Holger Schildts Förlagsaktiebolag, 1919. S. 175. Режим доступа: <http://runeberg.org/srhemkomst/> (дата обращения: 05.02.2017).

¹⁶⁴ Ibid., S. 122–123.

¹⁶⁵ Оригинальное название объясняется в тексте новеллы. Жена героя произведения Вилениуса в молодости была настолько сильной и выносливой, что ее сравнивали с лучшими в городе породистыми лошадьми, которыми владела Аврора Карамзина.

¹⁶⁶ Ibid., S. 211–212.

мужчина и старик одновременно» (en gosses, en mans, en gubbes...ansikte)¹⁶⁷. Несмотря на наигранное веселье, каждый из присутствующих занят своими мыслями: «Остальные сидели неподвижно, глаза их смотрели, но не видели. Каждый из них словно пытался расслышать все не затихающую песню, которая монотонно звучала среди бетонных сводов и железных проводов, съеживающихся в ледяной хватке утра» (De andra sutto där orörliga, med ögon som stirrade utan att se. Det var som om var och en av dem på sitt sätt sökt tyda den aldrig tystnande sången, som entonig steg ur betongvalv och metalltrådar där de krympte samman under den isande morgonens grepp)¹⁶⁸. Ничто не способно разрушить стены, окружающие каждого из присутствующих. Их память, как и стены дома, хранит в себе воспоминания о прошедшем, об ушедших. О прошлой жизни и о войне. Время словно останавливается, ночь длится вечно. Мотив одиночества характерен для всего творчества Шильдта, но в этой новелле проявляется особенно ярко, к нему добавляется еще и постоянное ощущение страха за жизнь и будущее главного героя.

Понятие «страх» является одной из наиболее важных категорий экзистенциализма. Исследователи отмечают, что предтечей этого философского направления был С. Кьеркегор, который ввел в своих трудах понятие «страх». В его понимании страх стал движущей силой, что дает человеку возможность быть человеком: «Разумеется, вполне верно, что существуют такие люди, которые нуждаются в принуждении, поскольку, будучи предоставлены самим себе, они погрязнут в эгоистичных наслаждениях, подобно необузданным животным; однако человек должен как раз доказать, что он не из их числа, а это можно сделать только благодаря своему умению говорить в страхе и трепете»¹⁶⁹. Проанализировав новеллу Шильдта, мы отмечаем, что в отчаянии старика Вилениуса прослеживается тот

---

¹⁶⁷ Schildt R. Hemkomsten och andra noveller [Электронный ресурс]. Helsingfors: Holger Schildts Förlagsaktiebolag, 1919. S. 220. Режим доступа: <http://runeberg.org/srhemkomst/> (дата обращения: 05.02.2017).

¹⁶⁸ Ibid., S. 228.

¹⁶⁹ Кьеркегор С.О. Страх и трепет [Электронный ресурс]. С. 57. Режим доступа: http://berloga50.static.corbina.ru/%D0%94%20%D0%BE%20%D1%81%20%D1%82%20%D0%BE%20%D0%B5%20%D0%B2%20%D1%89%20%D0%B8%20%D0%BD%20%D0%B0/Kierkegaard_strah_i_trepet.pdf (дата обращения: 21.09.2017).

самый онтологический страх, который впоследствии станет основополагающим понятием экзистенциализма. Таким образом, в данном случае можно говорить о появлении в творчестве Шильдта предчувствия тем, характерных для литературы экзистенциализма.

Название сборнику дала последняя новелла, «Возвращение домой» (Hemkomsten), которая также посвящена послевоенному времени. Это история красногвардейца Альбина, который соблазнился лозунгами красных и покинул родной дом, семью. Его родные придерживаются противоположных взглядов, отец и брат являются членами Охранного корпуса. Все считают Альбина мертвым, но он тайно возвращается домой, а мать помогает ему скрываться от преследования довольно продолжительное время. Новелла «Возвращение домой» – это не только история о любви матери к сыну. Это рассказ о расколе, который возникает внутри семьи и приводит к трагическим последствиям. Это возвращение к теме слабости и силы на новом уровне. Как ожидается, закаленный в сражениях боец должен быть сильнее своей матери, однако на деле все оказывается иначе. Альбин признается, что его действия были необдуманными, его присоединение к силам красных – поспешным: «Наши командиры обманывали нас с самого начала, и мы проглатывали любую ложь, как пальты» (Lurade blev vi av våra anförare ända från första börjane, och allt fans skräpprat gick i oss som palt)¹⁷⁰. Он оказывается не в силах вынести изоляцию от родных и близких, в которую втягивает и мать. Она, в свою очередь, становится примером самоотверженной любви и заботы, а также силы духа, пытается спасти сына до последней минуты, когда тот сам сдается шюцкору. На примере одной семьи Шильдт иллюстрирует национальную трагедию всей страны, ведь эти события могли произойти и происходили в любом уголке Финляндии.

Все четыре новеллы объединяет общее настроение. Шильдт не стремится к исторической достоверности изображаемых событий, хотя

---

¹⁷⁰ Schildt R. Hemkomsten och andra noveller [Электронный ресурс]. Helsingfors: Holger Schildts Förlagsaktiebolag, 1919. S. 249. Режим доступа: <http://runeberg.org/srhemkomst/> (дата обращения: 05.02.2017).

и придерживается общеизвестных хронологических рамок. Не изображая непосредственно военных действий, Шильдт концентрирует внимание на конкретном человеке. В его новеллах нет попытки обобщить опыт многих людей, писателя интересует психология конкретного индивида. Его герои, по словам исследователя М. Чиараволо – это «обычные люди, сбившиеся с пути под влиянием нечеловеческих обстоятельств»¹⁷¹. Работник в поместье, спекулянт, интеллигент, крестьяне и горожане – они не несут на себе печати исключительности, однако именно их взгляд на происходящее важен для Шильдта. При этом довольно явственно проступает его личное отношение к противостоянию «красных» и «белых». Его симпатии целиком на стороне «белых». По мнению автора, герой, который обращается к «красным», делает это скорее под влиянием порыва, будучи плененным красивыми словами и обманутым, как Альбин, или повинувшись жажде мести, как Аапо.

Также происходящие события Шильдт рассматривает с позиции силы и слабости. Эти понятия часто встречаются в новеллистике Шильдта, но в сборнике «Возвращение домой» проявляются как никогда ясно и приобретают новое звучание. Физическая сила противопоставляется здесь силе духовной, и, по словам писателя, зачастую носитель физической силы – представитель «красных» – оказывается слабее физически слабого, выразителя идей «белых». Это хозяин захваченного поместья в новелле «Аапо», спекулянт Джонни Классон и убитый сопротивленец Роберт в новелле «Мясорубка», Альбин и его мать Мари из новеллы «Возвращение домой».

Не случайно носителем положительных характеристик у Шильдта зачастую является женщина. Это было характерно и для ранних новелл, написанных в стилистике «дагдриваре». Томас Варбуртон отмечает, что Шильдт «превозносит и иногда идеализирует способность женщины любить»¹⁷². Это относится и к Мане Блумквист («Мясорубка»), и к умершей

---

¹⁷¹ Ciaravolo M. Dagdrivare och Runar Schildt // Finlands svenska litteraturhistoria. D. 2, 1900-talet / red. av Michel Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2000. S. 54.

¹⁷² Warburton Th. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1984. S. 128.

жене Вилениуса в новелле «Лошадь Карамзиной», ведь именно она давала ему «способность к жизни»¹⁷³.

Подводя итог сказанному, выделим особенности, присущие изображению Р. Шильдтом гражданской войны: не останавливаясь на описании военных событий, он пытается художественно осмыслить события, свидетелем которых стал. Шильдт фокусируется на психологии конкретного человека, его герои – обычные люди, которым присущи человеческие слабости. Однако симпатии Шильдта на стороне «белых», и это особенно ярко проявляется в противостоянии «сильных» и «слабых» личностей, где сила физическая и сила духовная не сочетаются в одном персонаже. Изображение войны в сборнике «Возвращение домой» – это размышление над тем расколом, который произошел в финском обществе и надолго разделил его. В фокус внимания попадают как события военных месяцев, так и их последствия. Как отмечает М. Чиараволо, «проза становится реалистической, но состояние запутавшихся людей придает ей экспрессионистские черты»¹⁷⁴. Для самого Шильдта этот сборник был весьма важен, он продолжает излюбленные мотивы творчества Шильдта (одиночество, сила/слабость), но новая тематика придала им также художественную новизну, которая выразилась в предельном обострении присущих людям чувств. Особенность изображения Финляндии в этом сборнике состоит в отказе от специфической тематики изображения судьбы финляндских шведов и концентрация на общефинляндских проблемах. Шильдт выступает противником движения «красных» и описывает раскол, разделивший граждан Финляндии. В изображении финского автора даже после окончания военных действий эти противоречия не исчезли, трансформировавшись в ощущение одиночества, присущее и городским, и деревенским жителям.

---

¹⁷³ Warburton Th. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1984. S. 128.

¹⁷⁴ Ciaravolo M. Dagdrivare och Runar Schildt // Finlands svenska litteraturhistoria. D. 2, 1900-talet / red. av Michel Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2000. S. 54.

Мотив одиночества продолжает развиваться и в более поздних сборниках. Сборник «Ведьмин лес» (Häxskogen, 1920 г.) описывает судьбу не только жителей Финляндии. Шильдт раскрывает тему русской эмиграции в Финляндии. В новелле «Зоя» (Zoja) он рассказывает о судьбе русской зажиточной семьи, вынужденной после революции бежать в Финляндию из Петрограда. Семья Щекарасиных, как и многие другие русские семьи, потеряли прошлую жизнь, и этот разрыв ничем не восполнить. Особое место в этой новелле занимает судьба главной героини, Зои. Даже в семье она одинока. В попытке отыскать утешение у брата, Зоя рассказывает ему о своих планах вырваться из захолустья, уехать так далеко, как это возможно. Но это неосуществимо, оба понимают, что ее прожекты – лишь средство спасения от окружающей действительности. Новости о грядущем освобождении Петрограда наполняют Зою оптимизмом, однако попытка наступления на город не удалась. Оптимизм вновь сменяется упадком сил, и девушка совершает долгие прогулки, во время которых понимает, как чужды ей те люди, которых она встречает: «людей за работой и во время отдыха, таких же, как она, существ, которые радовались и страдали, но они были для нее еще более чужими, чем шепчущиеся в лесу деревья и гремящие камни дороги» (människor såg hon i arbete och vila, människor som hon själv, varelser som glädjas och lida, men de voro henne mera främmande än skogens mumlande trån och vägens rasslande stenar)¹⁷⁵. Новелла оканчивается сценой самоубийства Зои. Она осознает, что ей не вынести тягот жизни вдали от дома, ее семье не преодолеть возникшее на чужбине разобщение. Описанное автором одиночество преодолевает в этой новелле национальные рамки, пределы одного государства. Р. Шильдт исследует сознание человека и описывает тоску по родине, которая оставляет его героиню одинокой даже среди самых близких людей.

---

¹⁷⁵ Schildt R. Häxskogen och andra noveller [Электронный ресурс]. 1920. S. 130. Режим доступа: <http://runeberg.org/srhaxskog/> (дата обращения: 05.02.2017).

2.4. Поздний период творчества. Драммы Р. Шильдта

Литературное наследие Р. Шильдта практически полностью составляют новеллы, однако за 1922-1923 годы он создал три пьесы: «Galgmannen: en midvintersaga» (Висельник): зимняя история, 1922), «Lyskoriddaren: skådespel i fem akter» (Рыцарь счастья: представление в пяти действиях, 1923), «Den stora rollen: skådespel i fyra akter» (Великая роль: постановка в четырех действиях, 1923). В драме «Рыцарь счастья» Шильдт вступает в литературный диалог со своими современниками. Он выходит за рамки описания финского общества и представляет срез молодого европейского поколения. В 1896 г. в Швеции вышел роман Харальда Муландера (Harald Molander, 1858-1900) с идентичным названием. Роман шведского писателя был посвящен судьбе выдающейся исторической личности Швеции XVII века, Ларсу Виваллиусу, который остался в истории не только как талантливый поэт, но также как неутомимый искатель приключений и авантюрист. Выходец из крестьянской семьи, он путешествовал по Европе, выдавая себя за аристократа. Попытки выдать себя за другого закончились тюремным заключением, но именно в это время пробудился поэтический дар Виваллиуса, прославивший его. Роман был написан на основе исторических фактов. В 1921 г. вышел в прокат фильм, снятый по роману Муландера. Пьеса Р. Шильдта в сюжетном плане не связана с романом шведского писателя, однако повтор названия отнюдь не случаен. На поверхности сюжета пьесы лежит история молодого дипломата Стефана Ирбена, который становится олицетворением нового европейского высшего общества. Его происхождение неизвестно, он воспитывался в семье приемных родителей, много путешествовал, его прошлое окутано завесой тайны. Однако секретарь дипломатического представительства, Монтгомери, по случайности узнает в Ирбене сотрудника подпольного казино в Мюнхене. Вследствие этого карьера Ирбена оказывается под угрозой. Читатель вновь встречает в главном

герое авантюриста, прокладывающего свой жизненный путь в соответствии с поставленной целью.

Монтгомери и Ирбен становятся главными антагонистами драмы Р. Шильдта. Автор на примере противостояния двух молодых людей представляет изменения, которые наблюдает в европейском обществе. Монтгомери по складу характера похож на своих старших коллег. Начальство с удовольствием отмечает это сходство: «Он необычный молодой человек ... и вы должны быть рады такому коллеге. Он похож на юношей времен моей молодости. К сожалению, этот тип людей вымирает» (Han är en ovanlig ung man ... och ni borde vara tacksam att ha en sådan medarbetare. Han är som unga män var i min ungdom. Typen dör ut, tyvärr)¹⁷⁶. Отличительной чертой людей «старого» склада является строгое следование нормам поведения своего времени и тщательный отбор своего окружения. Так, к примеру, описывает секретаря Монтгомери его начальник: «Он назначил себя патриархом этикета и хранителем традиций» (Han tycks ha utnämnt sig själv till något slags etikettens överstepräst och formernas väktare)¹⁷⁷. Для Монтгомери и его коллег ключевым фактором в определении своего отношения к человеку является понятие чести. Иначе считает доктор Ирбен, который является воплощением нового типа гражданина. У него нет богатой аристократической родословной, и все, чего он добился – исключительно его личные достижения. Главное в его жизни – выполнить серьезную миссию. Ему важно найти свою цель и свое место в жизни. Все это воплощается для него в службе на благо государству, в дипломатической деятельности. Он чувствует свою предрасположенность к этому, и его коллеги отмечают талант Ирбена.

Однако, несмотря на свою одаренность, Ирбен чужой в аристократическом кругу дипломатов, и его присутствием в дипломатическом представительстве наиболее консервативные его члены

---

¹⁷⁶ Schildt R. Lyckoriddaren: skådespel i fem akter. Helsingfors: Holger Schildts tryckeri, 1923. S. 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://runeberg.org/srlycko/> (дата обращения: 05.02.2017).

¹⁷⁷ Ibid. S. 12.

недовольны. Он олицетворяет собой поколение молодых людей, добившихся успеха без помощи титулов и знакомств. Руководители реагируют на такое положение дел с сокрушением: «Да, раньше все было проще и надежнее. Как только кого-то назначали куда-то, стоило только открыть Готский альманах¹⁷⁸ или родословные книги. Можно было заранее узнать, с кем придется иметь дело. А теперь, Господи помилуй...» (Ja, det var ju lättare och tryggare förr. Blev någon utnämnd till någonting, så slog man bara upp i Almanach de Gotha och i adelskalendrarna. Man visste på förhand med vem man fick att göra. Nu, gud bevara oss ...) ¹⁷⁹. Европа меняется, и теперь высший круг общества перестал быть закрытой группой, в нее могут попасть новые люди, такие, как доктор Ирбен. Хранители традиций, чей образ воплощен в секретаре Монтгомери, всеми силами противятся подобному положению дел. В прошлом Монтгомери и Стефан Ирбен встречались, и секретарь хочет вынудить Ирбена покинуть свой пост, ведь пятнадцать лет назад он работал в баре подпольного казино, иногда становясь на место крупье, и даже получил за это тюремный срок. Во время и после первой мировой войны он начал строить свою карьеру, проявив недюжинные дипломатические способности (название государства в тексте пьесы отсутствует), а теперь Монтгомери грозит Ирбену разоблачением, поскольку, по его мнению, таким людям не место в дипломатическом кругу.

Ирбен и Монтгомери представляют собой два полюса, их взгляды на должное возможное противоположны, и они не могут понять и принять мнение другого. В изображении Шильдта ярая приверженность традициям не является достоинством, поскольку Монтгомери обрекает Ирбена на самоубийство. Ирбен не может отказаться от своей карьеры и не видит дальнейшей жизни без нее. Это желание самореализации оказывается настолько сильным, что его не перевешивает перспектива счастливой личной жизни.

---

¹⁷⁸ Готский альманах — авторитетный справочник по генеалогии европейской аристократии, ежегодно издававшийся на немецком и французском языках в 1763–1944 годах в городе Гота.

¹⁷⁹ Schildt R. Lyckoriddaren: skådespel i fem akter. Helsingfors: Holger Schildts tryckeri, 1923.S. 27–28. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://runeberg.org/srlycko/> (дата обращения: 05.02.2017).

В драме «Рыцарь счастья» Р. Шильдт исследует проблему изменений, происходящих в обществе не только Финляндии, но и всей Европы. Действующими лицами пьесы являются сотрудники иностранного дипломатического представительства, однако конкретная страна не названа. Единственной локализацией сюжета является отель, в котором происходит развязка действия: «Отель Эспланада». Тем самым зритель, следуя за развитием событий, вместе с автором исследует вопрос о возникновении нового типа людей. Его воплощением становится Стефан Ирбен, а точкой отсчета, по мнению поколения «отцов» является Первая мировая война: «Да, что только ни становится возможным после 1914-го» (Ja, vad är inte möjligt efter 1914)¹⁸⁰. Разница между поколениями очевидна: то, что сам доктор Ирбен считает бесценным опытом, его старшие коллеги расценивают как отсутствие морали. Однако ему присущи жажда деятельности, стремление к развитию себя и своей карьеры, желание послужить своей стране. Это совершенно новые идеи, которые не могли бы возникнуть у молодежи-дагдриваре.

Обобщая вышесказанное, отметим особенности восприятия Финляндии, свойственные творчеству Р. Шильдта: ранний период творчества писателя приходится на время популярности литературного направления «дагдриваре». Р. Шильдт стал одним из наиболее успешных его представителей. Главные герои ранних новелл – молодые люди, разочаровавшиеся в окружающей их действительности. В отличие от поколения отцов, они не способны на героические, масштабные свершения. Их уделом становится прожигание жизни. Однако не во всех произведениях Шильдта видение будущего исключительно пессимистическое. Некоторые из его молодых героев действительно не могут найти себе лучшего применения, кроме как искать новых впечатлений и путешествовать. Их мечта – покинуть родной дом. Это может быть в прямом смысле отчий дом, а может быть и Финляндия

---

¹⁸⁰ Schildt R. Lyckoriddaren: skådespel i fem akter. Helsingfors: Holger Schildts tryckeri, 1923. S. 27. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://runeberg.org/srlycko/> (дата обращения: 05.02.2017).

в целом. В 1920 г. в круг писательского интереса Шильдта попала и обратная ситуация: в новелле «Зоя» именно Финляндия становится местом обитания людей, покинувших свою родину и потерявших ее. При этом очевидно, что потеря родины одинаково сильно сказывается и на финской, и на русской молодежи. Их постоянная характеристика – одиночество. Оно проявляется и среди широкого круга общения, и среди самых близких людей. Однако Шильдт не оставляет надежды на грядущие изменения. Его герой новеллы «К сумеркам» Биргер Вейдел, который отказывается продавать свое родовое гнездо и тем самым обрекает себя на долгие годы бедности и тяжелого труда, является единственным примером положительного решения проблем молодежи. Также Р. Шильдт вошел в историю шведской литературы Финляндии как летописец гражданской войны. Новеллы этого периода также отражают взгляд писателя на происходившие внутри его родной страны события. В сборнике «Возвращение домой» проявляются его личные симпатии, но он попытался показать историю гражданской войны с разных позиций. Ценность новелл сборника «Возвращение домой» состоит в выявлении тех характеристик, которыми автор наделяет своих героев как типичных представителей финляндского народа. Он описывает противоречия в противостоянии «белых» и «красных»: и те, и другие – простые люди, но одни, по мнению Шильдта, хотят для своей страны лучшего, другие действуют под влиянием своих эмоциональных порывов. Лучшее в понимании писателя – это единение всех граждан. Новым этапом в творчестве Шильдта стали попытки создания драматических произведений. Каждая из трех созданных им пьес представляет особый интерес, но в рамках данного исследования представлялось целесообразным обратиться к драме «Рыцарь счастья», в которой возникает образ нового поколения молодых людей, на которых не распространился пессимизм дагдриваре. Первая мировая война пошатнула устоявшиеся рамки аристократического сословия, и теперь активную роль в обществе, а также ведущие позиции в нем могут занимать люди, не имеющие блестящего происхождения, но обладающие выдающимися личностями

качествами. Тем не менее, в произведении Шильдта судьба такого человека обрывается трагично, не выдержав противостояния с традиционными ценностями.

Таким образом, в творчестве Шильдта находят выражение общественные идеи и настроения начала XX века, их эволюция и кардинальные изменения, связанные с историей страны. Конец XIX века – время, когда финляндские шведы начали воспринимать себя национальным меньшинством, поэтому в начале XX века они, потеряв свои исторические позиции привилегированной части общества, ищут свое место в родной стране, но с этим справляются не все. Именно поэтому поколение писателей-дагдриваре создает героев, которые не имеют в жизни определенной цели. Также начало XX века стало периодом активного развития финско-шведской лирики. Именно в это время дебютируют поэты-модернисты, изменившие облик и содержание поэзии. К. Зиллиакус отмечает, что общими отличительными ее чертами были: «свободный размер, отсутствие рифмы, новый образный язык, словотворчество, расширение круга мотивов и новая структура. Сложность представляли все шесть, но в разной степени. Свободный размер и отсутствие конечной рифмы использовались для того, чтобы сделать текст сложным, но не нечитаемым. Выбор лексики и образного ряда расширялись в тех же целях: показать, что все может превратиться в стихотворение»¹⁸¹. Новаторство, привнесенное в развитие литературного процесса в Финляндии, не изменило интереса к образу родины. Поколение модернистов оказало огромное влияние на дальнейшее развитие финского литературного процесса, и одним из видных представителей этого периода стал Эльмер Диктониус (Elmer Diktonius, 1896-1961).

Исследование новаторства поэтов-модернистов, в том числе Э. Диктониуса, выходит за рамки целей данного исследования,

---

¹⁸¹ C. Zilliacus Den modernistiska dikten / Finlands svenska litteraturhistoria. D. 2, 1900-talet / red. av Michel Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2000. S. 83.

ему посвящены, к примеру работы К. Зиллиакуса¹⁸², Х. Вейво¹⁸³, Г. Херманссон¹⁸⁴. Тем не менее, представляется важным отметить, что несмотря на разнообразие образного материала Э. Диктониус не оставляет мысли о Финляндии как о своей родине. А.И. Мишин в своей монографии, посвященной Э.Диктониусу, приводит характеристику творчества писателя, высказанную финским поэтом, переводчиком и критиком Арво Туртиайненом: «Диктониус писал на шведском языке, но более по-фински, чем многие писатели, пишущие на финском»¹⁸⁵.

Выдающийся поэтический талант Эльмера Диктониуса, его интерес к русской литературе и в определенной степени его левые взгляды способствовали тому, что Диктониус был хорошо известен и в СССР. Его стихи были опубликованы в двух антологиях «Поэзия Финляндии» 1962 и 1980 годов. В издательстве «Прогресс» в 1969-м году вышел отдельный сборник Диктониуса «Коллющее пламя» (*Taggiga lågor*) в переводах известных советских поэтов Булата Окуджавы, Юнны Мориц, Олега Чухонцева и др. В академическом литературоведении не раз рассматривалась его поэзия. Но проза Диктониуса оказалась камнем преткновения для исследователей. Тому было несколько причин. Прежде всего трудно было определить жанр. Исследователи задавались вопросом: что это – зарисовки, эскиз, эссе, рассказ, новелла, лирическая проза? И не найдя единственно верного ответа, заключали, что «к сожалению, Диктониус–прозаик пока мало исследован»¹⁸⁶.

В 1925 году опубликовано его произведение «Оннела» (*Onnela*, Страна счастья), с подзаголовком «Финская идиллия» (*Finsk idyll*). Книгу открывает

---

¹⁸² Zilliakus C. The Roaring Twenties of Elmer Diktonius: A Centenarian as Wonder Boy // *Scandinavian Studies*, Vol. 69, No. 2. Champaign. University of Illinois Press. 1997. P. 171–188.

¹⁸³ Veivo H. En jaguar i den europeiska djungeln: Tre dikter av Elmer Diktonius i internationella sammanhang i början av 1920-talet // *Historiska och litteraturhistoriska studier*, № 93, Helsingfors. Svenska litteratursällskapet i Finland. 2018. S. 162–179.

¹⁸⁴ Hermansson G. *Modernisternas prosa och expressionismen: studier i nordisk modernism 1910-1930*. Göteborg. Makadam. 2015. 415 s.

¹⁸⁵ Мишин А.И. Творчество Эльмера Диктониуса и проблемы шведоязычной литературы Финляндии. Петрозаводск. «Карелия», 1987. С. 86.

¹⁸⁶ Карху Э.Г. История литературы Финляндии: XX век. Л.: Наука, 1990. С.342.

«Эта страна» (Detta land). Э.Г. Карху называет «Эту страну» очерком, А.И. Мишин – новеллой, считая, что книга еще ждет своего исследователя.¹⁸⁷

Вторая причина малой изученности прозы Диктониуса 1920-х годов – ее лексика. Писатель одним из первых в Финляндии ввел в свои произведения язык улиц, меткие и хлесткие выражения, которые не поддавались традиционному литературоведческому анализу. И третье – выражение любви к родной стране у писателя соседствовало с выражением ненависти. Не всегда это была ирония, настолько сильно были переданы подлинные чувства: «Да, я ненавижу эту страну. Особенно я ненавижу ее, когда приходится подолгу жить в ней безвыездно, сталкиваться лицом к лицу со всеми ее гнойными нарывами и незаживающими язвами: с ее надоедливymi перекурами двух языков, с ее пигмейски помпезной «великодержавной» политикой, с ее показной культурой и притворной цивилизацией, с ее спортивными рекордами и духовным убожеством, с ее нетерпимостью, подозрительностью и мелочностью <...> досадно, что человек не волен выбирать место своего рождения»¹⁸⁸ (Перевод Т.Величко); (Ja, jag hatar detta land. I synnerhet hatar jag det, då jag måste leva och vistas i det, konfronteras med alla dess sprickande bölder och öppna sår: dess tjugitiga språkgräl, dess dvärgpompösa stormaktspolitik, dess streberkultur och låtsascivilisation, dess sportrekord och hjärnmisärer, dess ofördragsamhet, misstänksamhet och småsinne. <...> Tvi katten att man ej kan välja stället där man födes!)¹⁸⁹

Но «выпустив пар», автор переходит на другой тон. И если у Туре Янсона Финляндия – это земля отцов, то Диктониус сравнивает родную страну с постаревшей матерью, со всеми ее достоинствами и недостатками: «Могу ли я отречься от собственной матери, стану ли отречься от материнского наследства, дарованного тобою, тобою, моя безотрадная,

---

¹⁸⁷ Мишин А.И. Творчество Эльмера Диктониуса и проблемы шведоязычной литературы Финляндии. Петрозаводск. «Карелия», 1987. С.78.

¹⁸⁸ Диктониус Э. Рассказы и зарисовки, Нурдгрэн А. Гори,огонь, Бундестам А.Пропась. Чильман К. Милейший принц. Пер. с швед. М.: Прогресс, 1979. С.8.

¹⁸⁹ Diktonius E. Onnela. Helsingfors. 1925. S. 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litteraturbanken.se/f%C3%B6rfattare/DiktoniusE/titlar/Onnela/sida/10/etext> (дата обращения: 10.04.2024).

грустная, унылая – и такая лучезарная, моя невеликая северная страна» (Перевод Т.Величко); (Jag kan ej förneka min mor, jag vill ej förneka det modersarv du gett mig, du tröstlösa, trista, gråa och dock så glimrande miniatyrland uppe i Norden).¹⁹⁰

И потому, «худосочные зарисовки» (laga teckningar), как называет свою прозу Диктониус, сливаются «в полную горечи светлую мелодию в скорбно-ликующий гимн» родине:

Тебе мое небо,	Du himmel,
Тебе мой ад. ¹⁹¹	Du helvete. ¹⁹²

(Перевод Т.Величко)

Несмотря на художественную новизну «Оннела», произведение вписывается в общескандинавские литературные тенденции. А.В. Коровин, изучая малую художественную прозу Дании, отмечает, что датский писатель Том Кристенсен в 1926 году создает книгу «Испанский кабальеро», в которой «каждая глава представляет собой отдельный текст, центральное место в которой занимает переживание героя-повествователя»¹⁹³, а прозаические главы перемежаются стихами. Также и в сборнике новелл исландского автора Тоурбергюра Тоурдарсона «Письма к Лауре» 1924 года тексты «явно носят автобиографический характер, в них присутствует выраженный лирический компонент»¹⁹⁴. Подводя итог размышлениям о таком типе литературных произведений, А.В. Коровин определяет их жанр как малую прозу, важное место в которой занимают стихотворения в прозе. Те же особенности отмечаем и в произведении «Оннела», в которой также сочетаются прозаические отрывки и разделы, написанные верлибром. Подзаголовок произведения выбран не случайно. Образ «Оннела» – страны счастья –

---

¹⁹⁰ Diktonius E. Onnela. Helsingfors. 1925. S. 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litteraturbanken.se/f%C3%B6rfattare/DiktoniusE/titlar/Onnela/sida/10/etext> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁹¹ Диктониус Э. Рассказы и зарисовки, Нурдгрэн А. Гори, огонь, Бундестам А. Пропать. Чильман К. Милейший принц. Пер. с швед. М.: Прогресс, 1979. С.9.

¹⁹² Diktonius E. Op. cit. S. 10.

¹⁹³ Коровин А.В. Датская и исландская малая проза. М. Теис. 2011. С. 244.

¹⁹⁴ Коровин А.В. Указ. соч. С. 248.

составлен, словно мозаика, из небольших текстов, каждый из которых посвящен изображению провинциальной, деревенской жизни.

С первых же страниц автор говорит о своем противоречивом отношении к родной стране, которую одновременно любит и ненавидит: «...Финляндия – это не родина, или как человек твоих взглядов мог бы сказать, у-родина, это горячая сауна с прыжком в снег после нее»¹⁹⁵. Тем не менее, каждый из отрывков, повествующих о родной стране, пронизан любовью к ней, особенно ярко эти чувства проявляются при описании природы, на фоне которой разворачиваются судьбы жителей Страны Счастья. В ней есть место для обыденной человеческой жизни, но есть и волшебство, сказка, которая приближает читателя к финскому фольклору: «В самой чаще леса есть дворец лесного короля. Я был там недавно, и в кармане ношу бороду, которую украл у одного из его телохранителей. Там меня заколдовали, и мой взор искривляется, когда я думаю об этом диком лесе» (Djupt inne i skogen ligger skogskungens slott. Jag var där nyss, och i fickan bär jag ännu skägget som jag stal från en av hans drabanter. Där blev jag förtrollad, och mina ögon skevar nu alltid då jag tänker på den vilda skogen¹⁹⁶) Тем самым, в новой форме читатель, по сути, находит знакомое содержание: размышления о родине и возвращении к истокам, на лоно природы. Таким образом, несмотря на небольшой временной промежуток, отделяющий Э. Диктониуса от писателей-дагдриваре, разница в их мироощущении и восприятии родины существенна. Как отмечает А.И. Мишин, «представить поэта, переживающего свою отъединенность от родины, пребывающего в Финляндии как на чужбине <...> невозможно <...> Диктониус возвращает нас к той эпохе финляндской литературы, когда она создавалась на шведском языке (Рунеберг, Топелиус), но была финской»¹⁹⁷.

---

¹⁹⁵ Diktonius E. Onnela. Helsingfors. 1925. S. 21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litteraturbanken.se/f%C3%B6rfattare/DiktoniusE/titlar/Onnela/sida/10/etext> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁹⁶ Ibid. S. 43.

¹⁹⁷ Мишин А.И. Творчество Эдьмера Диктониуса и проблемы шведоязычной литературы Финляндии. Петрозаводск. Карелия. 1987. С.101.

Первая мировая война и гражданская война в Финляндии актуализировали новые темы в творчестве финских писателей, поставив на первый план исследование новых личностных ценностей и решение проблемы возникшего в обществе идеологического раскола. Попытки решить эти вопросы предпринимались в течение всего XX века. Даже в произведениях ныне живущих писателей тема противостояния «красных» и «белых» находит свое отражение. Однако несмотря на это роль личности в историческом процессе так или иначе рассматривалась в контексте размышлений о судьбе родной страны, и даже поиск новых идей и мотивов у писателей-модернистов не обошелся без описания Финляндии.

Глава III. Чель Вестё как представитель современной литературы Финляндии на шведском языке

Современная шведская литература Финляндии вписана в контекст финской литературы, хотя, безусловно, имеет ряд характерных черт. Тематика и мотивы этой литературы связаны с социальным положением носителей шведского языка в Финляндии, а также со статусом языка в стране. В подтверждение данного тезиса приведем цитату современного исследователя Я.В. Погребной: «концепция художественной интеграции национальных литератур не означает, что мировой литературный процесс можно воспринимать вне контекста его взаимосвязей с текущей гражданской историей и развивающимся культурным процессом»¹⁹⁸.

По словам исследователя Кая Лайтинена «Финско-шведскую литературу можно рассматривать как дополнение к финской литературе Финляндии. Однако также возможно рассматривать их как параллельную или альтернативную литературу»¹⁹⁹. Исследователь Леена Кирстиня отмечает, что в период 1980-2000 в литературе Финляндии произошло новое рождение индивидуальности, индивидуализма и субъективизма. В связи с этим большое распространение получили жанры биографии, автобиографии, мемуары, дневники, письма, эпистолярные романы и др.²⁰⁰ При этом шведскую литературу Финляндии отличает особое самоощущение, которое делает ее привлекательной для молодого поколения художников. Особенно Леена Киристиня отмечает писателя Челя Вестё, который расширил перспективу от индивидуального опыта к всеобщей морали и социальной рефлексии.

Чель Вестё (Kjell Westö, род. в 1961 г.) – современный писатель из Финляндии, создающий свои произведения на шведском языке.

---

¹⁹⁸ Погребная Я.В. Актуальные тенденции развития мирового литературного процесса рубежа XX-XXI веков // Фундаментальные и прикладные научные исследования: инноватика в современном мире. Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции. В 3 частях. Часть 2. Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки. 2023. С. 115.

¹⁹⁹ Laitinen, Kai 2000: Över språkgränsen. I: Claus Zilliacus (red.), Finlands svenska litteraturhistoria. Andra delen: 1900-talet; Uppslagsdel. Svenska litteratursällskapet i Finland. Helsingfors: Bokförlaget Atlantis. S. 397.

²⁰⁰ Kirstinä L. Nodes of Contemporary Finnish Literature. Finnish Literature Society. Helsinki.2012. P. 14–15.

Он дебютировал со сборником стихотворений «Оранжевое танго» (Tango Orange) в 1986 г. и стал известен благодаря рассказам и урбанистическим романам, повествующим о Хельсинки (первый роман – «Воздушные змеи над Гельсингфорсом», 1996 г.). Особый интерес для писателя представляют переломные моменты в истории столицы, которые по значимости не ограничиваются пределами города, а имеют значение для всей Финляндии: периоды экономического расцвета и упадка, гражданская война и мировые войны, разрастание Хельсинки за счет пригородов и т.д. Специфика романов Ч. Вестё состоит в том, что эти события показаны с позиции шведского населения страны, языкового меньшинства, которое в истории Финляндии играет важную роль, и даже сегодня занимает особую позицию в финском социуме.

Творчество Ч. Вестё представляет интерес для ученых, которые не только отмечают значимость созданных им произведений в истории литературы Финляндии (М. Экман, М. Чиараволо, М. Мацарелла), но и погружаются в отдельные аспекты его творчества. Функции иноязычных вкраплений, многоязычие романов Ч. Вестё стали объектом исследований Б. Хаагенсен, Ю. Тидигс, К. Векстрём. Романы писателя послужили основой для изучения проявления национальной идентичности в литературе (А. Нильссон, Б. Рённхольм) и роли Ч. Вестё в формировании образа Хельсинки (Г. Ботта).

В своих романах Ч. Вестё описывает историю и современность Хельсинки, отражая ее с точки зрения шведского населения. Вестё доказывает, что шведское меньшинство по своей ментальности кардинально не отличается от большинства населения²⁰¹. Сюжетной основой его произведений также становится история Финляндии, показанная с точки зрения финляндских шведов. Стремление Ч. Вестё передать дух времени реализуется, с одной стороны, в активном использовании исторических реалий, с другой –

---

²⁰¹Kirstinä L. Nodes of Contemporary Finnish Literature. Finnish Literature Society. Helsinki. 2012.P. 17–18.

во внимании к настроениям и идеям, актуальным в обществе того или иного периода. Во всех своих романах автор вводит в повествование подробности, знакомые широкому кругу финских читателей: названия улиц, ресторанов, фильмов и пр., описывает известные события. Однако важная особенность его творчества состоит в том, что, во-первых, он концентрируется на изображении жизни Хельсинки, а во-вторых, феномен замкнутости обретает в его творчестве новое значение. Он рассматривает не только обособленность финляндских шведов как части населения Финляндии, но и разделение всего финляндского общества на группы. В его романах зачастую прослеживается тема противостояния красных и белых в гражданской войне 1918 года, противопоставления обеспеченных и рабочих слоев финского общества до и после военных событий. На русский язык переведены лишь повесть «Мелба, Маллинен и я» (Melba, Mallinen och jag из сборника 1992 года «Дело Брууса. Три рассказа», Fallet Bruus) и роман «Кристиан Ланг, человек без запаха» (Lang, 2002 года).

Для литературы Финляндии особенно актуальна проблема соотношения финского и шведского языков. Согласно исследованию Анн-Мари Гуннессон, несмотря на сомнения и тревоги о возможном исчезновении шведского компонента финляндской культуры, после второй Мировой войны «возникла новая национальная идентичность, не зависящая от родного языка»²⁰². Финляндия стала активно интегрироваться в мировое сообщество, и для многих современных финляндских писателей характерно использование иноязычных вкраплений, некоторые писатели, в том числе и Чель Вестё, являются билингвами, то есть носителями двух языков. Такие знания представляют особую ценность, поскольку, по определению С.А. Гринберга, «билингвизм – феномен, который включает в себя не только знание нескольких языков, но и способность воспринимать мир через призму этих

---

²⁰²Gunnesson A.-M. Mötesplats eller kulturell järnridå? Finlandssvenska författare och franskspråkiga flamländska författare vid språkgränsen [Электронный ресурс] // Gränser: populärvetenskapliga föredrag om humanistisk forskning. Humanistdag-boken 16. Kungälv: Göteborgs universitet, 2003. S. 111–118. Режим доступа: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/10617> (дата обращения: 24.10.2019).

языков»²⁰³ (уточним, что билингвизм был характеристикой многих писателей, к примеру, им был и Э. Диктониус, но широкое распространение билингвизм получил в ходе изменения статуса финского и шведского языков в обществе).

3.1. Образ родного города в романах Ч. Вестё

Цель Вестё – продолжатель сложившихся литературных традиций. Сюжетной основой его произведений также становится история Финляндии, показанная с точки зрения финляндских шведов. Стремление Ч. Вестё передать дух времени реализуется, с одной стороны, в активном использовании исторических реалий, с другой – во внимании к настроениям и идеям, актуальным в обществе того или иного периода. Во всех своих романах автор вводит в повествование подробности, знакомые широкому кругу финских читателей: названия улиц, ресторанов, фильмов и пр., описывает известные события. Однако важная особенность его творчества состоит в том, что, во-первых, он концентрируется на изображении жизни Хельсинки, а во-вторых, феномен замкнутости обретает в его творчестве новое значение. Он рассматривает не только обособленность финляндских шведов как части населения Финляндии, но и разделение всего финляндского общества на группы. В его романах зачастую прослеживается тема противостояния красных и белых в гражданской войне 1918 года, противопоставления обеспеченных и рабочих слоев финского общества до и после военных событий.

В композиции романов Вестё можно увидеть принцип контрапункта. Перенесение в литературу музыкальных законов построения произведений было характерно и для других шведоязычных авторов Финляндии, например для Э. Диктониуса. Вспомним комментарий М.М. Бахтина к наблюдениям Л. Гроссмана над музыкальной природой композиции у Достоевского:

---

²⁰³ Гринберг С.А. Влияние белорусско-русского двуязычия на мировоззрение и национальное самосознание белорусов // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С.326.

«Всё в жизни контрапункт, т.е. противоположность», — говорил в своих «Записках» один из любимейших композиторов Достоевского – М.И. Глинка» [разрядка Бахтина – И.М.]²⁰⁴.

Финская исследовательница Кристина Мальмио называет Челя Вестё Вьяйне Линна XXI века и характеризует его романы как «грандиозные повествования о маленьких людях в ключевые поворотные моменты финской истории»²⁰⁵.

Даже в детективном романе «Кристиан Ланг, человек без запаха», важное место занимает Гельсингфорс, который сливается с главным героем, сам становится героем произведения. Он является географической точкой, связывающей художественный вымысел автора с реальностью (так, к примеру, с географической точностью описываются маршруты, по которым передвигается главный герой), с другой стороны – отражает настроение Кристиана Ланга. Обратив внимание на то, как Ланг воспринимает город вокруг себя, можно проследить эволюцию его эмоционального состояния. В начале романа, когда Ланг привычно ощущает пустоту в своей душе, город также ощущается им холодным и отчужденным: «он привычно поглядел на обнаженную красоту полусонного города и восхитился изысканностью вечернего белого света, который превращал дома Ульрикасборга и Эйры эпохи модерна в мерцающие сказочные дворцы. И всё же, несмотря на это великолепие, в ту весну душа Ланга оставалась пустой и мертвой, и он впервые в жизни нашел красоту Гельсингфорса строгой и неприветливой, будто суতোлка шпилей и башен, черных и зеленых крыш в старых кварталах города была тронута холодом и отчуждением, а город захлопнулся, как моллюск, скрыв в себе свою забытую историю» (перевод М. Людковской)²⁰⁶.

---

²⁰⁴ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского// Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т.6. М.: ЯСК, 2012. С.52.

²⁰⁵ Malmio K. Matkoja historiaan / Suomen nykykirjallisuus 1-2: Lajeja, poetiikkaa, V. 1 .Red. Mika Hallila. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki. 2013. S. 208.

²⁰⁶ Вестё Ч. Кристиан Ланг, человек без запаха [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/book/veste_chel/kristian_lang_chelovek_bez_zapaha.html (дата обращения: 23.02.2024).

В период влюбленности «весь город превратился в сказочный мир, укутанный в белое покрывало, с ледяными, ясными ночами и теплыми, пасмурными днями» (перевод М. Людковской)²⁰⁷. В то время, когда Ланг несчастен, он видит, как «темные сутулые фигуры редких прохожих сновали по пустынным улицам, отчего город напоминал фильм Фрица Ланга, в котором всех убийц одновременно выпустили на свободу» (перевод М. Людковской)²⁰⁸.

В романе «Кристиан Ланг, человек без запаха» Ч. Вестё экспериментирует с описанием города, но при этом уделяет внимание языковым взаимоотношениям главного героя и окружающих его людей. Его бывшая жена вышла замуж за финна, и теперь плохо говорит по-шведски. Однако Ланга, помимо их совместимости как людей волнует вопрос, на каком языке она говорит со своим новым мужем во время интимной близости. Для него это ощущается словно «двухязычный человек теряет все самое сокровенное, лишается языка для выражения истинной любви и истинного ощущения жизни» (перевод М. Людковской)²⁰⁹. Продюсер убеждает инвесторов запустить в Швеции проект с участием Ланга, поскольку его родной язык – шведский, сравнивает его с писателями Йорном Доннером и Марком Левенгудом. Вместе с сестрой и любовницей Ланг играет в настольную игру – аналог «Эрудита» по-фински. Обобщая эти и другие характеристики, можно сказать, что Ланг, как человек двухязычный, создан писателем как человек, ищущий себя, свою женщину, свой язык, свое место в Финляндии или в Швеции. Только оказавшись в тюрьме за убийство, которое, возможно, и не совершал (финал автор романа оставляет открытым), он получает возможность в отдалении от других обрести себя истинного. Однако итога этих трансформаций читатель не увидит, Ланга в финале произведения только ожидает выход на свободу, к новой жизни. Для нас он по-прежнему

---

²⁰⁷ Вестё Ч. Кристиан Ланг, человек без запаха [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/book/veste_chel/kristian_lang_chelovek_bez_zapaha.html (дата обращения: 23.04.2024).

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же.

остается «человеком без запаха»: тем, кто не проявляет себя, тем, кто только раскрывает свою сущность, в том числе и для себя самого.

В 2006 году вышел в свет роман-эпопея Ч. Вестё «Там, где мы бродили однажды» (*Där vi en gång gått*) в семи частях. На основе произведения был снят полнометражный фильм (2011 г.) и сериал (2013 г.). Роман охватывает большой исторический период – с 1905 по 1938 год, а в эпилоге перспектива простирается до 1944 года. Основные события, вокруг которых строится сюжет романа, – гражданская война в Финляндии, ее предыстория и последствия. Поэтому специфику изображения истории Хельсинки мы рассмотрим на примере изображения писателем гражданской войны.

Повествование начинается с 1905 года, и в первых частях произведения читатель знакомится с основными действующими лицами. К примеру, отец и сын, Энок и Аллан Каяндер – представители рабочего класса. Оба были известны в своей среде как приверженцы красных, что в будущем принесло им немало проблем. Чель Вестё описывает «рабочий» Хельсинки начала XX века как город, в котором рабочие живут в бедности, а количество людей, сочувствующих коммунистическим настроениям, увеличивается: «...Гельсингфорс, в котором было много бедняков, их общая сила только росла и росла» (*Helsingfors där de fattiga var många och där deras samlade styrka bara växte och växte*)²¹⁰.

Средний класс в романе – представители семьи Видинг. В целом в романе наибольшее внимание уделяется именно представителю этой семьи – Эрику Видингу, который, как и его отец, работал фотографом. Несомненно, выбранная для этих персонажей профессия несет глубокий смысл, поскольку именно они запечатлевают историю Хельсинки на физических носителях, документируя ее. Наблюдая мир через объектив фотоаппарата, Эрик ищет в этом мире свое место. Также в романе присутствуют представители так называемой «золотой молодежи», наиболее обеспеченной части

---

²¹⁰ Westö K. *Där vi en gång gått*. Stockholm: Norstedts, 2006. S. 15.

шведского населения Финляндии: к примеру, это Седрик и Люси Лиллиеельм (брат и сестра).

Описывая события гражданской войны, Чель Вестё не выбирает позицию одной из групп героев в качестве основной, он прослеживает судьбы всех персонажей, каждый из них в равной степени важен для автора романа.

Во время гражданской войны представители этих трех семей оказываются по разные стороны фронта. Энок Каяндер в военное время был руководителем отряда красной гвардии Финляндии. Чель Вестё раскрывает как положительные, так и отрицательные стороны красногвардейцев. Так, Энок Каяндер размышлял о ходе военных действий: «Теперь, неожиданно, он чувствовал только сомнение, досаду и усталость, нарастающие день ото дня» (Men nu, plötsligt, fanns bara tvivel och grämelse och en leda som växte dag för dag)²¹¹.

Ч. Вестё описывает противостояние между красными и белыми через восприятие конкретных людей, редко используя обобщения. Противоборствующие стороны готовы уничтожить друг друга, но конкретные люди могут сомневаться, могут проявлять как сострадание, так и излишнюю жестокость. Вестё поочередно рассказывает о красном и белом терроре, и с его точки зрения, нельзя вынести вердикт, кто прав, а кто заблуждается относительно способа достичь лучшего будущего для страны.

Примером положительной характеристики красногвардейцев становится описание лагеря для пленных шюцкоровцев. Вестё подробно описывает их быт: постельные принадлежности, еду, возможность получать передачи от знакомых, чтение книг, общение друг с другом. Контрастом становится изображение лагеря, в котором впоследствии оказались красные: нечеловеческие условия и голодающие узники. Этим взглядом на историю противостояния красных и белых отличается современная литература Финляндии, в том числе Ч. Вестё, тогда как для более ранней литературы,

---

²¹¹ Westö K. Där vi en gång gått. Stockholm: Norstedts, 2006. S. 107.

к примеру произведений Рунара Шильдта и Вяйне Линна, была характерна односторонность оценки, поскольку Шильдт и Линна сосредоточились на воспевании достоинств белых и красных соответственно.

Эрик Видинг, молодой фотограф, в противостоянии гражданской войны формально выступает на стороне белых, он состоит в отряде Охранного корпуса Финляндии, шюцкоровцев, попадает в тот самый плен, что был упомянут ранее. В Эрике борются два начала: с одной стороны, он желает оставить без изменений свою жизнь, с другой – не может разделить уверенность своих товарищей в правильности методов, выбранных ими для борьбы с красными. Особенность изображения противостояния белых и красных с позиции участника шюцкора состоит в том, что так же, как для Энока Каяндера, для Эрика Видинга война несет в себе пустоту: «иногда Эриком овладевали мысли о том, что все эти пламенные речи о родине, о предках и вечных ценностях лишь скрывали дикий и безотчетный страх перед всем, что кажется чужим, инородным» (*bland kunde Eccu drabbas av tanken att alla de eldande inläggen om fädernesland och folkstam och omistliga värden bara dolde en vild och oreflekterad skräck for allt som var främmande och annorlunda*)²¹². Главное испытание ждет Эрика после окончания войны, когда он возвращается к профессии фотографа и ищет свое место в меняющемся, растущем Хельсинки.

В семье Лиллиеельм основное внимание уделяется судьбе брата и сестры: Седрика и Люси. Седрик также состоит в шюцкоре, а после окончания войны примыкает к радикальному движению лапуасцев и даже возглавляет один из отрядов, который преследует тех людей, кто был известен благосклонностью к идеологии красных во время войны. Седрик искренне считает, что действует на благо страны, а люди, которых он наказывает, действительно этого заслуживают. Его сестра Люси – бунтарка по своей природе. Она наиболее сильно чувствует ту ограниченность, тесноту финско-

---

²¹² Westö K. Där vi en gång gått. Stockholm: Norstedts, 2006. S. 116.

шведского сообщества, о которой писала исследователь Мерете Мацарелла. Люси стремится выйти за рамки одобряемого обществом поведения женщины, стремится к эмансипации, обретению независимости не только в работе, но и в личной жизни. Наиболее ярко это заметно в тот момент, когда она покидает Хельсинки и переезжает в Париж. Одна из глав в романе – это переписка Люси и Эрика Видинга, в которой она сравнивает Париж и Гельсингфорс: «В Гельсингфорсе я была одинокой даже среди людей, но здесь я не одна, даже будучи в совершенном одиночестве» (I Helsingfors kände jag mig alltid ensam fast jag var omgiven av människor)²¹³. В послевоенное время столица Финляндии изображается разделенной на части: «На самом деле было два города. В одном ... люди старались жить так, будто ни войны, ни ее последствий не было... Вдругом городе господствовали темнота и недоверие, там была горечь, безработица и налоги. Там казалось, что на тебя оглядываются, тебя презирают и ненавидят; многие белые считали, что красные получили свободу и доверие сограждан слишком скоро» (Egentligen fanns det två städer. I den ena staden... försökte man leva som om varken kriget eller dess efterräkningar funnits... I den andra staden fanns mörker och misstro, där fanns bitterhet, arbetslöshet och pålagor. Där fanns känslan av att vara sedd över axeln, föraktad och hatad; många vita tyckte att de röda återfått friheten och det medborgerliga förtroendet alltför snabbt)²¹⁴. Последствия войны для приверженцев двух противоборствовавших ранее сторон были разными.

Толкование истории, в котором разделяются факты как зафиксированные события и история как трактовка этих фактов, приводит к тому, что «автор представляет разные версии истории, известные персоны выступают в неожиданных ролях, что умножает наше представление о прошлом и будущем»²¹⁵. Таким образом, на примере изображения событий гражданской войны мы можем отметить, что в романе «Там, где мы бродили

---

²¹³ Westö K. Där vi en gång gått. Stockholm: Norstedts, 2006. S. 250.

²¹⁴ Ibid., S. 173–174.

²¹⁵ Hatavara M. History After or Against the Fact? Finnish Postmodern Historical Fiction// Nodes of Contemporary Finnish Literature / red. L. Kirstinä. Helsinki: Finnish Literature Society. 2012. P. 97.

однажды» история предстает не как вектор, а как переплетение судеб, совокупность жизненных путей различных персонажей. Цель Вестё переосмысливает роль красной гвардии в войне, показывая, что каждый понимает благо для своей страны по-своему.

В своих произведениях Ч. Вестё описывал столицу Финляндии разных исторических периодов: от начала XIX века до 70-80 годов XX века, там же, как правило, и разворачивается действие романов. Изображая жизнь Гельсингфорса-Хельсинки, Ч. Вестё мало говорит об актуальных событиях провинции (в отличие от таких писателей, как Герда Гранхольм, Кристина Коркман, Альф Снелльман и др.), но через описание жизненного пути своих персонажей составляет полную картину общественной жизни.

Для исторических романов одной из важных составляющих является достоверное сочетание известных фактов с художественным вымыслом. Стремление Ч. Вестё передать дух времени реализуется, с одной стороны, в активном использовании исторических реалий, с другой – во внимании к настроениям и идеям, актуальным в обществе того или иного периода. Во всех своих романах автор вводит в повествование подробности, знакомые широкому кругу финских читателей: названия улиц, ресторанов, фильмов и пр., описывает известные события (например, в романе «Мираж 38» – присуждение четвертого места финскому бегуну еврейского происхождения, который в забеге пришел первым²¹⁶), использует текст реально существующих документов (текст бюллетеня Австрийского референдума по аншлюсу).

Действие романа «Мираж 38» (Nägring 38, 2013) происходит в 1938 году, а «для многих литераторов это было время мрачной реакции и подавленного состояния»²¹⁷. Исторический фон произведения – время витающих в воздухе радикальных националистических взглядов: в тексте упоминается «Великая Финляндия, простирающаяся за Урал» (ett Stor-Finland med östgränsen bortom

---

²¹⁶ Имеется в виду Авраам Токайзер, который в романе «Мираж 38» представлен как Саломон Яри, племянник одного из персонажей.

²¹⁷ Сойни Е. Г. Солоневичи и Север. Финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 168.

Ural)²¹⁸, о ней говорили коллеги главного героя произведения, «когда изрядно напивались за ужином после собраний Финской Ассоциации адвокатов» (när de drack sig berusade på middagarna efter Advokatförbundets möten)²¹⁹. В отличие от них адвокат Клас Туне не разделяет подобных взглядов на мир, не следует за популярной идеологией и не делит людей по национальному признаку. Он ставит себя в позицию наблюдателя и делает вывод: «сейчас требуется безусловная любовь к некой непостижимой родине, которая наделяется женскими чертами, любовь такая же слепая и безусловная, как любовь крота к своей норе» (Nu avkrävdes en villkorlös kärlek till ett mytiskt, förkvinnligt fosterland, en kärlek lika blind och hopplös som mullvadens till sin jordhåla)²²⁰. Внимание к мелочам в совокупности с воспроизведением общей атмосферы, царившей в обществе в определенный период, придает действиям вымышленных персонажей большую правдивость. Это отмечает исследователь М. Экман: «Ностальгия и полный меланхолии взгляд в прошлое – такие же постоянные характеристики Вестё, как историческая точность, чуткость к мелодиям, реалиям и социальному духу времени»²²¹.

Романы Ч. Вестё полифоничны, в них представлены разные точки зрения на происходящие события, воплощенные в образах главных и второстепенных героев произведений. Писатель смешивает исторический подход к изображению событий и современные литературные течения, что отмечают исследователи: «Во многих случаях автор представляет разные версии истории, известные персоны выступают в неожиданных ролях, что умножает наше представление о прошлом и будущем»²²². Здесь, несомненно, можно говорить, что произведения Вестё следуют традиции полифонического романа, созданного Ф.М. Достоевским. Описывая полифоничность у Достоевского, М.М. Бахтин выделил ее характерную особенность:

---

²¹⁸ Westö K. Hägring 38. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2013. S. 18.

²¹⁹ Ibid., S. 18.

²²⁰ Ibid., S. 80.

²²¹ Finlands svenska litteratur 1900–2012 / red. M. Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland. 2014. S. 299.

²²² Hatavara M. History After or Against the Fact? Finnish Postmodern Historical Fiction// Nodes of Contemporary Finnish Literature / red. L. Kirstinä. Helsinki: Finnish Literature Society. 2012. P. 97.

«множественность самостоятельных и не-слиянных голосов и сознаний»²²³. По мнению ученого, «не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события»²²⁴. Произведения Ф.М. Достоевского были известны в Финляндии, начиная с конца 1880-х годов, с его творчеством связывали утопию, необходимую человечеству в трагические времена, идеи братства, христианского смирения, Достоевского воспринимали как писателя-гуманиста, «защитника угнетенных», что было, конечно, верно²²⁵. Но в конце XX века, благодаря книгам М.М. Бахтина, имевшим большую популярность в Европе, в творчестве Достоевского увидели диалогичность, взаимодействие идей и сознаний, «сочетание нескольких индивидуальных волей»²²⁶. Для писателей понимание этого открывало новые возможности, расширяло угол зрения на своих героев и приводило к определенным художественным достижениям. Немаловажно и то, что как в случае с Достоевским, «сама эпоха сделала возможным полифонический роман»²²⁷, так и в случае с Вестё история XX века подсказала автору «Миража 38» противопоставление не только характеров, но и идей, противоречащих друг другу.

Каждый из действующих лиц романа «Мираж 38», погруженных в созданную писателем атмосферу предвоенного времени, делится с читателем своим мироощущением: Клас Туне, бывший дипломатический представитель Финляндии, не разделяет радости по поводу экономических и политических успехов Германии; его секретарь, Матильда Виик, которая побывала в лагере для военнопленных во время гражданской войны, боится повторения страшных для нее событий; актер Иоаким Яри остро переживает притеснение

---

²²³ Бахтин М.М. Указ.соч. С.9. (Разрядка М.М. Бахтина – И.М.).

²²⁴ Там же.

²²⁵ Карху Э.Г. Достоевский и финская литература. Петрозаводск: Карелия, 1978. С.17.

²²⁶ Бахтин М.М. Указ.соч. С.27.

²²⁷ Бахтин М.М. Указ.соч. С.34.

евреев; друзья Туне, воплощающие собирательный образ влиятельных шведоязычных жителей Гельсингфорса, относятся к новой идеологии нейтрально или положительно, просчитывая экономическую выгоду; родственники и знакомые Матильды Виик из рабочих кварталов города высказывают разные точки зрения: от незаинтересованности политикой до резкой критики пропаганды, «пускающей людям пыль в глаза» (det gällde att slå blå dunster i folkets ögon)²²⁸.

Герои романа «Мираж 38» противопоставлены друг другу по своему отношению к идеологии нацизма и потребности делить человечество на «своих» и «чужих». Специфика произведения состоит в том, что в нем прослеживается еще одна оппозиция, актуальная для Финляндии. На примере одного города Ч. Вестё показывает существовавшее в 1930-е годы разделение финляндского общества на две группы по языковому признаку. Шведское и финское население Гельсингфорса разнятся по социальному положению и имеют мало точек соприкосновения. Вследствие этого в сознании действующих лиц произведения формируется особое пространство, «город внутри города».

Любопытно, что в поэзии эту разделенность особенно ярко выразил в своем стихотворении «Нюландский сонет» Вадим Гарднер, русский эмигрант американского происхождения, живший в 1930-х годах в Хельсинки:

О, Гельсингфорс, излюбленный ветрами,
Ты мало, горделивец, мне знаком.
По стогнам я твоим бродил пешком.
Но ты с двумя своими языками
Не близок мне; стеной они меж нами.²²⁹

---

²²⁸ Westö K. Hägring 38. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2013. S. 167.

²²⁹ Гарднер В. У Финского залива: Избранная лирика. Сост. Т.Пахмусс, Б. Хеллман. Хельсинки: Гранит, 1990. С.111. Вадим Даниилович Гарднер (1880–1956), сын американского инженера Даниэля Томаса Гарднера и писательницы Екатерины Ивановны Дыховой.

Матильда Виик размышляет о том, каким ей видится Гельсингфорс: «Матильда была частью этого большого, шумного города. В ее городе люди были друг другу чужаками. В нем Некто сдвигался в сторону, чтобы Никто не смог занять в трамвае соседнее место. Но она также знала, что есть и другой город, совсем маленький, только для посвященных. <...> В этом городе все еще безраздельно царствовал шведский язык, на котором говорили дома и на работе, люди все знали друг о друге, и это любопытство было и преимуществом, и обузой» (Matilda var en del av den stora och bullrande staden. I hennes stad var människorna främlingar för varandra. Där flyttade sig Någon åt sidan så att Ingen kunde ta plats på spårvagnssätet bredvid. Men hon visste att det också fanns en annan stad, en ort för de invigda, en alldeles liten stad. <...> I den staden härskade svenskan fortfarande oinskränkt, språket talades både hemma och på kontoret, människorna höll noga reda på varandra och deras nyfikenhet var både en trygghet och ett ok)²³⁰.

Однако не всегда принадлежность к «элитной» шведской части города воспринимается героями положительно: «Он <Туне> хотел сбежать из этого паноптикума, клаустрофобически тесного Гельсингфорса...» (Han ville bort från det panoptiska, klaustrofobiska svenska Helsingfors...) ²³¹. Отметим, что этот момент размышлений героя как нельзя лучше иллюстрирует предложенное исследовательницей М. Мацарела термин «тесная комната» как иллюстрацию настроения шведско-финских писателей. В сознании Класа Туне, Матильды Виик и других героев романа существует очевидная граница между Хельсинки, в котором живут финские рабочие, и шведским Гельсингфорсом, городом влиятельных и состоятельных граждан. Туне единственный из круга своих друзей пересекает условную границу между этими пространствами – мост Питкясилта (Långa bron/ Pitkäsilta) и с удивлением погружается в финскую среду, в которой не бывал уже давно. Ч. Вестё сталкивает две картины родного города в сознании своего героя, и Туне понимает, что его

---

²³⁰ Westö K. Hägring 38. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2013. S. 154.

²³¹ Ibid., S. 39.

представления о рабочем Хельсинки были совершенно не верны и базировались на отрывочной информации и появившихся за время жизни страхах: «Теперь Туне, поймав себя на мысли, что по дороге в центр удивляется не только тому, что у фрёкен Оландер симпатичная съемная квартира, но и радости жизни, которая лилась из окон высоких домов вдоль Линий, мирному благодушию на улицах. Он понял, что превратился во мнительного обывателя, стал одним их тех полных предубеждений людей, которых так презирал в молодости» (Och nu, när Thune ertappat sig själv med att vara överraskad inte bara av att fröken Fanny Ålander hade ett välskött hyresrum, utan också av den livsglädje han hört eka ur höghusfönstret vid Linjerna och det gemyt han sett på gatorna under vandrigen in mot centrum, förstod han: han hade gått och blivit en ängslig bracka, han var nu själv en av de fördomsfulla som han föraktat så djupt när han var ung)²³².

Разрыв между двумя группами населения подчеркивается и на лексическом уровне текста: важной характеристикой героев Ч. Вестё является использование ими иноязычной лексики. По мнению Б. Хаагенсен, разнообразие иноязычных вкраплений подчеркивает разницу между шведоязычной элитой Гельсингфорса и остальным населением. По мнению исследовательницы, таким образом создается образ «микро-Хельсинки», узкого круга, где все друг друга знают и не желают сливаться с финноязычным населением. Специфика речи героев романа направлена также на «исключение» читателя из описываемой среды, подчеркивает дистанцию, существующую между современным человеком и ушедшей эпохой²³³.

Как уже было указано выше, начало XX века стало временем усиления национальных настроений в финском обществе. Класа Туне отличает от его друзей открытость общечеловеческим ценностям. Поэтому особенно актуальна для понимания внутреннего мира персонажа проблема

---

²³² Westö K. Hägring 38. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2013. S. 166.

²³³ Haagensen B. Två tider – två miljöer – två romaner. Språkväxling i Kjell Westös Helsingforsskildringar // Språkmöten i skönlitteratur. Perspektiv på litterär flerspråkighet / red. Björklund S., Lönnroth H. Vasa: Vasa universitet, 2016. № 6. S. 87.

соотношения финского и шведского элементов в его самосознании. Разрешение она получает во время разговора Туне с музыкантом Конни Альбеком на палубе корабля во время путешествия из Хельсинки в Стокгольм:

«– Приветствую, господин. Вы финн или швед?

<...>

– Финн, но шведской породы, – произнес Туне по-фински. – Вице-судья Клас Туне, – вежливо добавил он и протянул руку.

– Конни Альбек, кларнетист и трубач, – ответил мужчина по-шведски»

(Hej herrn, är ni finne eller svensk? Det fanns verkligen något studentikost över frågan, som ställdes på finska och kom från en av däckstolarna. Tonläget var muntert, och Thune steg fram till frågeställaren. Finne, men av den svenska sorten, svarade Thune på finska. Vicehäradshövding Claes Thune, tillade han artig och sträckte fram sin hand. Konni Ahlbäck, klarinettist och trumpetist, sa mannen på svenska»)²³⁴.

Несмотря на годы, проведенные в других странах и погружение в инонациональную культуру и опыт жизни в разных странах, Туне осознает себя частью единой финской нации, хоть и выделяет финляндских шведов в отдельную группу.

Проведем параллель со произведением уже упоминавшегося Туре Янсона. В стихотворении «Ибо всё же я финн» (Tu äfven jag är finne) из сборника «Мой Хельсинки» (Mitt Helsingfors, 1913) лирический герой рассуждает с позиции дагдриваре о своем отношении к родине. По его мнению, патриотизм угасает, и молодому поколению остается лишь жертвенность и смирение. Однако несмотря на общий пессимистический настрой по отношению к современной для стихотворения действительности, он осознает, что сердце все же зовет его в Финляндию:

---

²³⁴ Westö K. Hägring 38. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2013. S. 43.

И все же - как ни поверну я руль,
назад, назад в Финляндию! Зовет
сердце.

Нелепая и роковая ситуация!

Антипатриот в смущении!²³⁵

Och likafullt – hur jag mitt roder vrider,
tillbaks, tillbaks till Finland! hjärtat
kvider.

En löjlig och fatal belägenhet!

En antipatriot uti förlägenhet!

Лейтмотивом всего стихотворения является фраза «всё же я финн»,
выражающую самоидентификацию лирического героя:

Ибо всё же я финн... Старые, верные
слова, которые скрывали всю
палитру чувств времени²³⁶

Tu äfven jag är finne... Gamla, trygga
ord, som gömde tidens hela
känslskala».

Таким образом, самовосприятие финляндских шведов авторами,
жившими в XX и XXI в литературном выражении оказывается схожим.
Следует, тем не менее, отметить, что и Туре Янсон, и Чель Вестё, пусть
их и разделяет существенный временной промежуток – представители
литературы столичной. В отличие от них самобытность жителей Аландских
островов, которые не ассоциируют себя как единой целое с Финляндией
подчеркивает писательница Айли Нурдгрэн, творчества которой коснемся
немного позднее.

Описывая финское общество, Ч. Вестё обращает большое внимание на
существование языкового и социального барьера, который отделяет
обладающую властью и деньгами шведскую элиту от остального города.
Замкнутость обеих групп порождает предрассудки и взаимную неприязнь:
«фенноманы считали их (представителей шведского населения – И.М.)
потенциально опасными, отчасти «пятой колонной», стремившейся
объединиться со Швецией»²³⁷. Надежда на исчезновение неприязни

²³⁵Janson T. Mitt Helsingfors... Helsingfors. Söderström & C:o förlagsaktiebolag. 1913. S. 41.

²³⁶Janson T. Op. cit. S. 41.

²³⁷Spjut L. Den envise bonden och Nordens Fransmän: Svensk och finsk etnicitet samt nationell historieskrivning i svenska och finlandssvenska läroböcker 1866–1939 [Электронный ресурс]. Umeå: Umeå universitet. 2014.

появляется, когда главный герой, преодолев надуманные опасения, пересекает эту невидимую границу.

Описание истории Гельсингфорса-Хельсинки и двух групп его жителей, разделенных по национальной принадлежности, формирует у читателя ощущение переломного момента, нестабильности ситуации, в которой жили люди того времени. Однако современность не существует в отрыве от истории страны, и на уже описанные факты накладывается еще одно важное обстоятельство: отголоски гражданской войны в Финляндии. Повествование о трагических событиях, расколовших в свое время финское общество на два враждующих лагеря, в романе «Мираж 38» связано с образом Матильды Виик, которая, побывав во время белого террора в лагере военнопленных, уже долгое время не может избавиться от своих воспоминаний. В настоящем, в 1938 году, ей важно знать прошлое окружающих ее людей: «Тогда царили хаос, нужда и страх, люди совершали такие поступки, о которых потом пришлось умалчивать» (Det rådde kaos då, nöden och rädslan härskade, man gjorde saker som man teg om sedan efteråt)²³⁸.

Таким образом, вопрос о национальной идее, заложенной в языковом и социальном противостоянии, актуальном для 1938 года, обретает более важное историческое и даже эпическое звучание, рассматривается в длительной социальной ретроспекции. Военные события оставляют неизгладимый след в памяти людей. Важно отметить, что роман Ч. Вестё в своей трактовке событий гражданской войны значительно отличается от тех позиций, которых придерживались современники. В романе Франса Эмиля Силланпяя «Праведная бедность» и новеллах Р. Шильдта представлены полярные точки зрения на происходившие события. Безусловное оправдание одной из участвующих сторон и порицание другой через несколько десятков лет стало неактуальным. Этими настроениями проникнута трилогия классика

S. 98. Режим доступа: <http://umu.diva-portal.org/smash/get/diva2:716651/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 24.10.2017).

²³⁸ Westö K. Hägring 38. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2013. S. 9.

финского реализма Вяйне Линны «Здесь под северной звездой» (Täällä pohjantähden alla, 1959-1962), в которой автор, по словам Э.Г. Карху, считал первоочередной задачей «восстановить историческую правду о финских событиях 1918 г., показать, что это была подлинно гражданская, классовая война»²³⁹. Глазами крестьян-торпарей, арендаторов небольших земельных наделов увидена сложнейшая борьба политических сил между монархистами, республиканцами, коммунистами. Описание драматических ситуаций и жестокости соседствует у Линны с лирическими зарисовками, юмором и подлинно поэтическими портретами героев. Отечественные и зарубежные филологи и историки согласны в том, что трилогия и особенно роман Линны «Неизвестный солдат» (Tuntematon sotilas, 1954) повлияли на оценку событий Советско-финляндской войны (как ее называют в Финляндии – Зимней войны), а также Второй мировой войны (Э.Г. Карху, Т. Вихавайнен, Я.В. Новикова²⁴⁰).

У финской критики есть все основания в оценке личности Челя Вестё называть его Вяйне Линна XXI века. И действительно, писателей объединяет умение передать высокие человеческие чувства, мастерски обрисовать характер героя, описать трагические коллизии, но главное – в романах и Вяйне Линны и Челя Вестё, в частности, в романе «Мираж 38» показано стремление народа после тяжелых военных испытаний к единению, к диалогу как к «особой стратегии действий и даже особой форме рациональности»²⁴¹.

Описание Ч. Вестё противопоставления между «чужими» и «своими» встречалось в финской литературе и ранее. Его можно найти и в произведениях писателей родом с Аландских островов. «Аландские острова – не только географическое, но и национально-культурное понятие. Это и тщательно оберегаемая, можно сказать, заповедная островная территория шведского языка и шведских культурных традиций, сохранению и развитию

---

²³⁹ Карху Э. Г. История литературы: XX век. Л.: Наука, 1990. С.538–539.

²⁴⁰ Новикова Я. В. Формирование реалистической традиции изображения войны в финской прозе XX века // Уралистика Материалы 45 Международной филологической конференции. Под редакцией Н.Н. Колпаковой. 2016. С. 50.

²⁴¹ Соболева М. Е. О возможности диалога между культурами // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 147.

которых способствует автономия Аланда»²⁴². Вопрос о статусе Аландских островов был решен в 1921 году, когда Лигой Наций была принята конвенция об их принадлежности Финляндии²⁴³, а также соглашение, закрепившее гарантии сохранения шведского языка и шведской культуры. Право на самоуправление отражено в Конституции Финляндии. Шведскому языку на территории Аландов гарантируется статус единственного государственного языка. «Так называемые «права на родину»²⁴⁴ создают систему фактического аландского гражданства»²⁴⁵, – считает финский историк Пекка Кауппала. В настоящее время «отношения с Финляндией строятся на двусторонней основе»²⁴⁶.

Одна из ярких представителей литературы Аландских островов – Айли Нурдгрэн (Aili Nordgren, 1908-1995), симпатизировавшая идеям социализма в своих произведениях. Вышедшая в свет в 1951 году повесть «Гори, огонь» (Brinn eld) повествует о судьбе семьи аландских батраков. События разворачиваются в 1924-1925 годах, когда происходит становление движения за права крестьян, которое поначалу возглавляет работник родом из континентальной Финляндии, а затем эстафету у него перенимает главная героиня повести – девушка по имени Бетти.

В контексте данного исследования интересно, противопоставление–триада, которое прослеживается на протяжении всего произведения: Швеция – Финляндия – Аландские острова.

С одной стороны, бедность и отсутствие перспектив вынуждает деревенских жителей искать лучшей жизни в эмиграции. Так уехал старший

---

²⁴² Э.Г. Карху История литературы Финляндии. XX век. Ленинград. Наука. 1990. С. 34.

²⁴³ The Åland agreement in the Council of the League of Nations [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kulturstiftelsen.ax/app/uploads/2020/07/english-3-3-1.pdf> (дата обращения – 12.02.2024).

²⁴⁴ Шв. Hembygdsrätt – право жительство, особый статус, который может получить лицо, проживающее на Аландских островах.

²⁴⁵ Кауппала П. Трансформация территориального управления Финляндии в течение XX – XXI веков // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития. Сб. науч.ст. Сост. С.И.Шубин. Архангельск, 2010. S.188–196.

²⁴⁶ Погодин С. Н., Любина Д. Е. Особенности внутренней автономии Аландских островов в составе Финляндии // Управленческое консультирование. 2021. №1 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnutrenney-avtonomii-alandskih-ostrovov-v-sostave-finlyandii> (дата обращения: 11.05.2024).

брат Бетти, Вильгельм, который в ходе странствий обосновался в Австралии, по его стопам пошла сестра Бетти – Инга, отправившаяся на заработки в Швецию. Однако их поиски оканчиваются неудачей. Вильгельм хоть и зарабатывает себе на пропитание, отдалился от родных: «годы стерли память о тебе, письма от тебя приходили все реже и становились чужими»²⁴⁷. Сестра главной героини, Инга, старалась заработать денег для себя и своей семьи в Швеции, но хорошей работы не смогла найти. Несмотря на то, что Инга говорит по-шведски, в Стокгольме ее не приняли: «Когда она пыталась объяснить им, что родом с Аландских островов, они только смеялись и говорили, что тем не менее она финка»²⁴⁸. Инга от тяжелой работы сходит с ума, и только на родной земле, в семье, к ней возвращаются разум и память.

Однако своеобразие положения Аландских островов отражается и в том, что Финляндию здесь воспринимают как нечто чуждое: «Это Аланды, а в свою Финляндию отправляйся сам»²⁴⁹ – говорит Бетти своему товарищу. Подобное противопоставление не единожды возникает в повести, показывая отношение местных жителей к материковой части Финляндии. Главная героиня, размышляя о своей судьбе, связывает себя с родной деревней и после долгих колебаний решает не покидать ее, поскольку именно здесь она чувствует себя настоящей: «вечно ездить между Стокгольмом и Аландами, быть ни аландкой, ни шведкой, никем...»²⁵⁰.

Таким образом, проблема, которую Ч. Вестё рассматривает в романе «Мираж 38», находится в русле литературной традиции Финляндии, пусть и раскрывается в пределах столицы, а не провинции. В романе «Мираж 38» изображена оппозиция «своих» и «чужих» в пределах одной страны. Отголоски гражданской войны еще не сгладились в повседневной жизни и не дают возможности финской нации стать единым целым. Кроме того, даже в современном (для времени повествования) Хельсинки еще велика дистанция

---

²⁴⁷ Нурдгрэн А. Гори огонь / Диктониус Э. Рассказы и зарисовки. Нурдгрэн А. Гори, огонь. Бундестам А. Пропась. Чильман К., Милейший принц. Пер. с швед. М.: Прогресс. 1979. С. 242.

²⁴⁸ Там же, с. 144.

²⁴⁹ Там же, с. 114.

²⁵⁰ Там же, с. 145.

между носителями финского и шведского языков. Шведоязычное меньшинство образует замкнутый, закрытый круг, «свой» Хельсинки. При этом сложившаяся языковая ситуация стабильна, поскольку поддерживается законодательно. В-третьих, в романе «Мираж 38» мы становимся свидетелями возникновения нового противопоставления «своих» и «чужих». Идеология нацизма призывает к разделению людей по национальному признаку, и в этом вопросе на момент происходящих событий точка еще не поставлена. Каждый из героев решает самостоятельно, к какому из мнений прислушиваться. В образе главного героя, Класа Туне, предвосхищается преодоление «языкового барьера».

В своей урбанистической прозе писатель поднимает вопрос о сосуществовании разных групп людей в пределах одного города, одной страны, о мироощущении финляндских шведов как особой части финского общества. Оппозиция «финского» и «шведского» выявляется и на материале других произведений Ч. Вестё: «Там, где мы бродили однажды» (Där vi en gång gått), «Воздушные змеи над Гельсингфорсом» (Drakarna över Helsingfors) и др. В творчестве Ч. Вестё шведоязычный Гельсингфорс становится особым пространством, отделенным от финского Хельсинки.

Роман «Серно-желтое небо» (Den svavelgula himlen) вышел в свет в 2017 году, на сегодняшний день является последним из опубликованных произведений, экранизирован в 2021 году. Действие начинается в 1960-х годах и продолжается до настоящего времени. Главный герой - мальчик из простой семьи растет, который дружит с детьми из обеспеченной семьи Рабелль. Имени этого мальчика читатель так и не узнает, но проследит путь его взросления и историю его становления как писателя. В центре произведения – взаимоотношения главного героя с представителями семьи Рабелль, весьма обеспеченных представителей шведской части жителей Финляндии. Главный герой влюбляется в Стеллу Рабелль и проносит трагическую историю любви через всю жизнь, а также дружит с Алексом Рабелль, главным наследником семейного состояния. Исследователи С. Хаапамяки и Х. Эрикссон отмечают,

что действие происходит в шведоязычной среде, а действующие лица говорят исключительно по-шведски. Тем не менее, в романе присутствуют традиционные для Ч. Вестё иноязычные вкрапления²⁵¹. В романе «Серно-желтое небо» продолжается традиция ретроспективного изображения длительного периода в истории Финляндии. В данном случае это период с 1960-х по настоящее время. Однако, в отличие от романа «Мираж 38», главный герой описывает свою жизнь с самого детства, то есть становление характера предстает перед читателем более ясно.

Читатель знакомится с главным героем через воспоминания, которые вписываются в контекст истории Финляндии. Свое детство он воспринимает амбивалентно: с точки зрения ребенка все представляется счастливым и беззаботным: «Те годы внешне были довольно пестрыми: поп-музыка и полеты в космос, цветное телевидение и крикливая одежда» (De åren var en kulört yta: popmusik och rymdfärder, färgteve och grälla kläder)²⁵². В период экономического подъема в стране в семье главного героя жизнь изменяется. Его родители, выросшие в провинции, переселяются в столицу, и новоприобретенное благосостояние меняет их самоощущение. Отец осуществляет свою давнюю мечту – берет в аренду участок земли недалеко от Хельсинки, чтобы ездить туда летом на отдых. Именно в это время главный герой и знакомится с соседями, семьей Рабелль, между ними возникают связи, которые протянутся через всю жизнь. Отец, снова оказываясь в сельской местности, воспринимает себя столичным жителем и подчеркивает это, используя в общении с местными жителями словечки из столичного сленга. Мальчик отмечает: «Он никогда не говорил так дома, в городе, только за его пределами» (Han använde dem aldrig hemma i stan, bara här ute)²⁵³.

Главному герою нравится жить и в городе, и за его пределами. Он восхищается красотой природы, и в то же время замечает красоту столицы:

---

²⁵¹ Naaramäki S., Eriksson H. Flerspråkighet i Kjell Westös romaner Om en analysmodell och dess tillämpning [Электронный ресурс] // Språk & stil NF 27. 2017. S. 176. Режим доступа: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1173911/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).

²⁵² Westö K. Den svavelgula himmelen. Albert Bonniers förlag. Stockholm. S. 19.

²⁵³ Westö K. Op. cit. S. 30.

«парк Дианы – шахта, тайный проход, ведущий в другое время. После этого парка все дома сказочно красивы, с зубцами и башенками, оригинально расположенными балкончиками, там тротуары выложены круглой брусчаткой, свет приглушенный, будто течение времени и близость моря придавали району Улланлинна более глубокий блеск» (Dianaparken är en schakt, en hemlig passage som leder till en annan tid. Efter parken blir alla husen vackra, med tinnar och torn och djärvt utplacerade balkonger, där finns kullerstenstrottoarer och ljuset är mättat, som om tidens gång och havets närhet gett Ulrikasborg en djupare ljuster)²⁵⁴.

Этот период всеобщего благосостояния, по прошествии лет, главный герой, будучи взрослым, воспринимает глубже: «под этой поверхностью мир все так же погряз в войнах, интригах и терроризме, как и всегда» (men där under var världen lika dränkt i krig, ränker och terrorism som alltid)²⁵⁵, «в каждой сказке, достойной упоминания, есть бездонная темнота, и эта темнота идет из прошлого» (i varje saga värd namnet finns ett bråddjupt mörker, loch det mörkret kommer från det förflutna)²⁵⁶.

Как и другие романы Ч. Вестё, роман «Серно-желтое небо» исторически правдоподобен. Теме гражданской войны здесь уделяется меньшее внимание, однако отголоски, тем не менее, находят свое воплощение. Мать главного героя становится хранителем памяти о прошедших событиях, хотя он сам не так трепетно относится к сохранению прошлого. От отмечает один из своих дней рождения в гостях у матери, и их разговор постепенно сводится к тем артефактам времен второй мировой войны, которые она хранит у себя в квартире: весточки с фронта, благодарственное письмо и многое другое. Они вспоминают события давно ушедших дней, и воспоминания о войне в данном контексте звучат по-новому. Если в более ранних произведениях герои Ч.Вестё пытаются переосмыслить переживания многих страданий и потерь, то

---

²⁵⁴ Westö K. Den svavelgula himmelen. Albert Bonniers förlag. Stockholm. S. 21.

²⁵⁵ Ibid., S. 19.

²⁵⁶ Ibid., S. 23.

в романе «Серно-желтое небо» размышления приобретают философский характер. Мать и сын рассуждают, что солдат, убивший дедушку главного героя, мог быть виноделом из Грузии, скучавшим по солнцу родной страны, а также о том, что «раньше половина солдат во время стрельбы целились мимо. Сегодня мы убиваем более старательно» (Förr i tiden siktade hälften av soldaterna förbi med flit när det var krig. Vi är ivrigare på att döda idag)²⁵⁷. Даже тяготы послевоенных лет, непосредственно затронувшие родителей главного героя, читатель видит сквозь призму детского восприятия. Маленький мальчик живо рисует в своем воображении картины лишений, которые пришлось на долю его отца и матери: «Папа был родом из сельской местности, так же, как и мама, они родились до войн, и их детство было весьма скудным. Перед моими глазами стояли картины: вот они питаются кашей из ржаной муки и соленой рыбой, и только по воскресеньям после церковной службы добавляют в нее кусочек масла, носят хворост на больной спине, им грозят болезни вроде рахита и цинги» (Far kom från landet liksom mor, de var födda före krigen och båda hade haft det knapert som barn. Jag såg framför mig hur de levt på rågmjölgröt och saltad fisk och burit ved med värkande ryggar, bara på söndagarna efter högmässan fick de en smörklick i gröten och sjukdomar som rakitis och skörbjugg hotade ständigt)²⁵⁸. В то же время герой осознает, что эти картины – плод воображения, появившиеся после чтения книг.

Таким образом, военная тема в данном романе представлена в меньшем объеме и более сдержанно, внимание автора устремлено скорее на влияние непосредственно происходящих событий на становление личности героя, чем на преломление прошедших событий в его характере.

Семья главного героя, а также его друзья и родные проходят через многие испытания на протяжении произведения: влюбляются и расстаются, наживают состояние и теряют его, находят друзей и становятся чужими друг для друга. Системообразующим фактором, объединяющим пеструю череду

---

²⁵⁷ Westö K. Westö K. Den svavelgula himmelen. Albert Bonniers förlag. Stockholm. S. 315.

²⁵⁸ Ibid. S. 19–20.

событий, становится поместье Рамсвик, родовое гнездо семьи Рабелль. Именно там гостит главный герой, и из окна видит на рассвете то самое серно-желтое небо. Поместье представляет большую ценность для всех, кроме главного наследника – Алекса Рабелль. Он стал успешным бизнесменом, и для него в первую очередь важна выгода, и он решается продать дом, расставаясь с воспоминаниями детства: «Вы, представители классов, стремящихся наверх, не понимаете этого. Вы фокусируетесь на том, чтобы найти место, где вы сможете пустить корни. Вы не представляете, каково это, управлять доставшимся состоянием. Приходит момент, когда нужно расстаться со старым, чтобы приобрести что-то больше и новее. В этот момент сентиментальность – главный враг» (Ni som kommer från från de uppåtsträvande klasserna förstår inte det här. Ni förstår inte hur det är att förvalta en gammal förmögenhet. Hela ert fokus är lagt på att hitta ett ställe där ni kan rota er. Det finns stunder då man måste göra sig av med gamla tillgångar för att kunna skaffa nya och större)²⁵⁹. Важным в данном случае является упоминание в разговоре с главным героем классового различия. Несмотря на то, что вслух эта разница не подчеркивалась, Алекс и его собеседник понимают, насколько велико расстояние между ними. Их детская дружба продолжилась на протяжении всей жизни, однако один из них приумножил состояние, которое получил от отца, а второй находится в более скромных условиях, хоть и не бедствует. Доход от единственного успешного романа главный герой вложил в участок земли. Как и отец, он действительно хочет «пустить корни» в Хельсинки. Несмотря на то, что в наследство от матери он получил небольшой надел в северной части Финляндии, остаться он захотел «в иерархичной шведоязычной Нюланд с ее гордой, но поблекшей историей, ее феодальными отношениями, где я чувствовал себя как дома» (här i det hierarkiska svenskspråkiga Nyland med det stolta men falnade historia och dess feodala attityder, här där jag hörde hemma)²⁶⁰. Освоить купленный участок ему и

---

²⁵⁹ Westö K. Den svavelgula himmelen. Albert Bonniers förlag. Stockholm. S. 245.

²⁶⁰ Ibid. S. 379.

помогает совет отца, который считает, что необходимо дать ему название. Результат этого разговора читателю неизвестен, главный герой предлагает отцу помочь ему с выбором названия²⁶¹. Есть в романе описание периода экономического кризиса, затронувшего Финляндию в 1990-х. Главный герой, увидев перед собой рекламу путешествия в Прагу: «Узнай Запад, Запад прекрасен» размышляет о том, к какой категории отнести Хельсинки: город, который принадлежит к прекрасным («the best»), или город, который должен узнать Запад «test the West»²⁶²? Тем самым, герой размышляет над тем, каким будет выход из кризиса для Финляндии и решает для себя, в чью пользу сделать выбор. Ответа в тот момент он не находит. К концу романа читатель узнает, что главный герой всю свою сознательную жизнь провел в Хельсинки и сроднился с этим городом, но предпочитает съемную квартиру и купленный участок собственному дому: этот выбор повторяет судьбу его родителей. Город в зрелом возрасте он воспринимает без разделения на шведскую и финскую часть, но предпочитает находиться в стороне от шума и суеты центральной его части: «центр стал для меня словно бы чужой страной, там была вотчина молодого поколения, их бары, клубы и отели» (*centrum hade blivit som främmande land för mig, det var nya generationer som levde och härskade där, det var deras barer och klubbar och hotell*)²⁶³. Тем самым, главный герой действительно «укореняется» в Хельсинки, тогда как его друг, Алекс Рабелль, теряет связь с родной землей, поскольку продает дом, в котором вырос.

Роман «Серно-желтое небо» не содержит противопоставления шведоязычного и финноязычного населения Финляндии, поскольку повествование сосредоточено на героях, разговаривающих по-шведски. Они владеют не только шведским, но и финским и английским, немецким языками. Противопоставление появляется в тот момент, когда мы узнаем о разнице в экономическом состоянии главных героев и их отношении к своей малой

---

²⁶¹ Westö K. Den svavelgula himmelen. Albert Bonniers förlag. Stockholm. S. 277.

²⁶² Ibid., S. 249.

²⁶³ Ibid., S. 10.

родине. Главный герой обретает видимость этого родового гнезда дома у своего друга, но обретает его только в тот момент, когда сам становится владельцем земельного участка. В то же время он сохраняет связь с Хельсинки, обретает «корни». Образ родного города у Вестё имеет точки пересечения с образом Хельсинки в шведоязычной поэзии Финляндии. В стихотворении «Мой город» (Min stad, 1951) Эльмера Диктониуса, посвященном 400-летию Хельсинки, урбанистический пейзаж также показан через восприятие ребенка.

«Город мой, город –	Min stad –
Серый город моего детства...	min barndoms gråa stad...
Там – ни золота, и ни роскоши, и ни блеска...» ²⁶⁴	Där fanns ej guld ej glans ej prakt... ²⁶⁵

(Перевод Б. Окуджавы)

Что связывает героя с Хельсинки? Воспоминание о семейной вилле, «бесконечное чтение, скучные занятия в школе», (böckersläsnings början utan slut samt skolen – trist), игра на скрипке. То же, что связывает героя Челя Вестё с родительским домом. Но эти воспоминания приносят лирическому герою утешение, помогают ему держаться в суровой реальности. И потому лирический герой стихотворения сохраняет связь с Хельсинки

С тех пор,	Visst har man suttit, smuttat,
Куда бы судьба не забросила	gnottat lite allestans,
(городов на земле ведь,	där städer satt som lopper
как блох на хвосте	på en svans. Mest hungrig,
у собаки),	törstig med och klackarna på
в какие б ни завела города	Men minnet av min stad stod
(а они все голодные,	tröstande breve ²⁶⁷ .
Все, как стоптанные каблуки),	

²⁶⁴ Диктониус Э. Колочее пламя. Перевод с финского и шведского под ред. Л.Тоома. М.: Прогресс, 1969, С.149.

²⁶⁵ Diktonius E. Samlade dikter. Intr. T. Warburton, A. Gedin .Helsingfors: Schildts,1987. S.33.

²⁶⁷ Diktonius E. Op. cit. S. 34.

Воспоминание о тебе, Хельсинки,
Всегда меня утешает.²⁶⁶
(Перевод Б.Окуджавы)

Поиск своего места в жизни заканчивается, но не заканчивается поиск себя и новых смыслов для литературного творчества.

3.2. Образ родины в творчестве Ч. Вестё

Творчество Челя Вестё было выбрано для анализа в рамках данного исследования, поскольку в его романах история Финляндии и история Хельсинки занимает важное место.

Еще в 1992 году вышел сборник «Дело Брууса: три рассказа» (Fallet Bruus: Tre berättelser). Одна из повестей этого сборника «Мелба, Маллинен и я» (Melba, Mallinen och jag) – иллюстрация восприятия родины шведоязычным подростком, а затем и взрослым человеком в 1970-х годах. Повесть была переведена на русский язык Зинаидой Линден. На материале этой повести особенно отчетливо отображается разница между финнами, финляндскими шведами и шведами. Лейтмотивом всего произведения является мысль о взрослении и становлении человека под влиянием обстоятельств и окружения, одна из главных ролей при этом отводится лингвистическому фактору. Ч. Вестё описывает «время, когда личност еще точно влажный цемент, на котором оставляют отпечатки ладоней кинозвезды» (mest formbara år, de då man är som den våta cementen som filmstjärnorna trycker handflatan i, inföll under 1970-talet)²⁶⁸.

Сюжетную основу составляет история шведоязычного мальчика, Кеннета Бакмана, который вместе с родителями переезжает в ту часть Гельсингфорса, в которой преобладает финский язык. Очень быстро он

---

²⁶⁶ Диктониус Э. Колючее пламя. Перевод с финского и шведского под ред. Л.Тоома. М.: Прогресс, 1969, С. 149.

²⁶⁸ Вестё Ч. Мелба, Маллинен и я // Север. 2001. № 10–11. С. 53; Westö K. Melba, Manninen och jag / Fallet Bruus: tre berättelser. Jyväskylä Gummerus Printing. 1992. S. 11.

понимает, что финляндских шведов здесь не любят. На протяжении всего его периода взросления его третирует один из мальчиков, живущих по соседству. На примере этого противостояния раскрывается конфликт между финским и шведским в пределах одного двора, одного города.

Наиболее остро противостояние ощущается в юном возрасте героев, когда шведоязычный мальчик не может защитить себя и избежать встречи с агрессором. Его называют Мелба (название десерта с персиком), настоящее имя читателю неизвестно. Очень быстро между главным героем и Мелбой назревает конфликт, но поскольку Мелба выше и физически сильнее, шансов у Кеннета нет. Мальчик, пытаясь найти причину этой неприязни, делает вывод, что «виной всему мой родной язык» (*det var mitt hemspråk som var felet*)²⁶⁹. Повествование ведется от лица повзрослевшего героя, в связи с этим читатель имеет возможность увидеть события одновременно и с позиции взрослого, и с позиции ребенка. В частности, главный герой отмечает, что «каким человеком я мог бы стать, родился я с чувством принадлежности к безусловному большинству и имей я неоспоримое право на такую же жизнь» (*hurdan människa jag skulle ha blivit om jag vuxit upp med känslan av att höra till en enkel majoritet och ha obestridlig bosättningsrätt*)²⁷⁰. История взросления главного героя – история слабого человека, который не справляется с трудностями, предает друга, свою футбольную команду, бросает родину и возвращается обратно. В попытке компенсировать свое унижительное положение, мальчик пытается слиться с большинством, стать похожим на окружающих. К примеру, он заявляет родителям, что по достижении совершеннолетия хочет сменить фамилию на финский аналог – Мякимиес. Сделал он это или нет, читателю неизвестно, однако уже сама мысль об этом подтверждает желание подростка подстроиться под окружающую среду.

---

²⁶⁹ Весте Ч. Мелба, Маллинен и я // Север. 2001. № 10–11. С. 56; Westö K. Melba, Manninen och jag / Fallet Bruus: tre berättelser. Jyväskylä Gummerus Printing. 1992. S. 22.

²⁷⁰ Там же. С. 56; Ibid. S. 22.

Следующее противопоставление, которое прослеживается в повести, касается финского и шведского языков, которыми владеет сам Кеннет. Ч. Вестё отмечает в повести разницу в шведском, на котором говорит главный герой, и тем шведским, на котором общаются его родственники из шведской части Финляндии. Как отмечает сам мальчик, «что же касается моего собственного языка (если о нем вообще можно было говорить: я ведь уже возвел имитацию и подражание в ранг условий выживания), то он был уже перемешан с большим количеством финских слов» (Mitt eget språk (om man kunde tala om ett sådant, jag hade redan gjort erfarenheten att imitation och efterapning hörde till överlevandets dygder) var redan uppblandat med en stor mängd finska ord).²⁷¹ Вновь автор делает акцент на двойственном положении мальчика: с одной стороны, он хочет примкнуть к большинству, с другой стороны, влияние семьи и происхождения остается неискоренимым.

Наконец, отметим, как раскрывается в повести «Мелба, Маллинен и я» выбор между Швецией и Финляндией, который для себя делает главный герой. Он бывает у родственников в Швеции, еще будучи подростком. Казалось бы, что он находился в своей семье, говорил по-шведски, однако разница между ними все же заметна, как лингвистическая (финский вариант шведского и шведский, на котором разговаривают в Швеции, действительно отличаются). В Швеции к финнам относительно с пренебрежением, рассказывают про них анекдоты, а для окружающих важно, что мальчик не просто финн, а финляндский швед. Поэтому Кеннет говорит следующее: «Я был очень рад, когда мой самолет поднялся из аэропорта Арланда» (Jag var mycket glad när flyget lyfte från Arlanda)²⁷².

Чем старше Кеннет становится, тем сильнее ощущает свою связь с родной страной, и для него это именно Финляндия. Мысли об этом несколько раз встречаются в тексте повести. Главный герой понимает, что эмоционально

---

²⁷¹ Westö K. Melba, Manninen och jag / Fallet Bruus: tre berättelser. Jyväskylä Gummerus Printing. 1992. S. 50.

²⁷² Вестё Ч. Мелба, Маллинен и я // Север. 2001. № 10–11. С. 71; Westö K. Melba, Manninen och jag / Fallet Bruus: tre berättelser. Jyväskylä Gummerus Printing. 1992. S. 59.

ему ближе финны, даже несмотря на то, что во многом в Швеции живется лучше: «Я понял, что являюсь пленником этой страны, которой я не понимал и которая не понимала меня. Она въелась в меня. Раз и навсегда я стал гельсингфорсцем. По причине диффузности самого города Гельсингфорса это означает – быть вообще ничем и гордиться этим» (Jag blev en gång för alla helsingforsare, vilket på grund av stadens diffusa karaktär betyder att vara ingenting alls, och vara stolt över det)²⁷³.

С детских лет Кеннет ищет точки соприкосновения с финноязычной Финляндией, учит финские словечки, смотрит финский футбол, слушает финскую музыку. К примеру, так он описывает победу финской футбольной команды: «я ощущал себя финном, примерно одной пятимиллионной частью сильной и могучей спортивной нации» (jag var finländare, en femmiljontedel ungefär av en stark och mäktig idrottsnation)²⁷⁴. Однако для своих финских соседей он по-прежнему остается «лишь епископом Хенриком, Класом Флемингом или господином Де ла Гарди, когда-то случайно искалечившим их собрата» (för dem var jag bara biskop Henrik eller Klas Fleming eller Herr De la Gardie som en gång råkat lemlästa deras broder)²⁷⁵.

В качестве обобщения отметим, что Чель Вестё в повести «Мелба, Маллинен и я» через внутренний мир своего героя раскрывает проблему финляндского шведа в финском окружении. С одной стороны, Кеннет Бакман отмечает: «были, безусловно, и в моей жизни периоды, когда я был готов на все, лишь бы стать достойным своей родины, лишь бы слиться с ней»²⁷⁶. По прошествии лет он покидает родину в поисках родственных душ и переезжает в Швецию, однако связь с родиной крепка, он понимает, что его место в Финляндии.

Весьма интересна характеристика, которой Ч. Вестё описывает свою страну: «мое отечество, как прежде, вызывает ассоциации не столько со

---

²⁷³ Вестё Ч. Мелба, Маллинен и я // Север. 2001. № 10–11. С. 71; Westö K. Melba, Manninen och jag / Fallet Bruus: tre berättelser. Jyväskylä Gummerus Printing. 1992. S. 60.

²⁷⁴ Там же С. 83; Ibid. S. 96.

²⁷⁵ Westö K. Melba, Manninen och jag / Fallet Bruus: tre berättelser. Jyväskylä Gummerus Printing. 1992. S. 60.

²⁷⁶ Вестё Ч. Мелба, Маллинен и я // Север. 2001. № 10–11. С. 80.

Стокгольмом, сколько с тем русским солдатом, который, сидя на бронетранспортере во время августовского переворота 1991-го года, бросил какому-то иностранному журналисту: «На кой черт вы тут лезете с вашими идиотскими вопросами? Россия – угрюмая страна, все равно вы в ней ничего не поймете»²⁷⁷ (Mitt hemland påminner fortfarande, mer än om Stockholm, om den ryska soldat som, sittande på en pansarvagn under augustikuppen 1991, sade åt en utländsk journalist: «Vad ställer ni era idiotiska frågor för? Ryssland är ett dystert land, inte begriper ni ändå något av det»). Параллель с Россией, несомненно, подчеркивает ту тесную ментальную связь со странами, которая существует несмотря на государственные границы. Финляндия, как и Россия – тайна, которую можно прочувствовать и разгадать только изнутри.

Читатель видит в этой повести не только образ разделенного на две части Гельсингфорса, но и воспринимает характеристики, которыми автор наделяет свою страну глазами героя повести. Финляндия близка ему, это действительно та страна, в которой он хочет находиться. Швеция и Финляндия глазами Ч. Вестё и Кеннета Бакмана близки географически, но далеки эмоционально. Сам же герой, несмотря на сложности, с которыми встречается в пределах родины, ассоциирует себя именно с ней: «Кто я сам? Я – дрейфующее по волнам дерево, словно сама моя родина» (Vem är jag? Jag är drivved som mitt hemland hur det än sprattlar i strömmen)²⁷⁸.

В романах «Там, где мы бродили однажды», «Мираж 38», «Серно-желтое небо» описываемый временной промежуток – XX век. Обязательный элемент сюжетов его произведений – исторические и географические реалии описываемого времени. Ч. Вестё упоминает реально существующие улицы, районы городов, топосы в пределах Финляндии и даже за ее границами. Глубина историзма в повествованиях достигается за счет погружения в воспоминания главных и второстепенных героев. В ранее упомянутых

---

²⁷⁷ Вестё Ч. Мелба, Маллинен и я // Север. 2001. № 10–11. С. 83; Westö K. Melba, Manninen och jag / Fallet Bruus: tre berättelser. Jyväskylä Gummerus Printing. 1992. S. 96.

²⁷⁸ Там же. С. 85; Ibid. S. 102.

романах повествование ведется от лица автора, за счет этого автор показывает мысли своих героев, их субъективное восприятие действительности и объективную реальность произведения.

В изображении родины в произведениях Ч. Вестё прослеживаются черты, которые описал в своем труде М.М. Бахтин: «Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого»²⁷⁹. Именно так и происходит с героями Ч. Вестё. Свое место в мире они ищут в соприкосновении с «иными»: людьми разного дохода, разного социального статуса, носителями разных языков. Эрик Видинг, герой романа «Там, где мы бродили однажды», переосмысливает противоборство сторон в гражданской войне и находит, что его первоначальные взгляды меняются, а растущий после войны город бросает новые вызовы тем, кто ищет себе применение. Клас Туне из романа «Мираж 38» открывает для себя новый мир финского Хельсинки благодаря секретарю и ее кругу общения. Мальчик из бедной семьи сталкивается с неравенством, но расширяет свой кругозор благодаря своим состоятельным друзьям.

«Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже...Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих культур»²⁸⁰.

Йорн Доннер, шведоязычный финский писатель и журналист, (о нем вспоминает главный повести Ч.Вестё «Кристиан Ланг...») в своей многотомной «Новой книге о родном крае» (*Nya boken om vårt land*, 1967) приходит к выводу, что «не нужно создавать искусственное единство там, где его нет. Национальное развитие Финляндии, которое в то же время является интернациональным, прежде всего требует, чтобы мы извлекали выгоду из

---

²⁷⁹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. Москва. Искусство. 1986. С. 330.

²⁸⁰ Там же. С. 354

различных мнений (от себя добавим – языков – И.М) и соглашались лишь на определенные правила взаимности: эти правила и являются нашей единственной национальной идеологией. Тогда и в глазах человечества мог бы быть создан образ Финляндии». (Konstlad enighet behöver inte skapas där den inte finns. En nationell utveckling av Finland, som samtidigt innebär landets internationalisering, kräver framför allt att man drar vinning av olika åsikter, och bara enas om vissa regler av ömsesidig hänsyn: dessa regler är i så fall vår enda nationella ideologi. Under sådana förutsättningar tror jag att det skulle skapas en bild av Finland i världen)²⁸¹.

Таким образом, наиболее яркими особенностями изображения Финляндии в творчестве Челя Вестё являются: построение сюжетных линий с опорой на реальные события, описание развития личности персонажей в контексте истории Финляндии; Писатели опирается на реальные исторические события, уделяет внимание деталям, характерным для изображаемого периода. Зачастую в этой роли выступает культурный контекст. Чель Вестё погружает читателей в историю разных поколений и устанавливает связи между прошлым и настоящим, часто при помощи внедренных в текст воспоминаний. Историческим фоном автор выбирает события XX века, концентрируясь на жизни Хельсинки, а не провинциальных районов, а в качестве главных героев выступают именно представители шведской части города. Финляндия и шведский Гельсингфорс для них – родина, несмотря на языковые различия, именно здесь ощущается важность общих исторических корней, тесно связывающих финскую и шведскую часть общества: «В каждом месте, где побывал человек, остается память о нем. Она невидима для большинства, но совершенно четкий образ предстает перед теми, кто знает и любит этого человека каждый раз, когда они там проходят. Пока существуют любящие люди, существует и образ, даже если того, кто ходил, уже нет в живых. Вот почему иногда от улицы, по которой мы идем, поднимается

---

²⁸¹ Donner J. Nya boken om vårt land. Helsingfors: Söderström & Co, 1967. S. 480.

неожиданное тепло» (På varje ställe där en mänska gått finns ett minne av henne. Det är osynligt för de flesta, men för dem som känner och älskar dendär mänskan är det en alldeles tydlig bild som de ser framför sig varje gång de går förbi. Så länge de älskande mänskorna finns kvar så finns också bilden kvar, också när hon som gått där råkat dö. Det är därför det ibland stiger en plötslig värme från gatan där vi går)²⁸².

---

²⁸² Westö K. Där vi en gång gått. Stockholm: Norstedts, 2006. S. 345–346.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе впервые в отечественном литературоведении предпринята попытка анализа художественного восприятия и изображения родины в творчестве писателей, положение которых уникально.

Анализ исторических особенностей существования шведского языка в Финляндии показал, что шведская литература Финляндии представляет собой уникальное художественное явление. Как и любая национальная литература, она тесно связана с культурой страны, в рамках которой существует, лингвистически связана со Швецией и одновременно отзывается на общеевропейские литературные тенденции. С течением времени изменялся статус шведского языка в Финляндии, сокращалось (в процентном соотношении) количество его носителей, реформировалось законодательство. Однако шведский язык в Финляндии по-прежнему жив, и его носители принимают активное участие в культурной жизни страны.

История и современность Финляндии становятся предметом осмысления шведоязычных писателей страны на протяжении всего рассматриваемого в исследовании периода. Общность тематики, к которой на протяжении долгого времени обращаются писатели, послужила толчком для проведения исследования на литературном материале, принадлежащем перу нескольких писателей из различных исторических периодов. Для анализа были выбраны три ярких представителя шведской литературы Финляндии трех разных исторических периодов. Общим для каждого из трех авторов стало художественное изображение истории родной страны, показанное с точки зрения финляндского шведа.

Отправной точкой, к которой обращались многие писатели Финляндии в своих размышлениях о судьбах родины, были произведения классиков финской литературы – Ю.Л. Рунеберга и З. Топелиуса. Их идеалистическое восприятие жизни народа, крестьянского быта вполне соответствовало духу времени, когда они создавали свои произведения.

Карл Август Тавастшерна как один из основоположников реалистического романа в Финляндии, осветил назревающие осложнения между финским и шведским населением страны, насущные проблемы людей, отказавшись от романтического воспевания прошлого Рунебергом и Топелиусом. В романе «Трудные времена» представлена картина финского общества, в структуре которого происходят существенные изменения. В крестьянской среде традиционные ценности, воспетые Ю.Л. Рунебергом, более неактуальны. Для того, чтобы пережить голодные и трудные времена, хороши любые способы. Шведская аристократия и правящая верхушка также не могут справиться с природным катаклизмом и помочь крестьянам. Символом новой морали становится железная дорога, образ которой появляется и произведениях других финских писателей (наиболее яркий пример – Ю. Ахо).

Творческое осмысление судьбы самого автора находим в его романе «Патриот без родины». Ни в одной из стран, где побывал главный герой романа, он не смог найти пристанища. Он знаком со многими культурами, однако его сердце принадлежит Финляндии, консервативной и недоверчивой по отношению к не похожим на других людям, но, тем не менее, бесконечно любимой. Тем не менее, путь обратно на родину, к своим истокам, для главного героя закрыт. Основной его характеристикой на протяжении всего произведения становится одиночество.

Мотив одиночества и потери родины в полной мере нашел свое отражение не только в романах, но и в поздней лирике К.А. Тавастшерны, как и тревога за свое будущее и будущее страны. Лирические герои его произведений ощущают, как неотвратимы процессы изменений. Тем самым, в творчестве К. А. Тавастшерны в различных аспектах воплощается мотив потерянной родины: от появления дистанции с нею до осознания необратимых изменений, разительно меняющий когда-то знакомый облик Финляндии.

Начало XX века – время ожесточенных дискуссий о судьбе шведского языка, а вместе с тем о судьбе шведского населения Финляндии. Решался

вопрос либо ориентироваться на Швецию и сохранять тесную связь с ней, либо развивать самобытность финляндского шведского. Большая часть противоречий в этом вопросе была снята в 1917 г. после выхода в свет книги ученого Хьюго Бергрута (Hugo Bergroth, 1866–1937) «Финляндский шведский» (Finlandssvenska). В письменном языке Х. Бергрут допускал лишь незначительные отклонения от «нормы». По его мнению, судьба финляндских шведов как особенной группы граждан Финляндии тесно связана с близостью языка к «образцу» из Швеции. Поэтому ученый подчеркивал необходимость приближения шведского в стране к «высокому шведскому», хотя он старался избегать крайностей и оставлял возможность употребления некоторых финляндизмов: «Несмотря на свое незавидное теперешнее положение, на ослабление политического влияния, шведская нация Финляндии еще имеет значение в стране в значительной степени благодаря тому, что ее родной язык – шведский – часть древней высокой культуры. Если наступит день, когда наш язык и нашу культуру более нельзя будет назвать шведскими, то наша судьба, без сомнения, предрешена, более мы ничего не будем значить» (Att den svenska nationaliteten i Finland, trots sin numeriska underlägsenhet, och oaktat dess politiska maktställning uppgivits, ännu utgör en så betydande faktor i landets liv, beror väsentligen därpå, att den är svensk, att dess modersmål är ett språk som uppbär en gammal hög kultur. Kommer den dag, då vårt språk och vår odling icke längre kunna kallas svenska, då är utan tvivel vårt öde beseglat, då betyda vi intet mer²⁸³).

Герои литературных произведений финляндских шведов размышляют о судьбе шведского языка в Финляндии. Создавая образы своих героев, писатели используют не только художественные средства выразительности, но и выявляют языковые особенности в их речи, рассматривают судьбы персонажей не только на художественном, но и сугубо на лингвистическом уровне.

---

²⁸³ Bergroth H. Det svenska scenspråket i Finland [Электронный ресурс]. S. 325. Режим доступа: <http://www.sls.fi/sites/default/files/pdf/1323.pdf> (дата обращения: 26.09.2017).

Рунар Шильдт, описывая жизнь своих соотечественников начала XX века, передает пессимистические настроения, царившие в среде молодежи, вызванные и кардинальным изменением языковой ситуации в стране, и внелитературными и внелингвистическими причинами. Анализ эстетики группы писателей-«дагдриваре», вошедших в историю литературы романами о молодых людях, выбитых из колеи жизни, празднующихся, позволяет сделать вывод, что данное явление в финско-шведской среде уникально. Художественные произведения, мировоззренческие установки этой группы писателей впервые в отечественном литературоведении попадают в исследовательское поле зрения.

Раннее творчество Рунара Шильдта ярко воплощает в себе основные отличительные особенности писателей-«дагдриваре». Мотив одиночества, растерянности, поиск лирическими героями своего места в новом мире – все это передано в творчестве писателя с художественной достоверностью. Переосмысление финляндскими шведами своей социальной роли, осознание того, что отныне они являются национальным меньшинством, а историческая роль привилегированной верхушки общества не соответствует действительности, становится вызовом для молодежи. Многие герои ранних новелл Р. Шильдта ищут свою цель в жизни, хоть какой-то смысл существования, но зачастую не находят.

Художественное изображение гражданской войны Финляндии 1918 года характеризуется вниманием к возникнувшему в обществе расколу, приводящему к ощущению катастрофы, стирающей привычный мир. Р. Шильдт раскрывает образы типичных представителей своих соотечественников, которые вступают в трагическое противостояние, разделяющее некогда близких людей. Исторические события в новеллах и драматических произведениях Р. Шильдта раскрываются через судьбы конкретных людей, которые и после окончания военных событий ощущают одиночество. Тем не менее, надежда на воссоединение остается, и к нему автор

призывает своих читателей, поскольку на первый план выходят личностные качества каждого человека.

Дальнейшее развитие прозы финляндских шведов подтверждает важность темы гражданской войны для писателей, осмысливающих историю родины в литературных произведениях, что одинаково важно и для финских писателей. В этом контексте литература Финляндии на финском и шведском языках сближается тематически.

Наконец, анализ романов Ч. Вестё показал, что в его творчестве образ родины совпадает с изображением родного города, внутри которого и рядом с которым существуют персонажи его произведений. Обращение к Хельсинки и существующему внутри него шведскому Гельсингфорсу вновь отсылает нас к противопоставлению финского и шведского самосознания внутри одного города, одной страны.

Характерной особенностью романов Ч. Вестё является историческая достоверность, сопряженная с художественным вымыслом. Читатель, знакомый с финской и шведской действительностью, легко ориентируется в изображенных Ч. Весте топосах. Достоверности добавляет и погружение в социальный и культурный контекст описываемого периода.

Насыщенная деталями ткань повествования расширяется и путем включения в него отсылок на известные, новостные заметки, подлинные документы, литературные произведения других писателей. В контексте нашего исследования представляется важным отметить, что именно в романе Ч. Вестё мы встречаем отсылку к творчеству К.А. Тавастшерны. Один из героев романа «Мираж 38» рассказывает историю о кончине знаменитого финского писателя, который хотел восстановить свою способность к творчеству на лоне природы. Вольный пересказ эссе Сельмы Лагерлёф²⁸⁴ «Последнее лето Тавастшерны» заканчивается выводом: «Нужно знать, когда пора заканчивать, - пробормотал Яри. - В этом все дело, нужно знать, когда

---

²⁸⁴ Сельма Лагерлёф (1858-1940, Selma Lagerlöf) шведская писательница, первая женщина лауреат Нобелевской премии по литературе.

пора заканчивать» (Man bör veta när det är dags att sluta, mumlade Jary. Det är hela saken, man ska veta när det är dags att sluta)²⁸⁵.

Творчество Ч. Вестё в работе анализируется в рамках XX века, несмотря на то что дата создания произведений относится к XXI веку. Автор концентрируется на описании жизни в Хельсинки, а не в провинциальных районах, а в качестве главных героев выступают именно представители шведской части города. Тем самым, Чель Вестё привлекает внимание вопросу сосуществования различных групп населения, в том числе и носителей разных языков, и предлагает фундамент для объединения людей, построения единого общества, в том числе через интеркультурное взаимодействие. Финляндия в его восприятии – истинная родина для шведоязычного населения, с какими бы трудностями оно ни сталкивалось.

Ч. Вестё неоднократно обращается к теме гражданской войны, сопоставляя группы «своих» и «чужих» в пределах одной страны. Рассматривая данные оппозиции на разном историческом материале, автор предлагает возможности урегулирования противоречий через осознание различий и попытку понять тех, кто находится на другой стороне.

Изображение Финляндии в творчестве трех писателей, представляющих разные исторические эпохи, проходит эволюцию. Размышления о «потерянной родине», о которой представители шведской части Финляндии задумывались, и потерю которой предугадывали, воплотились в начале XX века в творчестве писателей, своими произведениями призывавших людей выстроить новое общество. Гражданская война ускорила этот процесс, и после Второй мировой войны языковое противостояние сгладилось. Тем не менее, современные писатели продолжают обращаться к истории шведской Финляндии, прослеживая исторические параллели между поколениями.

---

²⁸⁵ Westö K. Hägring 38. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2013. S. 249.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Вестё Ч. Кристиан Ланг – человек без запаха / Пер. М. Людковской. М.: Текст, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/book/veste_chel/kristian_lang_chelovek_bez_zapaha.html (дата обращения: 23.02.2024).
2. Вестё Ч. Мелба, Маллинен и я / Пер. З. Линден // Север, 2001. № 10-11. С.52-85.
Гарднер В. У Финского залива: Избранная лирика. Сост. Т.Пахмусс, Б. Хеллман. Хельсинки: Гранит, 1990. 180 с.
3. Диктониус Э. Рассказы и зарисовки// Диктониус Э. Рассказы и зарисовки. Нурдгрэн А. Гори, огонь. Бундестам А. Пропась. Чильман К., Милейший принц. Пер. с швед. М.: Прогресс. 1979. С.7–82.
4. Диктониус Э. Колючее пламя. Пер. с финского и шведского под ред. Л.Тоома. М.: Прогресс, 1969. 158 с.
5. Нурдгрэн А. Гори, огонь // Диктониус Э. Рассказы и зарисовки. Нурдгрэн А. Гори огонь. Бундестам А. Пропась. Чильман К. Милейший принц. Пер. с швед. М.: Прогресс. 1979. С. 85–245.
6. Сборник финляндской литературы. Под ред. В. Брюсова и М. Горького. Петроград: Парус.1917. 490 с.
7. Diktonius E. Onnela. Helsingfors. 1925. 155 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litteraturbanken.se/f%C3%B6rfattare/DiktoniusE/titlar/Onnela/sida/10/etext> (дата обращения: 10.04.2024).
8. Diktonius E. Samlade dikter. Intr. T. Warburton, A. Gedin. Helsingfors: Schildts,1987. 470 s.

9. Donner J. Nya boken om vårt land. Helsingfors: Söderström & Co, 1967. 507 s.
10. Janson T. Inga medmänniskor. Åbo: Åbo tryckeri och tidnings aktiebolag. 1911. 125 s.
11. Janson T. Mitt Helsingfors. Helsingfors. Söderström & C:o förlagsaktiebolag. 1913. 96 s.
12. Runeberg J. Vårt land [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nykarlebyvyer.nu/sidor/texter/poesi/jlr/vartland.htm> (дата обращения: 29.10.2023).
13. Schildt R. Asmodeus och de tretton själarna samt tre noveller [Электронный ресурс]. Helsingfors: Holger Schildts Förlag, 1915. 220 s. Режим доступа: <http://runeberg.org/srasmodeus/> (дата обращения: 05.02.2017).
14. Schildt R. Den segrande Eros och andra berättelser [Электронный ресурс]. Helsingfors: Söderström & C:o Förlagsaktiebolag, 1912. 293 p. Режим доступа: <http://runeberg.org/sreros/> (дата обращения: 05.02.2017).
15. Schildt R. Häxskogen och andra noveller [Электронный ресурс]. Helsingfors: Holger Schildts Förlagsaktiebolag, 1920. 270 s. Режим доступа: <http://runeberg.org/srhaxskog/> (дата обращения: 05.02.2017).
16. Schildt R. Hemkomsten och andra noveller [Электронный ресурс]. Helsingfors: Holger Schildts Förlagsaktiebolag, 1919. 314 s. Режим доступа: <http://runeberg.org/srhemkomst/> (дата обращения: 05.02.2017).
17. Schildt R. Lyckoriddaren: skådespel i fem akter. Helsingfors: Holger Schildts tryckeri, 1923. 214 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://runeberg.org/srlycko/> (дата обращения: 05.02.2017).
18. Schildt R. Perdita och andra noveller [Электронный ресурс]. Helsingfors: Holger Schildts Förlag, 1918. 193 s. Режим доступа: <http://runeberg.org/srperdita/> (дата обращения: 05.02.2017).
19. Tavaststjerna K. A. Dikter [Электронный ресурс]. Helsingfors: Wentzel Hagelstams förlag, 1896. 143 s. Режим доступа: <http://runeberg.org/katdikter/> (дата обращения: 06.10.2017).

20. Tavaststjerna K. A. Dikter i väntan [Электронный ресурс]. Helsingfors: Finska litteratursällskapetets tryckeri, 1890. 175 p. Режим доступа: <http://runeberg.org/katdiv/> (дата обращения: 06.10.2017).
21. Tavaststjerna K. A. En patriot utan fosterland. Helsingfors: Söderström & C:o, 1896. 260 s.
22. Tavaststjerna K. A. Hårda tider. Helsingfors: Holger Schildts förlagsaktiebolag, 1925. 245 s.
23. Tavaststjerna K. A. Inföding. Borgå [Электронный ресурс]. Söderström, 1887. 294 p. Режим доступа: <http://runeberg.org/kateninfod/0010.html> (дата обращения: 05.02.2017).
24. Tavaststjerna K. A. Laureatus: Epopé i tretton sånger, jämte en samling efterlämnade lyriska dikter. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1897. 232 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://runeberg.org/katlaur/0053.html> (дата обращения: 29.09.2017).
25. Westö K. Där vi en gång gått. Stockholm: Norstedts, 2006. 509 s.
26. Westö K. Den svavelgula himlen. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2017. 475 s.
27. Westö K. Drakarna över Helsingfors. Stockholm: Bonnier, 1997. 448 s.
28. Westö K. Hägring 38. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2013. 299 s.
29. Westö K. Melba, Manninen och jag / Westö K. Fallet Bruus: tre berättelser. Jyväskylä. Gummerus Printing. 1992. 103 s.

Исследования, справочная и критическая литература

31. Абрамова, О. Г. О роли шведоязычной Финляндии в истории восприятия творчества В. Маяковского в Швеции / О.Г. Абрамова // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С.75–80.
32. Барышников В. Н. Сравнительный анализ особенностей идеологического и культурного воздействия ведущих и малых стран Европы

на примере отношений в 1920–1930 гг. Германии и СССР с Финляндией // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. № 3. С. 101–114.

33. Барышников В. Н. СССР и Финляндия: к вопросу об обстоятельствах и времени принятия решения о начале «зимней войны» // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2016. Вып. 2. С. 18–36.

34. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

35. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

36. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М. ЯСК. 2012. 505 с.

37. Богданов Е. В. Ницшеанство и декаданс в поэзии Л. Онерва // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель / науч. ред. Е. Г. Сойни. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 68–74.

38. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. Санкт-Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.

39. Возмилкина В. О. Английский социальный роман XIX века: истоки и эволюция [Электронный ресурс] // Движение времени и законы жанра: XVIII Всероссийская научно-практическая конференция словесников «Лейдермановские чтения», Екатеринбург, 4 апреля 2014 года / Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т филологии, культурологии и межкультур. коммуникации, каф. современ. рус. лит. Екатеринбург, 2014. С. 111–114. Режим доступа: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/1634/1/konf000197.pdf> (дата обращения: 25.05.2017).

40. Горная И. Н. Финская камерно-вокальная музыка XX века. Петрозаводск: Карелия, 2005. 392 с.

41. Гринберг С. А. Влияние белорусско-русского двуязычия на мировоззрение и национальное самосознание белорусов // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 326–330.

42. Дементьева А. М. Борьба между свекоманами и фенноманами как импульс для начала исследования шведского языка в Финляндии // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. 2016. № 4. С. 28–35.
43. Дементьева А. М. Лексические особенности шведского языка в Финляндии. Дисс. канд. фил. н. М., 2018. 200 с.
44. Ермакова О. С. Новелла А. Дюбфеста «Одинокий» в культурно-историческом контексте // Скандинавская филология. 2015. № 13. С. 44–52.
45. Жачемукова Б. М., Бешукова Ф. Б. Художественная специфика жанра исторического романа [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanra-istoricheskogo-romana> (дата обращения: 27.05.2020).
46. Зарубежная литература. XX век: курс лекций [Электронный ресурс] / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования "Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина"; [автор-составитель И. Ю. Вераксих]. Мозырь, 2010. 252 с. Режим доступа: URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/veraksich-hh-vek-kurs-leksij/leksiya-1.htm> (дата обращения 14.04.2024).
47. Иванченко Г. В., Леонтьев Д. А. Поэзия как междисциплинарный феномен: на перекрестке языка, культуры и личности // Поэзия: опыт междисциплинарного анализа / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева, Ю. Б. Орлицкого. М.: Смысл, 2015. С 9–29.
48. Илунина А. А. Теоретические аспекты проблемы интертекстуальности в современном литературоведении [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. № 4 (295). 2013. С. 36–39. Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/295/008.pdf> (дата обращения: 13.08.2018).
49. Кауппала П. Трансформация территориального управления Финляндии в течение XX – XXI веков // Европейский Север: проблемы территориального

управления и развития. Сб. Научных ст. Сост. С.И.Шубин. Архангельск, 2010. С.188–196.

50. Картушина Е. А. Три этапа формирования современной языковой ситуации в Финляндии // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2015. № 3. С. 19–36.

51. Карху Э.Г. Достоевский и финская литература. Петрозаводск: Карелия, 1978. 136 с.

52. Карху Э. Г. История литературы: XX век. Л.: Наука, 1990. 607 с.

53. Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. 510 с.

54. Катермина В.В. Языковая личность автора в художественном тексте // Человек. Культура. Образование. 2016. №2 (20). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-avtora-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 26.03.2024).

55. Конституция Финляндии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731_20111112.pdf (дата обращения: 29.10.2023).

56. Коровин А.В. Датская и исландская малая проза. М. Теис. 2011. 368 с.

57. Коровин А. В. Исландская литература в Америке (к вопросу о национальных границах в литературе) // Studia Litterarum. 2016. Том 1. № 1–2. С. 192–210.

58. Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. 1040 с.

59. Куцоба О. С., Колесников Д. Е. Положение шведского языка в Финляндии (исторический аспект) // Россия в глобальном мире. 2021. № 21 (44). С. 81–91.

60. Кьеркегор С. О. Страх и трепет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://berloga50.static.corbina.ru/%D0%94%20%D0%BE%20%D1%81%20%D1%82%20%D0%BE%20%D0%B5%20%D0%B2%20%D1%89%20%D0%B8%20>

[%D0%BD%20%D0%B0/Kierkegaard_strah_i_trepet.pdf](#) (дата обращения: 21.09.2017).

61. Мацевич А.А. Шведская литература от 1880-х годов до конца XX века: Словарь-справочник. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 312 с.

62. Мацевич А.А. Становление национальной самоидентификации в культуре и литературе скандинавских стран // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1, № 1–2. С. 171–191.

63. Миланова Д. Э. Большой шведско-русский словарь. М.: Живой язык, 2006. 760 с.

64. Мишин А.И. Творчество Эльмера Диктониуса и проблемы шведоязычной литературы Финляндии. Петрозаводск: Карелия, 1987. 119 с.

65. Мишин А.И. Шведоязычная литература Финляндии начала XX века // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск. «Карелия», 1991. С. 108–130.

66. Морозова И.В. Финно-американская идентичность и стратегии ее определения в современной финно-американской литературе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. №4. С. 642–653.

67. Неустроев В. П. Литература скандинавских стран (1870-1970). М.: Высшая школа, 1980. 279 с. Режим доступа: <https://www.norway-live.ru/library/literatura-skabdinavskih-stran9.html> (дата обращения - 02.02.2022).

68. Новикова Я. В. Формирование реалистической традиции изображения войны в финской прозе XX века // Уралистика Материалы 45 Международной филологической конференции. Под редакцией Н.Н. Колпаковой. 2016. С. 49–56.

69. Песонен П. Россия как мифологизированное пространство в современной финской литературе [Электронный ресурс] // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, 2011, вып. XII, с. 184–202. Режим доступа: https://www.ruthenia.ru/Stud_Russica_XII/Pesonen.pdf (дата обращения: 04.04.2021).

70. Погодин С.Н., Любина Д.Е. Особенности внутренней автономии

Аландских островов в составе Финляндии // Управленческое консультирование. 2021. №1 (145). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnutrenney-avtonomii-alandskih-ostrovov-v-sostave-finlyandii> (дата обращения: 11.05.2024).

71. Погребная Я.В. Актуальные тенденции развития мирового литературного процесса рубежа XX-XXI веков // Фундаментальные и прикладные научные исследования: инноватика в современном мире. Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции. В 3 частях. Часть 2. Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки. 2023. 257 с.

72. Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2006. 358 с.

73. Рубинс М. О. Литература в контексте транснациональной теории // XXII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды / Отв. ред. С. И. Богданов, Ю. В. Меньшикова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 275–283.

74. Сборник финляндской литературы / Под ред. В. Брюсова и М. Горького. Петроград: Парус, 1917. 490 с

75. Симбирцева Н. А. Фланер как интерпретатор текста культуры [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6959> (дата обращения: 30.08.2016).

76. Соболева М. Е. О возможности диалога между культурами // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 147–157.

77. Собрание шведского законодательства [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://uppslagsverket.fi/sv/sok/view-103684-Spraaklagstiftning> (дата обращения: 29.10.2023).

78. Сойни Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М.: ЯСК, 2017. 464 с.

79. Сойни Е. Г. Русская поэзия первой половины XX века и Финляндия. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 113 с.

80. Сойни Е. Г. Солоневичи и Север. Финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 244 с.
81. Сойни Е.Г. Финские неоромантики и русские символисты: сравнительно-типологический аспект // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. / Редкол.: Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 197–200.
82. Такала И. Р. От феннофильства к фенномании: Хенрик Габриэль Портан и становление национальной мысли Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 3 (140). С. 7–17.
83. Таркиайнен В. Очерк истории финляндской литературы XIX и XX вв. (пер. О. Вальстрем) // Сборник финляндской литературы 1917 г. под ред. В. Брюсова, М. Горького. Петроград: Парус, 1917. С.32–90.
84. Тихонова О. В. Скандинавская проза последних десятилетий: нарратологические модели и проблемное поле // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 47–50.
85. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Пресс, 2005. 1216 с.
86. Юссила О., Хентилия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009 / Предисл. Ю. С. Дерябина. М.: Весь мирт, 2010. 472 с.
87. Якушева Г. В. Запад и/или Восток (к проблеме преодоления западноцентризма в преподавании зарубежной литературы) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 783.
88. af Hällström-Rejonen Ch. Finlandismer och språkvård från 1800-talet till i dag. Helsingfors: Nordica, Helsingfors universitet, 2012. 116 s.

89. af Hällström-Rejonen Ch. Tavaststjerna i provinsialismernas snårskog. Det sverigesvenska förlagsargumentet i finlandssvensk språkvård [Электронный ресурс] // Språk & stil NF 17, 2007, s. 153–192. Режим доступа: <https://www.kotus.fi/files/912/152-192.PDF> (дата обращения: 15.05.2019).
90. Ahokas J. A History of Finnish Literature. Bloomington: Indiana University Press. 1973. 568 p.
91. Barck P. O. Arvid Mörne och sekelskiftets Finland. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1953. 420 s.
92. Bergroth H. Det svenska scenspråket i Finland [Электронный ресурс] // Förhandlingar och uppsatser. 1917. № 30. S. 325. Режим доступа: <http://www.sls.fi/sites/default/files/pdf/1323.pdf> (дата обращения: 26.09.2017).
93. Björk M. Vad är tvångssvenska – historia om svenskan i Finland. Yle. Vetamix. 2010. 21 s.
94. Bottà G. Sacredness Lost and Found in a Helsinki Suburb: Views from Maunula's International Classes / G. Bottà // Dëshima. 2013. № 7. S. 71–87. Режим доступа: https://flore.unifi.it/retrieve/handle/2158/900175/50139/Schildt_M%C3%B6rne_G_rotenfelt.pdf (дата обращения: 31.07.2020).
95. Ciaravolo M. Dagdrivare och Runar Schildt // Finlands svenska litteraturhistoria. D. 2, 1900-talet / red. av Michel Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2000. S. 47–54.
96. Ciaravolo M. Storstaden och flanören som finlandssvenskt problem. Runar Schildt, Arvid Mörne och Erik Grotenfelt [Электронный ресурс] Flanörens världsbild. KVHAA Konferenser 84. Stockholm, 2014. S. 93–106. Режим доступа: https://flore.unifi.it/retrieve/handle/2158/900175/50139/Schildt_M%C3%B6rne_G_rotenfelt.pdf (дата обращения: 31.08.2016).
97. Drábeková Z. On myths and stereotypes concerning mutual relationship of Finnish and Finno-swedish literature // Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum / Red. Mantila H., Sivonen J. Oulu: Oulun yliopisto, 2015. s. 379–380.

[Электронный ресурс] // Gränser: populärvetenskapliga föredrag om humanistisk forskning. Humanistdag-boken 16. Kungälv: Göteborgs universitet, 2003. S. 111–118. Режим доступа: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/10617> (дата обращения: 24.10.2019).

107. Haagensen B. Två tider – två miljöer – två romaner. Språkväxling i Kjell Westös Helsingforsskildringar // Språkmöten i skönlitteratur. Perspektiv på litterär flerspråkighet / red. Björklund S., Lönnroth H. Vasa: Vasa universitet, 2016. № 6. S. 75–90.

108. Haaramäki S., Eriksson H. Flerspråkighet i Kjell Westös romaner Om en analysmodell och dess tillämpning [Электронный ресурс] // Språk & stil NF 27. 2017. S. 176. Режим доступа: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1173911/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).

109. Hallila M., Hägg S. History and Historiography in Contemporary Finnish Novel // AVAIN. The Finnish Review of Literary Studies. 2007. № 4. pp. 74–80.

110. Hatavara M. History After or Against the Fact? Finnish Postmodern Historical Fiction // Nodes of Contemporary Finnish Literature / red. L. Kirstinä. Helsinki: Finnish Literature Society. 2012. pp. 96–111.

111. Hermansson G. Modernisternas prosa och expressionismen: studier i nordisk modernism 1910-1930. Göteborg. Makadam. 2015. 415 s.

112. Holmström R. Traditionalister och modernister – linjer i finlandssvensk litteratur-kritik på tio- och tjugotalet / R. Holmström // Från dagdrivare till feminister. Studier i finlandssvensk 1900-litteratur / red. av Sven Linner. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1986. S. 119–169.

113. Hur skriver man en historisk roman / Svaetichin K., Granquist D., Sandelin S. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://svenska.yle.fi/artikel/2013/08/21/hur-skriver-man-en-historisk-roman-kjell-westo> (дата обращения: 27.05.2020).

114. Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki: Otava. 1981. 676 s.

115. Kirstinä L. 2012. Nodes of Contemporary Finnish Literature. Finnish Literature Society. Helsinki. 205 p.
116. Kjell Westö fick Nordiska rådets litteraturpris 2014 för «Hägring 38» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.norden.org/sv/news/kjell-westo-fick-nordiska-radets-litteraturpris-2014-hagring-38> (дата обращения: 27.05.2020).
117. Lindström K. Studier på svensk språkbotten i Finland I, II // Finsk Tidskrift, 1885 № 4, № 6.
118. Mattfolk L. Finlandssvenska åsikter om och attityder till modern språkpåverkan. Unigrafia. Helsingfors. 2011. 78 s.
119. Mazzarella M. Det trånga rummet. En finlandssvensk romantradition. Helsingfors: Söderström, 1989. 263 s.
120. Malmio K. Matkoja historiaan / Suomen nykykirjallisuus 1-2: Lajeja, poetiikkaa, V. 1. Red. Mika Hallila. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki. 2013. 408 s.
121. Mörne A. Förfinskningen af vår svenska landsbygd och folkbildningsarbetet därstädes [Электронный ресурс] // Finsk tidskrift. 1900. № 4 (II). S. 245. Режим доступа: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/497728?page=3> (дата обращения: 26.09.2017).
122. Nordenstreng R. Finländsk svenska på 1700-talet [Электронный ресурс] // Förhandlingar och uppsatser. 1902. № 16. S. 28. Режим доступа: <http://www.sls.fi/sites/default/files/pdf/1317.pdf> (дата обращения: 26.09.2017).
123. Nummi J. The power shift of the 1880-s. Themes of isolation and minority in K. A. Tavaststjerna's Barndomsvänner [Электронный ресурс] // Cahiers d'Etudes hongroises et finlandaises, 2011. № 17. S. 191–209. Режим доступа: http://epa.oszk.hu/02400/02413/00017/pdf/EPA02413_CahiersDetudesHongroises_17_2011_019-235.pdf (дата обращения: 15.01.2020).
124. Nygård S. Det kosmopolitiska alternativet Tidskriften Euterpe och de intellektuellas transnationella strategier [Электронный ресурс] // Historisk tidskrift för Finland. 2010. № 2. S. 268-297. Режим доступа:

<http://www.kolumbus.fi/nya.argus/Historik/Argus%20historik%20-%20Nygard.pdf> (дата обращения: 26.09.2017).

125. Nygård S. Från Euterpe till Argus. Kulturkosmopolitism i det tidiga 1900-talets Finland [Электронный ресурс] // Ögonen upp!: Nya Argus första sekel. Helsingfors: Garantiföreningen för Nya Argus r.f., 2011. S. 31. Режим доступа: <http://www.kolumbus.fi/nya.argus/Historik/Argus%20historik%20-%20Nygard.pdf> (дата обращения: 26.09.2017).

126. Paavolainen O. Risti ja Hakaristi / O. Paavolainen. Jyväskylä Helsinki: Gummerus, 2005. 358 s.

127. Pettersson Torsten Det svårtgripbara livet & Ett förbisett tema i dagdrivarlitteraturen // Från dagdrivare till feminister. Studier i finlandssvensk 1900-litteratur / red. av Sven Linner. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1986. S. 9–41.

128. Regeringsform för Finland [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mlang.name/arkisto/regeringsform.html> (дата обращения: 12.04.2018).

129. Roos L. Post-Soviet Trauma in the Nordic Imagination: Occupation and Sex Trafficking in Purge and Lilya 4-Ever. [Электронный ресурс] Baltic Screen Media Review, 2014. vol. 2. S. 23–35. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/290816246_Post-Soviet_Trauma_in_the_Nordic_Imagination_Occupation_and_Sex_Trafficking_in_Purge_and_Lilya_4-Ever (дата обращения: 04.04.2021).

130. Saarela J. Finlandssvenskarna 2021 – en statistisk rapport. Svenska Finlands folkting. 95 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://folktinget.fi/Site/Data/1597/Files/Finlandssvenskarna%202021_statistisk%20Orapport_Folktinget_KLAR.pdf (дата обращения: 29.10.2023).

131. Saukkonen P. The Finnish Paradox: Language and Politics in Finland // Recode Working Paper Series. 2012. № 5. pp. 1–11.

132. Schoolfield G.C. Life as an outsider [Электронный ресурс] // Books from Finland. 1988. № 3. Режим доступа: <http://www.booksfromfinland.fi/1988/09/life-as-an-outsider/> (дата обращения: 31.08.2016).
133. Spjut L. Den envise bonden och Nordens Fransmän: Svensk och finsk etnicitet samt nationell historieskrivning i svenska och finlandssvenska läroböcker 1866–1939 [Электронный ресурс]. Umeå: Umeå universitet. 2014. 165 s. Режим доступа: <http://umu.diva-portal.org/smash/get/diva2:716651/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 24.10.2017).
134. Stark L. The Rise of Finnish-Language Popular Literacy Viewed through Correspondence to Newspapers 1856-70 [Электронный ресурс] // Vernacular Literacies – Past, Present and Future. Northern studies monographs / Ed. by A. Edlund, L. Edlund, & S. Haugen. Umeå: Umeå universitet. 2014. S. 261–277. Режим доступа: <https://jyx.jyu.fi/dspace/handle/123456789/45383> (дата обращения: 05.10.2017).
135. Steinby L. Det paradoxala med Runeberg som idylldiktare // Samlaren, årg. 134. 2013. S. 74–94.
136. Svenskt översättarlexikon [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oversattarlexikon.se/listor/avupphovsman/Default.aspx?a=Lermontov%2C+Michail+Jur%CA%B9evic%CC%8C> (дата обращения: 29.10.2023).
137. Sveriges national-litteratur V. 30. Essayister och vetenskapsmän. Finländska författare från 1900-talets början [Электронный ресурс] / F. Bööck. Stockholm, 1922. 386 s. Режим доступа: <https://archive.org/details/sverigesnational30stoc/page/332/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 29.10.2023).
138. Söderhjelm W., Tavaststjerna K.A. En lefnadsteckning. Helsingfors: Tidnings & tryckeri- aktiebolagets tryckeri, 1900. 324 s.
139. Tandefelt H., Nygård S. Skrivandets villkor och gemenskap: Finlands svenska författareförening 1919-2019 [Электронный ресурс] / Skrifter utgivna av svenska litteratursällskapet i Finland. 2019. № 832. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet. 455 s. Режим доступа:

https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/310236/Skrivandets_villkor_och_gemenskas.pdf?sequence=1 (дата обращения: 29.10.2023).

140. Tavaststjerna K.A. Självförsvar [Электронный ресурс] // Finsk Tidskrift № 3. 1892. S. 228. Режим доступа: <http://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/497564#?page=38> (дата обращения: 15.03.2018).

141. The Åland agreement in the Council of the League of Nations [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kulturstiftelsen.ax/app/uploads/2020/07/english-3-3-1.pdf> (дата обращения – 12.02.2024).

142. Thylin-Klaus J. Den finländska svenskan 1860–1920: Doktorsavhandling i nordisk historia. Åbo, 2012. 335 s.

143. Thylin-Klaus J. Svenskan i den unga republiken Finland // Svenskan i Finland. Helsingfors: Unigrafia, 2018. S. 9–17.

144. Tidigs, J. Att skriva sig över språkgränserna. Flerspråkighet i Jac. Ahrenbergs och Elmer Diktonius prosa. 2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/39960904.pdf> (дата обращения - 01.05.2021).

145. Tidsskildaren Westö / Finlands svenska litteratur 1900-2012 red. M. Ekman. - Svenska litteratursällskapet i Finland. Stockholm, 2014. S. 296–299.

146. Till läsaren [Электронный ресурс] // Euterpe. 1901. № 52. S. 3. Режим доступа: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/693075?page=1> (дата обращения: 26.09.2017).

147. Toftegaard S. A. K. A. Tavaststjerna – vår man i Paris [Электронный ресурс] // Källan. 2005. № 1. pp. 12–17. Режим доступа: http://www2.sls.fi/media/kallan/Kallan1_05.pdf (дата обращения: 29.09.2017).

148. Topelius Z. Ljungblommor [Электронный ресурс] / Svenska litteratursällskapet i Finland, Helsingfors Bokförlaget Atlantis, Stockholm 2010. S. 157. Режим доступа: <https://www.sls.fi/wp-content/uploads/mfiles/1929/1929.pdf> (дата обращения 26.03.2024)

149. Torben Nielsen Tavaststjerna på det danske bogmarked fra Peter Nansens arkiv [Электронный ресурс] // Fund og Forskning, Bind 1 (1954), S. 113 Режим доступа: <https://tidsskrift.dk/index.php/fundogforskning/article/view/1889/3220> (дата обращения: 29.10.2023).
150. Veivo H. En jaguar i den europeiska djungeln: Tre dikter av Elmer Diktonius i internationella sammanhang i början av 1920-talet // Historiska och litteraturhistoriska studier, № 93, Helsingfors. Svenska litteratursällskapet i Finland. 2018. S. 162–179.
151. Von Numers-Ekman K. Karl August Tavaststjerna [Электронный ресурс] / K. von Numers-Ekman Режим доступа: <http://www.blf.fi/artikel.php?id=3657> (дата обращения: 03.03.2019).
152. Warburton Th. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1984. 428 s.
153. Wilen H. Kjell Westö – brobyggare mellan svenskt och finskt // Nordisk Tidskrift. 2011. Årg. 87. Häfte 2. S. 141–146.
154. Willebrand R.F. Våra böcker och vårt språk [Электронный ресурс] // Finsk Tidskrift. 1903. № 5. S. 452. Режим доступа: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/497340?term=V%C3%A5ra&term=b%C3%B6cker&term=och&term=v%C3%A5rt&term=spr%C3%A5k&term=v%C3%A5ra&term=Finsk&term=v%C3%A5r&page=76> (дата обращения: 03.03.2019).
155. Wrede J. K.A. Tavaststjerna: den hårda verkligheten // Finlands svenska litteraturhistoria. Första delen: Åren 1400–1900 / utgiven av Johan Wrede; [red.: R. Knapas]. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1999.
156. Zilliacus L. Lermontov och Novisen. Stockholm: Fingraf tryckeri, 2003. 126 s.
157. Öhrberg A. Tillfälleslitterära transformationer // Tidskrift för litteraturvetenskap. 2012. Vol. 42. № 2–3. S. 99–110.

158. Zilliakus C. The Roaring Twenties of Elmer Diktonius: A Centenarian as Wonder Boy // *Scandinavian Studies*, Vol. 69, No. 2. Champaign. University of Illinois Press. 1997. S. 171–188.

Приложение

ЧЕЛЬ ВЕСТЁ. МИРАЖ 38. (KJELL WESTÖ. HÄGRING 38)

Отрывки из романа. Перевод И. С. Маташиной

Роман «Мираж 38» (2013 г.) — шестой роман финского писателя Челя Вестё, за который автор удостоен литературной премии Шведского радио и Литературной премии Северного совета. Переведен на девять европейских языков (в том числе английский, немецкий, французский, эстонский и др.).

Внимание автора к деталям погружает читателя в атмосферу, царившую в стране между двумя Мировыми войнами. Судьбы главных героев разворачиваются на фоне набирающего силы европейского и финского нацизма. Действие романа происходит в 1938 году, в Финляндии, и состоит из двух сюжетных линий. Адвокат Клас Туне переживает разрыв с женой. Он находится в процессе развода, но не может избавиться от воспоминаний о супруге. Клас Туне — представитель шведоязычного «микро»-Гельсингфорса, замкнутого мирка, включающего в себя образованных и влиятельных людей. Туне и его друзья, создавшие общество «Клуб по средам», обсуждают животрепещущие вопросы политики, истории и взаимоотношений людей. Дискуссии «Клуба по средам» приглашают читателя к размышлению о природе и последствиях насилия.

Еще одна сюжетная линия фокусируется на втором главном герое романа — секретаре Туны, Матильде Виик. Ее одолевают воспоминания о времени Гражданской войны, когда ей пришлось выживать в лагере для военнопленных. Автор связывает события 1918 и 1938 годов в детективный сюжет о человеке из прошлого, преследующем Матильду, и о плане мести, который она вынашивает.

Между героями возникает симпатия, но трагическая развязка оставляет Туна в одиночестве, наедине с мыслями о призрачности мира и несбывшимися надеждами.

Глава 2. Страницы 12–17

«Фру Лейму сильно простудилась, — сказал Туне и нервно продолжил, — ей пришлось остаться дома. Через несколько минут у меня встреча с Грёнрусом, а вечером в конторе соберутся участники „Клуба по средам“. Не могла бы фру Виик быть столь любезной и сходить для меня на рынок за оставшимися покупками?»

Фру Лейму работала у Туне экономкой, а, особенно после развода, стала опорой и спасением, ведь без нее он бы не справился с ведением хозяйства. Леопольд Грёнрус был одним из членов «Клуба по средам», возможно, самым состоятельным. Домовладелец, рантье, спекулянт, скупердяй, сибарит — все это Матильда успела услышать о Грёнрусе, хотя работала у Туне лишь полтора месяца.

Грёнрус: каждую неделю, по средам, в половину третьего, минута в минуту. Видимо, они с Туне уйдут в дальнюю комнату, в Кабинет, где долго и обстоятельно будут обсуждать финансовые дела Грёнруса. В ходе беседы Грёнрус будет раздраженно махать руками и нервно постукивать по столу мясистыми пальцами. Всякий раз, когда Туне спокойным голосом упомянет о возможном снижении дохода, Грёнрус начнет морщиться. Примерно через час после начала встречи Туне позовет Матильду и попросит принести из его бара портвейн, виски и подходящие бокалы. Он предложит «по одной», Грёнрус сначала откажется, ссылаясь на прогрессирующую подагру. Затем передумает, и скоро Туне и Грёнрус успеют и «по второй», и «по третьей». Тут они уже переходили от финансов к марафонцам и симфонистам, а после «четвертой» и «пятой» напивались. Все это Матильда могла видеть, пока приносила папки или грессбухи и подавала напитки. В Кабинете всегда было сумрачно, в изразцовой печи пылал огонь, горела лишь одна лампа под абажуром — так хотел Туне. Однако можно было незаметно наблюдать за ними и при более ярком освещении: мужчины так увлекались своей беседой, что не замечали, как Матильда приходила и уходила.

Она была разочарована новым оборотом событий, однако постаралась как можно лучше скрыть свои чувства. «Клуб по средам» — это группа друзей-собутыльников, которые собирались у одного из участников каждую третью среду месяца. Больше ничего о клубе Матильда не знала. Однако она поняла, что фру Лейму больна, мартовская встреча пройдет здесь, в конторе, а значит, пораньше ей не уйти.

— Что для вас купить? — спросила Матильда.

— Деревенский паштет, желательнее погуще. Пару видов сыра, зрелого. Соленое печенье, возьмите британское. Еще зеленых оливок, без косточек. Не испанских, а итальянских. Возьмите две банки.

Туне сдвинул очки к кончику носа и дружелюбно взглянул на нее:

— И я же говорил, что вам нет нужды все время называть меня «господин» по делу и без. Лучше меньше, чем больше.

Из кармана мятого пиджака он выудил бумажник, перебрал купюры и вытащил банкноту в пятьдесят марок. Передумал, убрал пятьдесят марок, достал сто:

— Не могли бы вы еще зайти в «Систембулаг»? Две бутылки портвейна и две бутылки виски. Попросите позвать заведующего Лехтонена, это он принимал заказ, в наличии тогда не нашлось.

Матильда взяла банкноту и взглянула на нее. На переднем плане была изображена группа нагих людей атлетического телосложения, на заднем плане из заводских труб поднимался густой дым. Заметил ли Туне, что у женщины слева ягодицы прекрасной формы? «Да, наверняка», — про себя ответила на свой же вопрос Матильда.

Позднее она вспомнит, что серая хмарь была в этот день дымчатой, будто мягко обволакивающей. Не та обычная мартовская серость, пустая и суровая, когда льдины и льдинки плавают в еще черной воде гавани, а мягкая, словно одеяло, в которое можно укутаться. Как в сентябре, когда отгремели последние грозы, и закончилось бабье лето.

Какое-то эфемерное настроение витало над городом. Жизнь — это сон, расплывчатый мираж. Опять это слово, интересно, почему оно снова и снова возникало в ее голове. Тут она вспомнила о Конни. Он писал ей в феврале из Або, где он жил и где у «Аризоны» на всю зиму был ангажемент в отеле «Хамбургер Бёрс». Он рассказывал о новых песнях, которые сочинил. Одна из них и называлась «Мираж».

В письме Конни обмолвился, что хотел записать «Мираж» вместе с «Аризоной», но денег не было, поэтому он размышлял над тем, чтобы продать песню «Даллапе» или «Рамблерз». Он и раньше продавал песни, когда пластинки «Аризоны» не расходились. Милый братишка Конни. Они не виделись уже год, Матильда скучала по нему. Много лет они жили порознь, не зная толком ничего друг о друге. Матильда тогда уже почти повзрослела, а Конни еще был ребенком. Тем не менее, они оставались близкими, и если не могли встретиться — писали письма. Хоть Конни редко раскрывал свои чувства или сокровенные мысли. В ноябре у них с Тууликки родился еще один ребенок, третий. Денег им не хватало с самого начала. Иногда Матильда задумывалась, как же Конни чувствовал себя на самом деле.

Отгнав мысли о брате, она механически занималась своими обязанностями. Ее не огорчало, что собственные планы пришлось отложить. Такова жизнь, редко что получается так, как было задумано. Ей не привыкать приспособливаться, отчасти поэтому она так хорошо выполняла свою работу. К тому же задуманный вечер вряд ли бы получился. Пока она, торопясь, переходила улицу Касернгата, в груди и в животе начало поднывать. Скоро начнется менструация, может, даже сегодня вечером. В течение первых суток у нее обычно болел живот.

Пошел дождь, везде внезапно оказались очереди, покупки отняли больше времени, чем планировалось, и, когда она вернулась в контору, Туне и Грёнрус уже не были одни. «Клуб по средам» собрался. Едва ступив на лестницу, она услышала смеющиеся мужские голоса, оживленный гул. Лифта в этом доме, построенном еще в начале века, не было, поэтому пришлось

понемногу подниматься наверх с плетеной корзиной фру Лейму в одной руке и сеткой с бутылками — в другой. Теперь голоса доносились отчетливо, видимо, все столпились в приемной, а входная дверь осталась открытой. Матильда слышала Грёнруса, Туне и незнакомые голоса: они разговаривали громко и преувеличенно радостно, как это делают мужчины, которые давно не виделись.

Матильда встала как вкопанная.

Среди всех незнакомых голосов она узнала один. Матильда не сразу вспомнила его владельца, но внутри пробуждались неприятные ассоциации, и вскоре имя стало всплывать в памяти. Услышав, как этот мужчина рассказывает что-то забавное (непонятно только, что и кому), а затем смеется над своей остротой, она будто прозрела. Голос немного огрубел, но смех остался тем же.

Мужские голоса разносились по лестнице до самого низа, растекаясь безудержным потоком. Она перенеслась в другое время. Открытое окно. Лето. За окном вытянутый, залитый солнцем песчаный двор, пыльный военный полигон. Лишь одинокая сосна, высокая, старая, нарушала его однообразие. Матильда слышала, как они называли полигон «Сахарой». Ей было плохо, хотелось туда, наружу. Даже несмотря на то, что она знала: каждый день там кто-то умирал на работах от слабости или голода. Она слышала, как в той же комнате люди разговаривали на разных языках. Ее взгляд упрямо направлен в окно, сиденье липнет к бедрам, ноги холодные, босые.

Матильда стояла у подножия лестницы. Послышались быстрые шаги, затем входная дверь закрылась. Голоса превратились в тихое бормотание, а когда мужчины из приемной направились к Туне — стали еще тише. Матильда стояла, не двигаясь, тишина била в уши и оглушала. Она похолодела, ноги будто подогнулись — ослабели и задрожали.

Затем она собралась с духом, перехватила покрепче сетку с бутылками, корзину с сырами и остальным, и пошла наверх.

Глава 3

Приоткрыв дверь, он увидел ее, в нерешительности стоявшую возле письменного стола приемной. Перед тем, как заговорить с Матильдой или еще как-то обнаружить себя, Туне вдруг вспомнил ее лаконичные ответы во время собеседования. Фру Вик показалась ему умной и в то же время загадочной. Отпечатанное на машинке резюме мало рассказывало о ней. Ей тридцать шесть лет, а Туне, которому недавно исполнилось сорок, хотел нанять кого-то помоложе. Да и посимпатичнее, но в этом ему было сложно себе признаться, ведь тут дело никак не касалось обязанностей конторской служащей.

В облике фру Вик не было ничего отталкивающего. Правильные черты лица, простая, но строгая одежда, красивая фигура. Она выглядела моложе своего возраста. Безупречные характеристики: диплом Института торговли, умение печатать на машинке и стенографировать, прекрасное владение шведским и финским языками, неплохое — немецким, сносное — английским, длительный опыт работы в фирме грузоперевозок «Хоффман и Лаурен». Но что-то в ней настораживало Туне во время собеседования, какая-то ее холодность и отстраненность.

Он:

— Вас зовут Милья Матильда Александра Вик?

Она:

— Да.

— Но вы просите обращаться к себе «Матильда»?

— Да, желательно.

— Почему же?

— Не знаю. Так уж сложилось. Матильда звучит красивее.

— А вы из финских шведов?

— Только отец. Мать говорила и по-шведски, и по-фински.

— Вы говорите по-русски?

— К сожалению, нет. Понимаю примерно сотню слов. Но понимать — не значит говорить.

Он улыбнулся ей:

— А говорить о чем-либо — не значит в этом разбираться.

Ее губы едва заметно изогнулись в подобии улыбки:

— Именно так.

Он:

— Ваши родители, где они?

Она:

— Их уже нет в живых.

Он ждал продолжения, которого не последовало. Он поддался любопытству:

— Что же с ними случилось? Если позволите спросить.

— Они рано умерли. От болезней. Я росла у ... родственников. Это важно?

Этот прямо заданный встречный вопрос застал Туне врасплох. Он хотел замять свою неделикатность и спросил:

— Почему вы ушли из «Хоффман и Лаурен»?

— Я бы не хотела об этом говорить.

— Но они написали прекрасные рекомендации. Если вас там так ценили, почему же...?

Она взглянула на него. С таким выражение лица обычно слушают несмышленного и упрямого ребенка. Затем ответила:

— Не могли бы вы просто поверить, что все, написанное в рекомендациях, — правда?

Он сразу почувствовал окутывавшее ее одиночество. Но было что-то притягательное в этих коротких и точных ответах. Туне рискнул, наняв ее, и не разочаровался. Она выполняла свою работу безупречно, и за все прошедшие семь недель ему ни разу не пришлось усомниться в ее компетентности.

Страницы 18–22

В ту среду Туне еще до обеда встретился с тремя клиентами. Он попросил фру Виик заказать несколько международных звонков: в московское дипломатическое представительство Финляндии на улице Станкевича, еще один — в стокгольмский банк. Надиктовал два письма. Тон обоих был весьма сухим, и фру Виик, слыша особенно резкое выражение, слегка приподнимала левую бровь. В остальном все было как обычно. Туне просто работал вместе с ней, не думая, кто она, и что ею движет.

Она сообразительная.

Она способная.

И все же она — наемный работник. Быть рядом, всегда наготове, выполнять поручения Туне — вот ее функции.

В дверях он вручил фру Виик сто марок для рынка и магазина спиртного, но его мысли в это время занимала отнюдь не работа. Это была рутина, с которой Туне мог справиться даже во сне.

Он думал о «Клубе по средам», который соберется в Кабинете уже через несколько часов.

Перед этим ему придется в очередной раз успокаивать Полло Грёнруса, который боится, что его состояние перестанет приумножаться. Не будь Туне так зол на Роберта Линдемарка, он бы уже давным-давно отправил Грёнруса к Роби. Грёнрусу нужен не финансист, а психолог.

Аншлюс ликующей Австрии точно станет предметом сегодняшнего разговора. Прошло уже несколько дней, но все по-прежнему говорят об этом. Туне тогда стоял перед окном своей пустой спальни и под воскресный звон колоколов слушал диктора «Финска нотисбюро», зачитывавшего торжественную речь Гитлера. Он думал о Габи. Великая Германия, преемник Римской империи, Мировое государство, у которого впереди еще сотни золотых веков. Сейчас так принято: некоторые коллеги Туне, напившись во

время обеда или на встрече Союза адвокатов, в красках описывали Великую Финляндию, простирающуюся на Восток за Урал.

Туне сейчас переосмысливал свою жизнь. Иногда, вот как сейчас, он думал о тех шести юношах, что основали «Клуб по средам», и тех шести мужчинах, что остались. Состав первой и второй шестерки не был одинаковым, двое со временем ушли, двое других появились.

Они основали Клуб осенью двадцать шестого, спустя всего несколько месяцев после свадьбы Туны и Габи. То было время экономического подъема, в городе открылось много джаз-баров, а танцовщица Ида Бедрих выступала в «Лидо», что на Фабиансгатан, почти обнаженной. Все они, кроме лентяя Гвидо Рёмана, уже распрощались со студенческой жизнью и устроились работать в различные ведомства и организации. В Уставе «Клуба по средам» говорилось, что целью его деятельности является «содействие сохранению и углублению шведоязычного политического и культурного взаимодействия в городе Гельсинфорсе», но на самом деле для его членов это был просто повод выпить. Клуб вел активную деятельность до начала 1933 года, затем она была приостановлена, пока Туне работал в стокгольмском и московском дипломатических представительствах, а теперь возобновилась.

Туне не был хвастуном. В дискуссиях он никогда не упорствовал, редко проявлял инициативу и часто принижал свое значение перед посторонними, но все же знал, что действительно важен для «Клуба по средам».

Бедняга Бертель Рингвальд угодил в капризные воды пролива Видшер в шхерах возле Або уже летом тридцать первого, он собирался ставить грот во время сильной качки, но сорвался и утонул. Через год Хьюго Экблад-Шмидт женился на парижанке и получил пост замдиректора в торговом представительстве своего тестя с офисом на одной из небольших улиц квартала Марэ.

Из основателей остались психиатр Роберт Линдемарк, журналист Гвидо Рёман, поэт и актер Йоаким «Йоги» Яри, да Туне.

Коммерсант Леопольд Грёнрус и врач Лоренц «Зорро» Арелиус были приняты в этот круг позже, Арелиус лишь в тысяча девятьсот тридцать шестом.

Разнородная компания. При этом связанная тесными узами.

В этот раз снова соберутся не все.

Впервые после истории с Габи прибудет Роби Линдемарк. Ради приличия его звали на прошлые встречи, но он отклонял приглашения. Непонятно, из-за беспокойства о Туне, или из-за страха и стыда. Так или иначе, причина, несомненно, была в Габи.

Габи и Роби. Габи, Роби и глупый, добрый, слепой Шпала. Туне чувствовал, как где-то внутри еще вспыхивала сталью ножа ревность, это случалось не реже раза в неделю. Но он все решил. Пора это прекратить. Он позвонил Линдемарку и пригласил его лично. Разговор был нелегкий, но Туне настаивал на своем, и сконфуженный Роби согласился.

Один из участников Клуба вернулся, но другой выбыл. Йоаким Яри сообщил о проблемах. Или скорее так: во время телефонного разговора главный врач Линдемарк сообщил Туне о проблемах Яри. У Яри снова случился нервный срыв, и его в очередной раз положили в больницу Коппарбека, что к северу от города.

Туне размышлял о своей дружбе с Роби Линдемарком и не мог остановиться.

Еще гимназистами они гуляли в парке Брунн, вдоль Морского порта, сквозь белый свет весны и осенью, долгими темными вечерами, разговаривая о философии и литературе. Бергсон и Барбюс, Киплинг и Толстой, Ахо и Шильдт. Туне был высоким и светлым, в противоположность приземистому, коренастому и темноволосому Линдемарку. Ворон и Гриф, Два сапога, Макс и Мориц, — как только ни называли их более отчаянные сверстники, зимой катавшиеся на лыжах с крутых гор, а летом переплывавшие десятки километров до острова Рёншер. Однако Роби и Шпала не обращали внимания на эти издевки. Их дружба началась еще в детстве, они жили рядом на улице

Паркгата, и каждый год в гимназии садились вместе. Лучшие друзья, даже больше — названные братья. В то лето, когда им исполнилось двенадцать, они совершили торжественный ритуал: перочинными ножами сделали надрезы на больших пальцах рук и смешали кровь.

Заклучили пакт.

Это было давно.

Туне помнил ту самую пятницу полтора года назад. В тот день было ветрено. Все происходящее напоминало плохую оперетту.

Октябрь тридцать шестого. Несколько месяцев спустя после возвращения Габи и Туне из Стокгольма, несколько недель до его отъезда в Москву. Габи уже сказала, что хочет остаться в Гельсинфорсе, потому что заграница для нее стала невыносимой. Еще она не доверяет большевикам, особенно таким, как Сталин.

Еще с год назад Туне случайно обнаружил тайник, где Габи хранила свой дневник и новеллы, которые втайне начала писать.

От прочитанного ему стало дурно, однако поначалу он решил не опускаться до подозрений.

После возвращения в Гельсинфорс и в свою квартиру на Хёгбергсгата он немедленно проверил, прячет ли Габи дневник и рукописи в том же месте. Он продолжал чтение при любой возможности.

Как-то в четверг, это было еще в октябре, он сообщил секретарям, что на следующий день не придет в министерство. Он будет работать дома и просит не беспокоить телефонными звонками.

В пятницу в одиннадцать утра они с Линдемарком встретились возле школы Бруберга. Туне сел в светло-серый Опель Олимпия, принадлежащий доктору, и они поехали в сторону предмета гордости Линдемарка: новой и современной психиатрической больницы в Коппарбеке.

Поговорить во время поездки не получилось. Злые порывы ветра покачивали небольшой блестящий автомобиль и заставляли Линдемарка крепче держать руль, концентрируясь на дороге. Но те немногие слова, что все

же были произнесены, имели огромное значение. После того, как они выехали из района Тусбю и начали приближаться к южной окраине Коппарбека, Туне жалобно вздохнул и произнес, не поворачивая головы: «Габи собирается бросить меня. По-видимому, у нее серьезный роман».

Линдемарк сделал участливое выражение лица, но продолжал смотреть на дорогу. «Ну и хорошо», — подумал Туне, ведь Олимпию заметно вело на ветру.

«Звучит ужасно, Шпала. И неправдоподобно. С кем?»

«С тобой, Роби», — ровным голосом ответил Туне. В это же мгновение он подумал, почему бы не наклониться влево и не рвануть руль, это очень просто, а последствия на скорости примерно 75–80 километров в час были бы плачевными.

Однако он всего лишь добавил: «Ты ведь об этом хотел рассказать мне за обедом, не правда ли?»

Со стороны могло бы показаться комичным, что они все же пообедали. Эта идея пришла к ним в тот момент, когда жизнь принялась разводить друзей в разные стороны. Они превратили идею в традицию: в течение года сначала Линдемарк угощал Туне обедом, а потом наоборот. Когда Линдемарк занял пост главного врача в Коппарбеке, он стал приглашать Туне туда. В свою очередь Туне обычно заказывал столик в одном из заведений в центре Гельсинфорса: «Кампе», «Рояле» или «Монте-Карло».

В свете сложившихся обстоятельств обед стал мучением для обоих. Они не могли найти способа конструктивно обсудить животрепещущую тему. Поэтому сидели и молчали. Еда была превосходной: грибной суп, вареный судак, ванильный пудинг, кофе с коньяком, но сопровождали ее лишь звон столовых приборов да осторожные, но быстрые шаги двух официантов, курсировавших между кухней и залом, где мужчины сидели.

В удобный момент, когда они только приступили к супу, Роби поднял свой стакан и произнес: «Ура! Добро пожаловать, несмотря ни на что!» Туне

в ответ салютовал своим стаканом. Затем одним махом опустошил его, опустил на уровень третьей пуговицы пиджака и звучно произнес: «Эээээх!» В это время Туне спросил сам себя, почему они с Роби вдруг стали вести себя как два аспиранта кадетской школы Мункнеса. Ни один из них не походил на военного, не был им и в двадцать лет, когда страна превратилась в преисподнюю, в которой все подозревали друг друга.

За окном столовой светило солнце, но северный ветер все никак не унимался, и в тишине, воцарившейся после тоста, были отчетливо слышны его завывания. Туне слушал и мечтал о дуэли на пистолетах, как в старину. Вдруг он осознал, насколько смешна эта мысль. Он не упражнялся в стрельбе, ни из пистолета, ни из ружья, даже не состоял в Гражданской гвардии. Роби, насколько ему было известно, тоже.

Страницы 23–28

Однако позже, когда они приступили к белому и плотному пудингу, у Туне перед глазами все время возникал образ волосатой задницы Линдемарка, двигавшейся подобно поршню над Габи, между ее раздвинутыми ногами. Возможно, она была без одежды, а может, всего лишь приподняла ночную сорочку на бедрах, как обычно делала с Туне. Поднимая десертную ложку, он мысленно рубил, рубил голую задницу своего бывшего друга большим разделочным ножом. Тем не менее, когда Линдемарк, взглянув Туне в глаза, поднял до третьей пуговицы пиджака маленький бокал сладкого шпетлезе, Туне сохранил лицо с вежливой улыбкой, поблагодарил за обед и ровным голосом отметил, что судак особенно удался. Вот бы спросить, о чем думает Линдемарк — *a penny for your thoughts* — голову даю на отсечение, он тоже думает о Габи, здесь и сейчас, в эту обманчиво спокойную и ничем не примечательную минуту. Кстати, интересно, а они с Габи уединялись здесь, в служебной квартире? Конечно. Но Туне не задавал вопросов, а Линдемарк, в свою очередь, поглощал пудинг, глядя в окно — его взгляд был устремлен на

росший возле больницы клен, уже пылавший багрянцем и золотом, лицо доктора было непроницаемым.

И вот уже март, среда, пасмурно. Прошло полгода. Габи сняла квартирку в дальнем конце улицы Альбертсгатан, но проводила куда больше времени в просторных апартаментах Роби на Виллагатан. Бракоразводный процесс Габи и Туне шел своим чередом.

Туне не стал объявлять измену причиной развода, поэтому, чтобы процедура состоялась юридически, Туне и Габи нужно было прожить два года по разным адресам.

«Я современный человек и современный юрист, — фыркнул тогда Туне в разговоре с Габи, — и уж точно не собираюсь обвинять тебя в блуде на ветхозаветный манер».

В половине четвертого прибыл первый член «Клуба по средам» (не считая Грёнруса, который уже успел напиться). Мужчина, укравший жену Туне, позвонил в дверной звонок. Туне пришлось открывать самому, ведь фру Виик еще не вернулась.

«Приветствую, дорогой Роби», — коротко произнес Туне и отступил на несколько шагов, чтобы дать Линдемарку войти.

«Шпала, сколько лет, спасибо огромное за приглашение», — ответил Линдемарк. Туне показалось, что фраза прозвучала несколько фальшиво. Лицо Линдемарка излучало доброжелательность сангвиника, совершенное спокойствие, но очень уж энергично он стряхивал воду с зонта перед тем, как поставить его сушиться на лестницу.

Фру Виик вернулась только после четырех с выпивкой и продуктами. К тому времени уже прибыли Рёман и Арелиус. Снег с дождем застал фру Виик врасплох, ее пальто промокло, а сама она, казалось, беспокоилась о состоянии прически. Туне знал, что это спиртное было куплено во избежание конфуза. Он заранее приобрел достаточно вина и шнапса, но не хотел рисковать — закончившаяся выпивка — худшее, что может случиться.

Туне представил ей членов клуба, одного за другим. Всех, кроме Грёнруса. Линдемарк был отрекомендован как «главный врач», но Туне не смог удержаться, добавив: «и распутник». Сказано это было с легкой иронией. Остальные мужчины, знавшие все обстоятельства, заметили это и обменялись осторожными взглядами. Линдемарк сохранил невозмутимое выражение лица, и фру Виик, по-видимому, ничего не заметила.

Затем он не без гордости представил ее мужчинам: «Ценное приобретение нашей конторы. Фру Виик у нас меньше семи недель, но уже стала незаменимой».

Гвидо Рёман коротко рассмеялся и спросил:

— Почему ты говоришь «нашей» и «наш», Шпала? Все же знают, здесь только ты да она.

— Это временно, — ответил Туне, — летом вернется Ролле.

Племянник Туне, Рольф-Оке Хансель заправлял конторой, пока сам Туне работал в министерстве. В свои двадцать восемь лет Ролле Хансель уже понимал в юриспруденции и финансах больше своего дяди. Ролле скоро должен был защититься в Уппсале. Туне, никогда не обманывавший себя в том, что касалось работы, с нетерпением ждал возвращения Ролле в контору.

Туне взглянул на фру Виик. Пока они обменивались репликами, ее лицо было совершенно неподвижно. Она вежливо, но сдержанно поприветствовала Арелиуса, Линдемарка и Рёмана, сделала легкий книксен. Казалось, она была бледной и уставшей. Может, это туман, тяжелый, серый день? Или это он поручил ей слишком много, может, следует отпустить ее пораньше в какой-то другой день?

Глава 4

Когда все разошлись, Туне остался. В комнате становилось прохладно. Он взял несколько поленьев, открыл заслонку изразцовой печи и снова разжег огонь. За окном безраздельно властвовал и влажно сочился густой туман. Площадь Касернторг была пустынна, словно тихий подводный мир: расплывчатый свет фонарей напоминал прозрачных медуз. Туне чувствовал себя последним идиотом.

Перед встречей ему было тяжело, он собрал все силы, чтобы вызвать то расположение, которое, несмотря на всю горечь и чувство одиночества, намеревался выказать Роби Линдемарку. Он чувствовал себя косноязычным, скованным, словно кто-то надел на его голову тесный металлический обруч.

Разговор вращался вокруг Европы и политики. Приятным он не был. Еду, которая должна была ослабить влияние спиртного, они уничтожили в течение первого часа. Количество выпитого росло, но, вопреки ожиданиям Туне, былой теплой дружбы оно не возродило. Напротив, опьянение разожгло тлевшие еще до этого размолвки.

Сидя напротив Роби Линдемарка, Туне находился в смятении, старался не думать о Габи.

Конечно же, он думал о Габи.

Он думал о Габи весь вечер.

Одна-другая сумбурная реплика в разговоре о животрепещущем германском вопросе, и он был совершенно разоблачен. Впервые за десятилетнюю историю «Клуба по средам» возникло противоречие настолько глубокое, что ставило под угрозу взаимное уважение участников. Впервые члены клуба почувствовали, что даже самый сплоченный круг друзей подвергается риску разрушения, когда вместо политики начинается война. Что же тогда делает лицензиат права Клас Туне?

Сидит за столом, присутствуя физически, пока мысли витают где-то. Погружается в размышления о бывшей жене, ее достоинствах и желаниях.

Он вспоминал их последнее лето в Швеции.

Июль тридцать шестого. Габи уехала с подругами-шведками на западное побережье. Двухнедельный побег. Плавание под парусами возле Марстранда, пляж и море в Тюлесанде, больше Туне ничего не знал. Сам он остался в Стокгольме, нужно было написать несколько отчетов. На время отпуска они с Габи поедут в шхеры возле Эсбо, там, на островах Соммар, у ее семьи особняк.

Туне временно отпустил свою экономку Эльзу, обедал в ресторанах «Стурехоф» и «Англаис» Англэ, вел дела в по-летнему пустой канцелярии посольства на Страндвеген, пил с журналистами пиво в «Секен». Он чувствовал спокойствие и удовлетворение от того, что ему было хорошо у себя, а Габи — у себя. Чаще всего он приходил в маленькую и теплую квартиру возле церкви Святого Иоанна. На столе в тесной столовой стояла печатная машинка, а он расхаживал вокруг, закатав рукава рубашки, в теннисных брюках, босиком. Он кое-как занимался отчетами, поливал цветы, разбирал кавардак, оставшийся после рабочего ажиотажа весной и в начале лета. Туне собирался на встречу в «Белльмансру». Задумавшись, он в поисках затерявшегося льняного пиджака открыл сундук для одежды Габи вместо своего.

Габи была так же небрежна в быту, как и Туне. Вот сейчас она забыла запереть свой сундук. Туне успел разворошить ее вещи, прежде чем обнаружил свою оплошность. На глаза уже показались дневник и блокноты для записей. А он находился в квартире, где больше никто не появится раньше следующего понедельника, когда Эльза придет делать уборку.

Искушение было слишком велико.

Может, все дело в низкой самооценке, может, это была банальная зависть. После трех лет в Стокгольме он все еще чувствовал себя неуверенно. Габи гораздо проще, чем он, заводила друзей, ее остроумие и шарм сбивали наповал.

Всепоглощающее ощущение бессилия заполонило его, пока он читал. Он чувствовал себя таким слабым, что, казалось, больше никогда не сможет

пошевелиться, сделать быстрый шаг, решительно притянуть к себе женщину и поцеловать ее в губы, почувствовать в штанах легкую щекотку начинающегося возбуждения.

Страницы 28–32

Он вдруг вспомнил, что здесь, в этом же квартале, разворачивалось действие книг Яльмара Сёдерберга. Там, в церковном парке, созданный им несчастный Арвид Шернблум всматривался в окошко Лидии Стилле.

Серьезные игры: впервые открыв дневник, Туне сразу наткнулся на длинную запись о той искре, что проскочила во время садовой вечеринки в Гранкулле. Это случилось прошлым летом, тогда они ездили в Финляндию. Мужчина, который понравился Габи, был назван Р. Она писала о нем как об очаровательном, отзывчивом и внимательном собеседнике. Р. упоминался в записях за этот год лишь еще один раз, мельком, в рассказе о званом ужине у министра Эриха.

Никаких страстных писем. Вообще никаких писем. Никакой почвы для подозрений. Но Туне помнил, что в ноябре Роби Линдемарк присутствовал у посла: он приехал на неделю в Стокгольм на какую-то медицинскую конференцию.

После возвращения Габи из летнего путешествия Туне словно подменили. Он стал сварливым. Начал обвинять Габи в транжирстве и брюзжать из-за квартиры, в которой они жили. Его переполняли странные капризы, причины которых он и сам не понимал.

Эльза накрыла мебель простынями, Туне и Габи улетели в Хельсинки. Приземлившись в проливе Кронберг возле Скаттудден, доехали до островов Соммар. До той самой виллы со скрипящими полами, где безраздельно правил Борис Фалькранц, где Габриэлла Борисдоттер и другие повзрослевшие дети слушались приказов, снова превращаясь в малышей.

В этом семейном раю Туне, которого раздражало и расстраивало все, начал требовать большего в постели. Среди прочего упомянул белую

кружевную перчатку, но тут Габи отказалась. Идею Туне позаимствовал из тайком прочитанной новеллы «Шелковая подушка», но об этом Габи никак не могла узнать.

Четвертый этаж, адвокатское бюро Класа Туне, дальняя комната, называемая «Кабинетом», март 1938-го, среда, вечер, переходящий в ночь: раздор, возмущенные реплики, жестокие слова. Но взгляд Туне был обращен вдалеку, к каждому потерянному лету, к Габи. Содержание разговора достигало его сознания фрагментарно, он лишь вставлял обтекаемые, ни к чему не обязывающие реплики. Вечер был уже в самом разгаре, когда Лоренц Арелиус вдруг спросил:

— Правда же, Шпала? Ты же знаешь Берлин, в те времена все так и было, как я говорю, верно?

Туне огляделся и словно ненадолго очутился внутри картины Галлен-Каллелы «Симпозиум». Глаза остальных были такими же темными и глядели так же пристально, как у Сибелиуса и Каянуса на том знаменитом полотне. Зорро Арелиус обладал приятной внешностью и легко завоевывал расположение пациентов, но сейчас, под влиянием спиртного, черты его лица исказились, взгляд стал диким, блуждающим, рот кривился в своевольной и самодовольной ухмылке. Арелиус был старше Туне на год. Прозвище появилось у него во время учебы: в молодости он походил на Дугласа Фербенкса, игравшего роль Диэго де ла Вега, мстителя Зорро. Сейчас Арелиус больше походил на существо из кабинета доктора Калигари, такое, которое лучше погладить по шерсти, чтобы не сердить. Поэтому Туне, которого застали врасплох, произнес:

— Ну, даже не знаю, наверное.

Такой же пьяный Роби Линдемарк, сидевший на стуле рядом с Арелиусом, сердито потряс головой и выпалил:

— Черт возьми, Шпала, так же нельзя! Неужели ты ответил бы то же самое Йоги, будь он на этом стуле?

При упоминании Йоги Туне на мгновение пронзила грусть от отсутствия друга. Уже в течение нескольких лет Йоаким Яри то выписывался из больницы Линдемерка, то возвращался обратно. Психика Йоги становилась все более хрупкой. Он всегда был человеком тонкой натуры, мечтателем, фантазером. Он был словно натянутый до предела лук, тетива которого лопалась раз или два за день от напряжения. С юности Яри страдал страхом сцены, но за последние годы фобия развилась так сильно, что с театральными подмостками пришлось распрощаться. Вместе с этим он вообще стал более тревожным. Он начал замечать ненависть к евреям в обычных ситуациях, в невинных шутках, которые точно так же можно рассказать о любой другой расе или национальности.

Теперь Туне почувствовал укол совести за то, что пошел на поводу у Арелиуса, даже не зная, в чем дело. Он понял, что может сейчас показаться легкомысленным и глупым, поэтому начал быстро вспоминать.

Остаток вечера они спорили о Германии, Австрии и Гитлере. Линдемарк разразился длинным монологом о современных идеологиях. Он говорил о манипулятивной природе их квазиклассицизма и пристрастиях к пафосу ослепительной показной роскоши. Нацизм он представил как самую опасную из них: «много лет назад мы выпустили из клетки дикого зверя, теперь его никто не заманит обратно. Он смеется над укротителем, смеется и над пряником, и над кнутом».

Арелиус и Грёнрус, которые знали, что на последних выборах Линдемарк голосовал за социал-демократов, а не за шведскую народную партию, возмутились. Арелиус обвинил Линдемарка в следовании двойным стандартам и спросил, действительно ли тот готов оправдать такого кровожадного интригана, как Сталин, одновременно осуждая немецкого правителя, который, возможно, обладал жесткой хваткой, но который, без сомнения, поднимал свою страну с колен.

Туне казалось, что он видит в Арелиусе порыв, стремление продолжить свои нападки на Линдемарка и выразить новый, прогерманский взгляд на мир.

Но Линдемарк тоже разошелся не на шутку. Австрийцы должны были проголосовать «да» или «нет» по вопросу о присоединении к Великой Германии, содержание бюллетеней напечатали в газетах. Линдемарк кипел от злости:

— «Согласен ли ты с произошедшим 13 марта 1938 года воссоединением Австрии с Германией и голосуешь ли за список нашего фюрера Адольфа Гитлера?» — что это еще за бюллетень, так его растак! Где тут свободный выбор при такой формулировке?

— Свободный выбор подразумевает, что ты можешь ответить «нет», — сухо ответил Арелиус.

Линдемарк:

— Можно ответить «нет»! Какой ценой, Зорро? Чтобы кто-то нарисовал большую «Н» на стене моего дома? Чтобы я год провел в трудовых лагерях в Дахау под присмотром вежливого господина Лорица?

Гвидо Рёман попытался утихомирить перепалку:

— Зачем вы так распаляетесь? Разве вы не видите, что Гитлер — всего лишь ничтожный человек? В свое время этот король окажется голым и жалким, тогда не помогут уже никакие военные вторжения, никакие ночные спектакли в Нюрнберге.

Арелиус, теперь с резкими нотами в голосе:

— Да я же не парадами восхищаюсь, тут другое дело. Взять хотя бы безработицу — ее почти нет!

— А показатели тяжелой индустрии чуть ли не заоблачные, — поддакнул Полле Грёнрус.

— Да как вы можете сводить нацизм к вопросам экономики! — выпалил Линдемарк, голос его дрожал от злости. Он откашлялся и сглотнул воздух. Кадык его поднимался и опускался, словно он буквально проглатывал свою досаду. Линдемарк продолжил:

— То, что делают нацисты, полезно только для промышленности и для партии. Граждане получают маргарин вместо масла, эрзац вместо настоящего благосостояния!

Грёнрус кривовато улыбнулся:

— И все же следует порадоваться за людей, которые получили работу, Роби. Или ты уже забыл трудные времена? Когда в разных странах миллионы молодых мужчин не имеют ни работы, ни пропитания, правителям ничего не стоит отправить их на войну. Риск военных действий снизился с приходом Гитлера.

Линдемарк снова покачал головой:

— Вот бы все и правда было так хорошо! Но в движение пришли слишком большие стихии. Необходимость иметь объект поклонения и объект ненависти — самые сильные движущие силы, что у нас есть.

— Я не оправдываю преследования! — огрызнулся Арелиус. — И я не имею ничего против евреев. Они высокомерны, но имеют для этого все основания. Вот даже наш дорогой Йоги является живым примером того, что это своеобразный, но талантливый народ. Но в молодости я работал в Берлине, и каждый второй врач или адвокат был евреем. Не говоря уже о том, как обстояли дела в университетах.

Именно в этот момент Арелиус повернулся к погруженному в размышления Туне и задал свой вопрос.

Страницы 63–169

Туне знал, что не смог проявить себя у фрёкен Фанни Оландер.

Первое разочарование постигло его, как только фрёкен Оландер открыла дверь, и он зашел, протянув хозяйке цветок. В крохотной квартирке не было даже прихожей, поэтому Туне сразу увидел, что фру Виик еще не пришла.

Конечно, фрёкен Оландер предупредили о появлении Туне. Она сделала книксен и сказала, что для нее честь видеть вице-судью в своем доме. Смущенно добавила: «Тильда позвонила около половины седьмого и

предупредила, что опоздает». Туне не сразу понял, о ком это фрёкен Оландер, но как только хозяйка покраснела и начала объяснять «ну, для вас она, конечно...» сообразил, что речь о фру Виик.

По утрам его конторщица всегда приходила на работу вовремя (это, скорее, Туне доставало пунктуальности), и он укорял себя за непредусмотрительность: стоило предположить, что фру Виик может сильно опоздать. Тогда бы он подстраховался и задержался больше, чем на десять минут — звонок в дверь фрёкен Оландер раздался в семь двенадцать — именно столько времени прошло с тех пор, как он расплатился с водителем такси и проводил взглядом отъезжающий автомобиль.

Он шел в гору по одной из улиц-Линий. Пройдя примерно квартал, через арку завернул во двор. Выкурил сигарету, следом — еще одну. Стояла теплая погода, все окна были нараспашку. Где-то кто-то играл на гитаре, мужской голос по-фински пел «Костервальс», звук шел с верхних этажей, музыка эхом отражалась от каменных стен.

Двор был пуст, в отличие от круто спускающейся вниз улицы. Там уже стояли несколько дождавшихся субботы пропойц, которые ворчали на прохожих и громко дискутировали сами с собой.

Где нет других мужчин — не нарвешься на трепку, — так рассуждал Туне.

Его настроение ухудшилось еще больше, когда он вошел в комнату и за руку поздоровался с остальными. Жена музыканта Туулиikki Альбек была пышнотелой женщиной с роскошной грудью и широкой, открытой улыбкой. Всего через несколько минут Туне понял: эта открытость заключалась еще и в том, что фру Альбек говорила без умолку. А ведь она — удивлялся Туне — невестка строгой и сдержанной фру Виик. Интересно, какой же тогда характер у Конни Альбека. За время их короткой встречи на «Архимеде» Альбек говорил больше и быстрее, чем сестра, но он тогда был пьян.

Однако причиной плохого настроения Туне была не Тууликки Альбек, а Хейкки Путтонен и Рейнард Оландер, кузен фру Альбек и брат фрёкен Оландер. Оба — само воплощение мужественности: жилистые, сильные, спортивного телосложения. Из той же породы, что Зорро Арелиус и Ролле Ханселль, но рабочего склада. Они приоделись: пиджаки, рубашки, галстуки, светлые ботинки. Их щеголеватые шляпы-канотье лежали на полке возле двери. У обоих — дружелюбные, открытые лица, Туне видел это, пока мужчины разговаривали с фру Альбек или с фрёкен Оландер. Но когда им приходилось обращаться к нему — фрёкен Оландер все же пыталась включить Туне в общий разговор — их глаза и сжатые губы выдавали недоверие: даже представляясь, они процедили свои имена.

К счастью, минут через пятнадцать после Туне пришла фру Виик. На ней было синее платье в белый горошек, ладно скроенное и выгодно подчеркивающее и талию, и ноги. Скоро Туне понял, что фру Виик тоже неуютно в этой компании, хотя и в меньшей степени — и фру Альбек, и фрёкен Оландер были ей знакомы. Но и она по большей части молчала, особенно когда Путтонен и Рейнард Оландер перевели разговор на политику, глядела на свой бокал или рассматривала фотографии и настенные коврики в опрятной комнате фрёкен Оландер.

Они посидели у фрёкен Оландер полтора часа.

Туне был немногословен, но выпил несколько бокалов дешевого вина, которым угощала хозяйка. Они уже собирались выходить. Туне угостил Оландера и его сестру своим «Честерфилдом», тот в ответ молча протянул фляжку, и Туне сделал хороший глоток горького самогона.

Пока они шли к центру города, Туне понял, что выпил слишком много и слишком быстро. На самой середине Длинного моста асфальт ушел из-под ног, в течение нескольких минут все кружилось и казалось, что мост вот-вот рухнет. Потом он осознал, что мир по-прежнему тверд и непоколебим, а кружение — только в его голове.

Его поразило жилище фрёкен Оландер, чистое и опрятное. Маленькая квартира была чисто-начисто вымыта. Мебель, настенные коврики, бокалы, блюдо, на котором подали бутерброды — все было по-деревенски непритязательным, но по-своему со вкусом. Тонкий тюль на окнах пах свежестью, герань на подоконнике и анютины глазки на тумбочке для телефона тоже выглядели хорошо.

Чувство приятного удивления не оставляло Туне, когда они прошли несколько кварталов по Таваствеген и через площадь Хагнес, приближаясь к привычной ему части города. В фильмах и книгах рабочие кварталы Гельсингфорса все еще изображали мрачными трущобами. Квартиры — закопченные лачуги, в темных подворотнях и в узких переулках — воры и падшие женщины. Пронзительный звук фабричных свистков, заводские трубы изрыгают черный дым, по улицам бродят беспризорные мальчишки и ищут, кого бы избить или ограбить. А поодаль, в зарослях кустарника, слышатся сердитые пьяные голоса, огромный пуукко заносит для удара и дыра в животе появляется так же легко, как деревянный нож разрезает нагретое летним солнцем масло.

Были у Туне друзья, даже в «Клубе по средам», которые попались на этот крючок и даже не ступали за Длинный мост. Он помнил студенческие годы в начале двадцатых, когда он, Йоги Яри, да Роби Линдемарк, нарушая неписанные законы города, иногда ходили на танцы в Сёрнес. В разговорах о сложившемся положении дел они убедили друг друга, что разница между людьми и классами стала так велика по вине войны, и решили делать все возможное, чтобы в городе жилось лучше. Но им не были рады за Длинным мостом. Помнится, особенно неуютно было Роби Линдемарку, поэтому он иногда не ходил с ними. Однажды вечером подмастерье сапожника, по совместительству борец из спортивного рабочего союза, побил и Роби, и Йоги — тогда-то их вылазки закончились. Теперь Туне осознал, что по дороге в центр удивляется не только тому, что у фрёкен Оландер симпатичная съемная квартира, но и радости жизни, которую увидел в окнах высоких домов вдоль

Линий, мирному благодушию на улицах. Он понял, что превратился в испуганного обывателя, стал одним из тех переполненных предрассудками людей, которых так презирал в молодости.

Они шли по Юниунсгатан. Была уже почти половина десятого, но воздух, теплый и обволакивающий, словно бальзам, навевал воспоминания о заграничных летних путешествиях.

Первое, его единственное лето в Москве, считанные недели до возвращения в Хельсинки, ужасная жара, запах гари, белый тополиный пух, оставшийся лежать липким снегом на улицах после цветения деревьев.

И другое лето, лет пять спустя, лето в Стокгольме, когда секретарь дипмиссии Снелльман, человек правых взглядов, попытался избавиться от посла Эриха, имеющего еврейские корни, раздув в качестве предлога скандал о шпионаже. Тогда Туне, устав от всех этих интриг, поехал с Габи в ресторан «Сесиль», где они весь вечер пили шампанское и танцевали: он все еще помнил последний танец, играл оркестр «Октет Эрика Нильссона», а песня называлась «Звездная пыль». Еще он помнил, как приятно было обнимать Габи, ее бедра и талию под легким летним платьем по пути в их квартиру возле церкви святого Иоанна.

Туне вздрогнул, когда заметил, что остальные начали говорить о «Невесте егеря», пока он погрузился в свои мысли. Рейнальд Оландер был возмущен фильмом и утверждал, что не только в гитлеровской Германии машина пропаганды достигла верха в искусстве пускать пыль в глаза народу. Хейкки Путтонен согласился, а фру Альбек рассмеялась и сказала, что «Невеста егеря», возможно, и не самый лучший фильм, но Куллерво Кальске все же хорош в своей роли. Она поинтересовалась мнением фру Виик, а та осторожно ответила, что еще не видела фильма.

— Ну и ну! Ты же постоянно ходишь в кино! — в унисон воскликнули фрёкен Оландер и фру Альбек.

Фру Виик смутилась:

— Ну, мне вообще-то больше нравятся заграничные фильмы.

— Рассказывай! — фыркнула фру Оландер — Да ты же смотрела и «Хульда едет в Хельсинки», и «Женщины Нискавуори» несколько раз!

— Да, но я все-таки считаю... — фру Виик попыталась было протестовать, но не договорила.

Туне не видел ни «Хульда едет в Хельсинки», ни «Женщин Нискавуори». Но всего несколько недель назад посмотрел «Невесту егеря» в «Кино-Дворце». Сразу после праздника середины лета. В одиночестве.

Фильм ему не понравился. И все же гнев Оландера показался ему чрезмерным. Исторические фильмы всегда прославляют отечество, это обычное дело, почему Финляндия должна быть исключением? Больше всего Туне запомнился момент, когда один из финских егерей (он забыл, кто, — сюжет фильма показался ему притянутым за уши и бессвязным) пнул шпиона и прошипел: «Еврейское отродье!». Туне смотрел фильм всего спустя неделю после соревнований на Олимпийском стадионе, поэтому мысли сами собой обратились к Йоги Яри и к его безуспешным попыткам добиться справедливости для своего племянника.

Они обогнули угол Эдлунда, пересекли Норра Эспланаден и через парк неторопливо направились к памятнику Рунебергу и к Шведскому театру.

Туне все оглядывался по сторонам, он боялся, что его увидит какой-нибудь коллега-юрист или старый друг и растрезвонит, что он проводит субботний вечер в компании какого-то сброда. Теперь настала очередь Путтонена выудить жестяную флягу, бросив осторожный взгляд на идущих немного впереди женщин. Сначала Туне помотал головой, этого еще не хватало — вонючий самогон посреди Эспланады, к тому же чувство меры подсказывало, что больше пить не стоит, по крайней мере, не сейчас. Но он передумал, взял фляжку, зажмурился, чтобы не было видно, как от спиртного наворачиваются слезы, и сделал большой глоток. Открыв глаза, он увидел летнюю террасу на втором этаже театрального ресторана. Там Йоги Яри, Роби Линдемарк, Полле Грёнрус, Габи, он сам и сотни других людей танцевали под музыку Брасс-оркестра «Аврора Премьер» летом тридцать шестого и тридцать

седьмого. Иногда он перебирал с пронесенным тайком виски и обиженно ревновал, когда Габи танцевала с другими мужчинами.

Женщины сменили тему разговора и обсуждали новость, которая сегодня утром обошла все газеты.

Немецкая летчица-героиня Лотти Прейслер приехала в Гельсингфорс с недельным визитом. Она будет выступать на приеме в шюцкоре, перед учениками школы офицеров запаса и в других учебных заведениях.

Рейнальд Оландер снова вышел из себя и заявил, что у фрёкен Прейслер, конечно, томный взгляд и красивый профиль, но она настоящий нацист.

Теперь разозлилась фрёкен Оландер и прошипела брату, что он осел, примешивающий политику куда попало. «Томный взгляд», ну и что, когда наступает тот самый миг, все так смотрят!

Рейнальда Оландера как водой окатили, он пытался искать помощи у Хейкки Путтонена, но тот уставился в землю и молчал. Фру Альбек хотела сгладить ссору и сказала, что Лотти Прейслер, конечно, не идеал, но все же она пионер авиации и храбрая женщина, как несчастная Амелия Эрхарт.

Туне снова вспомнил Габи, она всегда восхищалась пилотами. Еще мысли о пилотах и авиации пробудили его страх перед полетами, навалились воспоминания о неприятных перелетах из Гельсингфорса в Стокгольм, из Стокгольма — в Таллин и Ленинград. Ему стало плохо, и он укрепился в мысли, что этим вечером больше пить не стоит. Попытался преодолеть дурноту мыслью о фотографии Лотти Прейслер, напечатанной в сегодняшнем выпуске газеты «Хювюдстадсбладет».

Фрёкен Прейслер сидела на цветочном лугу в районе Гумтект, окруженная восхищенными ею детьми. Подпись под фотографией поясняла, что она рассказывала «о своих небесных приключениях над четырьмя континентами и о страсти новой немецкой молодежи к смелым приключениям и веселым играм». На фрёкен Прейслер были плотно сидящий пуловер, брюки, подчеркивающие тонкую талию, спортивные ботинки. Длинные светлые волосы распущены. Фотография, снятая в профиль, подчеркивала все

достоинства ее фигуры. Выделяющийся под пуловером бюст фрёкен Прейслер притягивал взгляд, а Туне, у которого во время его уединенного завтрака возникло желание, подумал тогда, что ему уже очень нужна женщина, иначе он с ума сойдет. Так же в темноте кинотеатра он отреагировал на один рекламный ролик перед показом «Невесты егеря»: тогда предметом его вожеления стала молодая мать, ухаживающая за ребенком — блондинка в узкой нижней юбке.

Он отогнал мысли о фрёкен Прейслер, зашагал пошире и скоро оказался рядом с фру Виик, но так и не придумал, о чем заговорить.

Когда они перешли через Хенгриксгатан и оказались возле «Микадо», Пугтонен достал бутылочку «Вадемекума», и они вместе с Рейнальдом Оландером пополоскали горло, чтобы дыхание не отдавало самогоном.

«Я больше ни капли», — думал Туне, — «буду танцевать, общаться, буду обаятельным. Остальные считают меня чурбаном, но фру Виик знает, что я не такой уж скучный».

Фру Элен Пиль наконец, признала — это было жгучее возбуждение. Конечно, она рассказала бы обо всем мужу, будь он здесь. Это далось бы ей нелегко, о нет, тяжесть лежала на сердце, но так велит ее совесть. Но Эрик, как обычно, остался в канцелярии сверхурочно, и Элен оставалось исповедоваться перед Богом и перед огромной обезличенной массой людей. И конечно, перед собой. Она опустила на козетку и прижала вышитую подушечку к податливой талии. Это было уже не возбуждение. Это было сильное и страстное вожеление — пылающее, дразнящее тепло! Она провела подушкой вверх и вниз несколько раз, дразнящее ощущение нарастало. Так велико было ее желание, так сложно было сдержать его! Перед глазами стоял образ мощной фигуры Маурица. Она вспоминала его ослепительную улыбку, полную жизненной силой и savoir faire, снова и снова двигала подушечку туда-обратно, все быстрее. Она вдруг огляделась, словно боясь кого-то увидеть в комнате. Снова закрыла глаза, стянула кружевные перчатки и прикоснулась к шелковой ткани, гладкой и прохладной. Подушечка опустилась за подол нижней юбки и стала медленно подниматься по правому бедру, прямо к... Кто-то постучал в дверь. Элен открыла глаза. Ею овладело чувство вины, она ненадолго задержала дыхание.

«Кто там?» — крикнула она, помолчав несколько секунд.

— Из «Шелковой подушечки» Габриэллы Линде.

Сборник «Шелковая подушечка и другие новеллы» вышел в издательстве «Хольдгер Шильдтс» в апреле. В это же время в море растаял лед. Очистились от него заливы и бухты, возобновилось сообщение между Хельсинки, Стокгольмом и Таллинном, эта зима была мягкой.

Во вторник после работы Туне торопливо шел в «Академиск Букхандель». Утром в «Хювюдстадсбладет» опубликовали отзыв на дебютную работу Габи. Рецензия, автором которой был некий Уолкер, содержала и похвалу, и критику. Туне взял два экземпляра, и, ожидая своей очереди в кассу, нервно пробежал глазами оглавление. «Шелковая подушечка», «Воскресное утро», «Расследование и расправа», «Милая фрёкен Форландер» — все те рассказы, которые он читал тайком и публикации которых боялся, попали в печать.

В среду утром он отправился в «Скандинавское бюро путешествий» на Микаэльсгатан, и приобрел путевку из Гельсингфорса в Стокгольм и обратно. Он попросил работника агентства заказать каюту первого класса на пароходе «Архимед», а также четыре ночи в эксклюзивном «Карлтоне» на Кунгсгатан. Интерьер от «Нордиска компаниет», телефон в номере, электрическая связь с портье, часы в фойе, которые показывают время разных поясов, — Туне не просто нуждался в смете обстановки, ему нужно было немного роскоши.

Он хотел сбежать из этого абсурдного, клаустрофобически тесного Гельсингфорса, по которому уже разошлись слухи, а образованные люди беспрепятственно могли размышлять о Класе и Габи Туне, о любовнике Габи — Роби Линдемарке, читая ее рассказы.

Сложно было решиться оставить на попечение фру Виик все дела в бюро на всю неделю. Когда все это случилось, она успела поработать еще совсем не много. Но он решил положиться на нее. Фру Виик не только была дельным работником. Он доверял ее *Fingerspitzgefühl* и знанию людей.

Туне знал, что отправляется не в далекие Тимбукту или Тихуану. Город назначения был знаком ему вдоль и поперек, был полон воспоминаний, в том числе и о годах, проведенных по ту сторону залива вместе с Габи. Он решил,

что не пойдет в те рестораны и кафе, в которых они обычно бывали, что не пойдет к собору святого Иоанна, где они жили, и что постарается обходить Хумлегорден, где Габи нравилось гулять. Он попытался заранее утешить себя тем, что составил такую обширную программу, которую только смог.

Спектакли, много.

Пер Гюнт в Драматическом. Туне мечтал увидеть Йосту Экмана-старшего на национальной сцене, но Экман умер от воспаления легких в январе, сразу после гастролей в Гельсингфорсе.

Туне также собирался отобедать с племянником, Рольфом-Оке. В его планы входило предложить Ролле партнерство. В таком случае Ролле откажется от предложений, поступивших к нему из Уппсалы и Стокгольма, вернется домой, и Адвокатское бюро «Туне» превратится в «Туне и Ханселль». К тому же, благодаря своим контактам в дипмиссии Туне договорился о визите к новому послу Паасикиви, который, по мнению многих, отличался вспыльчивостью. Туне должен был взять у Паасикиви интервью о ситуации в Европе для своего внешнеполитического обзора, который заказал главный редактор «Свенска Прессен» Вальрус.

Пароход «Архимед», построенный в 1890-х, был задешево куплен «Финской пароходной компанией» в Германии, и курсировал по маршруту Гельсингфорс-Стокгольм уже более десяти лет. Обстановка на борту была довольно старомодной, но вместе с тем приятной. Пассажиры первого класса, а Туне пользовался только им, словно возвращались в старое-доброе прошлое, которое уже исчезло.

Туне привык к пароходам. Вместе с Габи он путешествовал на «Архимеде» или «Ойхонне» как только представлялась возможность. Летали они только в случае крайней спешки. И все же Габи нравилось летать. Она боготворила героев-летчиков и летчиц: Чарльза Линдберга, Говарда Хьюза, Амелию Эрхарт и ту немецкую блондинку, Лотти Прайслер. Этих отважных людей, рисковавших своей жизнью ради новых маршрутов и новых рекордов.

А Туне боялся летать. Для него не было ничего хуже, чем находиться пристегнутым и сдавленным в неудобном кресле, с тонкой железной оболочкой вокруг, высоко в воздухе. Холод, полумрак, теснота (из-за высокого роста ногам все время не хватало места), рев моторов, непонятная качка и вибрация корпуса, воздушные ямы, страшная посадка на Кронбергсфьярден или на новом аэродроме в Бромма. А скоро и в Гельсингфорсе появится первый настоящий аэродром, ... в хорошо известном большевикам и цыганам Мальмё. Полеты — это ужасно и невыносимо, это занятие для птиц и ангелов, не для людей.

Так считал Туне, и ему было милее плыть на корабле даже в самую сильную качку, когда более чувствительные — сам он никогда не жаловался на дурноту — лежали по каютам, задыхались и изрыгали желтую желчь.

Туне отказался от виски с лимонадом и беседы в кают-компании после ужина. Он вернулся к себе, улегся на койку, закурил и начал читать новеллы Габи. Те же новеллы, что он в нервном напряжении снова и снова перечитывал одинокими июльскими днями своего последнего лета в Стокгольме, словно несчастный Арвид Шернблум все еще стоял в парке под деревьями и по волшебству сделал его таким же несчастным, как и он сам.

На этот раз Туне читал более вдумчиво. Он пытался принизить талант Габи, чтобы восстановить свою самооценку. «У нее слишком много восклицательных знаков, — угрюмо убеждал он себя, — она пишет в экзальтации». Стиль несдержанный, решил Туне, язык повествования то чересчур буквальный, то ударяется в старомодный пафос.

Но обмануть самого себя Туне не удалось. Он видел, что ее проза неплоха. Она видела под маской истинную суть людей, и создавала их красноречивые портреты несколькими выразительными штрихами. Ее наблюдения были верными и остроумными. Рассказ захватывал читателя, и хотелось узнать, чем все закончится.

Если бы Туне так не ревновал и не судил предвзято, он бы восхитился. Но поскольку обстоятельства сложились известным образом, он снова

рассердился. Со злорадством он вспомнил критику Уолкера в «Хювюдстадсбладет»:

«Кажется, что созданные писательницей обстоятельные и волнительные описания эротических желаний и страстей были ее самоцелью. Пример этому — новелла, давшая название сборнику. Языковая разнобоица ставит под угрозу ее содержательную ценность. Опытные читатели помнят об Агнес фон Крузенштерна и баталиях вокруг ее романов. Есть подозрение, что в остальном весьма одаренная фрёкен Линде готова пожертвовать стилем в угоду желанию эпатировать общество, хоть неизвестно, будет ли оно вообще эпатировано».